

ЗВЕЗДНЫЙ ПУТЬ

Космос для науки,
только для мирных целей,
на благо человека,
неутомимо разгадывающего
сокровенные тайны природы, —
вот тот путь, по которому
развиваются и осуществляются
советские космические
исследования.

С. П. КОРОЛЕВ

Советские люди стали
первопроходцами. Перед ними
открылся неведомый мир:
таинственный, суровый,
еще непознанный, полный
опасностей... И, однажды
шагнув в океан звезд, люди
пойдут дальше, добывать новые
знания, новые сведения,
раскрывать новые тайны.
Это нужно тем, кто пойдет
за ними, нужно планете,
всему человечеству.

Ю. А. ГАГАРИН

ЗВЕЗДНЫЙ ПУТЬ

МОСКВА
ИЗДАТЕЛЬСТВО
ПОЛИТИЧЕСКОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ
1986

39.62

З-43

Составители

М. И. Герасимова, А. Г. Иванов

З-43

Звездный путь /Сост. М. И. Герасимова,
А. Г. Иванов.-- М.: Политиздат, 1986.- - 351 с., ил.

В книге рассказывается о достижениях советской пилотируемой космонавтики, о том славном пути, который она прошла за четверть века со дня первого старта человека в космос, о тех, кто стоял у истоков легендарного полета корабля «Восток», о первопроходцах космоса Ю. А. Гагарине и С. П. Королеве.

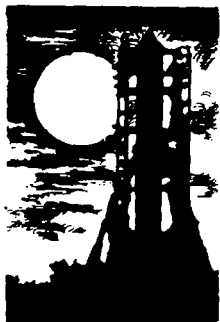
Читатели с интересом познакомятся с воспоминаниями непосредственных участников и очевидцев событий, ставших историей.

Адресуется широкому кругу читателей.

З $\frac{0802010203-082}{079(02)-86}$ 192-86

39.62
6Т6

© ПОЛИТИЗДАТ, 1986 г.

ПЕРВЫЕ

А. Ю. ИШИЛИНСКИЙ, академик,
Герой Социалистического Труда,
лауреат Ленинской премии

Четверть века отделяет нас от события, открывшего космическую эру в истории человечества. Легендарный гагаринский «Восток» приблизил горизонты в познании Вселенной, положив начало планомерному исследованию и освоению космического пространства.

Космос все больше обживается, становится ареной сотрудничества различных стран, способствует их сближению и взаимопониманию, помогает решать проблемы, одинаково близкие и актуальные для всех народов Земли.

Отличительной особенностью советской космонавтики всегда была и остается ее мирная направленность.

«Победы в освоении космоса мы считаем не только достижением нашего народа, но и всего человечества. Мы с радостью ставим их на службу всем народам, во имя прогресса, счастья и блага всех людей на Земле. Наши достижения и открытия мы ставим не на службу войне, а на службу миру и безопасности народов.

Развитие науки и техники открывает безграничные возможности для овладения силами природы и использования их на благо человека, для этого прежде всего надо обеспечить мир». Эти слова из обращения Центрального Комитета КПСС, Президиума Верховного Совета СССР и Совета Министров СССР к народам и правитель-

ствам всех стран 12 апреля 1961 года стали программными во всей нашей дальнейшей деятельности по исследованию и использованию космического пространства.

Советский Союз всегда исходил из того, что успехи космонавтики являются достоянием всего человечества, вкладом в дело укрепления мира на нашей планете. Именно Советский Союз постоянно расширяет международное сотрудничество в изучении и освоении космоса.

Мы понимаем всю опасность милитаризации космоса, «звездных войн», к которым она может привести и которые грозят гибелью всему живому на земле. Вот почему наша страна призывает народы всей земли осваивать космос в мирных целях.

Шестьдесят советских космонавтов пропили звездной дорогой Гагарина. Вместе с ними в последние годы совершили полеты на советских космических кораблях и орбитальных станциях представители стран социалистического содружества — Чехословакии, Польши, ГДР, Болгарии, Венгрии, Вьетнама, Кубы, Монголии, Румынии, а также космонавты Франции и Индии. В 1975 году состоялся совместный советско-американский полет кораблей «Союз» и «Аполлон». Эти полеты стали ярким примером эффективности мирного международного сотрудничества в космосе.

Космонавтика верно и надежно служит науке и народному хозяйству. Множество автоматических аппаратов работают на околоземных орбитах, в межпланетном пространстве.

От ста восьми гагаринских минут до многомесячной работы космонавтов на орбитальных станциях — вот тот исторически небольшой, но славный путь, который прошла советская космонавтика.

Полет первого в истории космического корабля «Восток» продемонстрировал мощь советской индустрии, высокий уровень научно-инженерного творчества в СССР.

Десятки научных и производственных коллективов

готовили к старту легендарный «Восток», была проделана огромная по масштабам работа.

Руководил этим грандиозным экспериментом выдающийся ученый и инженер, академик Сергей Павлович Королев.

В истории науки и техники нет более высокой оценки творчества ученого, чем признание его основоположником новой области человеческих знаний. К числу таких ученых с полным правом можно отнести С. П. Королева. С его именем связана целая эпоха в освоении космоса: первые искусственные спутники Земли; первые рейсы автоматических станций к Луне и планетам; беспрецедентный космический полет Юрия Гагарина на корабле «Восток»; первый выход человека в открытый космос.

Сергей Павлович Королев говорил: жить просто — нельзя, жить надо с увлечением. И это крылатое выражение подтверждается всеми его делами, всей жизнью, до конца отданной осуществлению мечты человечества — полету к звездам.

С. П. Королев обладал громадным даром научного и технического предвидения, был блестящим организатором. Его авторитет общепризнан.

Велика заслуга Сергея Павловича Королева и в том, что он создал свою школу, воспитал многих талантливых инженеров и ученых. Его товарищи по работе и ученики продолжают и сегодня дело, начатое им, запуская в космос пилотируемые космические корабли, долговременные орбитальные комплексы, автоматические спутники Земли и межпланетные станции.

Для новых поколений советских людей 12 апреля 1961 года — далекая история, но мы постоянно обращаемся к этим событиям, ставшим золотыми страницами истории человечества, к именам людей, с которыми связан величайший подвиг — прорыв в космос. Первыми в этом списке стоят Сергей Павлович Королев и Юрий Алексеевич Гагарин — Главный конструктор и Первый космонавт.

Юрий Гагарин... Пожалуй, не было на нашей планете человека, который пользовался бы такой известностью и любовью народов всего мира. «Он всех нас позвал в космос», — сказал о нем американский астронавт Нейл Армстронг.

Жизнь и подвиг Юрия Гагарина — воплощение всего лучшего, что рождено Великим Октябрем, олицетворение вечной молодости нашего народа, трудолюбия, честности, преданности своему делу и идеалам социализма.

С. П. Королев говорил, что в Юрии Алексеевиче «сочетаются природное мужество, аналитический ум, исключительное трудолюбие».

Гагарин отвечал всем требованиям, которые предъявлялись к командиру первого пилотируемого космического корабля: он был смел, решителен, хорошо понимал и степень риска, и огромную моральную ответственность перед людьми, перед человечеством за успех первого шага в неведомое.

Слава, которая обрушилась на Юрия после полета, не вскружила ему голову. Когда его за рубежом спросили: «Не смущает ли вас, мистер Гагарин, слава, которой окружено ваше имя?» — первый космонавт планеты ответил: «Это не моя личная слава. Разве я мог бы проникнуть в космос, будучи одиночкой? Тысячи советских людей трудились над постройкой ракеты и космического корабля, на котором мне поручили полет. И этот полет — триумф коллективной мысли, коллективного труда тысяч советских рабочих, инженеров, ученых. Это слава нашего народа». В этом ответе — весь Гагарин.

Гагарин был прост и одновременно глубок в своих чувствах и мыслях, природная мягкость и доброта души уживались с завидной твердостью характера.

Несмотря на разницу в годах, Сергея Павловича и Юрия связывала большая дружба, они с теплотой и уважением относились друг к другу. Они были коммунистами, патриотами Советской Родины. И были убеждены

в том, что обязанность коммуниста — быть всегда впереди.

Они были первыми — и те, кто создавал космические корабли, и те, кто отправился на этих кораблях навстречу неизвестности. Труд создателей и подвиг первопроходцев космоса требовали от тех и других полной отдачи сил, безграничной веры в то великое дело, которое они делали.

Книга «Звездный путь» выходит в год 25-летия со дня первого в истории полета человека в космос. В ней рассказывается о жизни и деятельности академика Королева, о жизни и подвиге первого космонавта планеты Юрия Гагарина, о том, как готовился этот исторический полет, и о том славном мирном пути, которым идет советская космонавтика.

И сегодня, спустя четверть века, мне вспоминаются слова Сергея Павловича Королева: «Космонавтика имеет безграничное будущее, и ее перспективы беспредельны, как сама Вселенная».

ВОПЛОЩЕНИЕ МЕЧТЫ

М. И. ГЕРАСИМОВА

*Он жизнь бы прожил не без проку,
Когда б и раньше был рожден,
Но и ко времени и к сроку
На белый свет явился он...
Не потому, что это к слову,
А потому, что факт таков:
Был век наш нужен Королеву,
А веку — нужен Королев.*

(Максим Геттуев)

В памяти человечества наиболее яркий и памятный след оставляют ученые, с именами которых связаны новые направления научных исследований, рождение новых областей человеческой деятельности.

XX век открыл эру освоения человеком космоса. И если общепризнано, что основоположником теоретической космонавтики, начало которой было положено на пороге XX столетия, является Константин Эдуардович Циолковский, то основоположником практической космонавтики, фактическим создателем ее является наш современник и соотечественник Сергей Павлович Королев.

С именем Королева связаны величайшие достижения нашего века: запуск первого в мире искусственного спутника Земли, первый в истории полет человека в космическое пространство, первые запуски автоматических аппаратов на Луну и Венеру, впервые проведенное фотографирование обратной стороны Луны.

Вся жизнь Сергея Павловича Королева была отдана служению великой цели прорыву человека в космическое пространство, изучению и освоению космоса в интересах всего человечества. Он был верным и великим сыном нашего народа, нашего социалистического государства.

Родился С. П. Королев 30 декабря (по старому стилю) 1906 года в городе Житомире. Отец его, Павел Яковлевич, служил учителем словесности в мужской гимназии. Мать, Мария Николаевна, происходила из древнего рода нежинских казаков. Когда Сереже было два года, его родители разошлись, мать увезла маленького Сергея к деду и бабушке в Нежин, где и прошло его детство. Отца Сергей Павлович больше никогда не видел.

В 1916 году Мария Николаевна вторично вышла замуж. Отчимом Сережи стал Григорий Михайлович Баланин. Вскоре вся семья, вместе с Сергеем, переезжает в Одессу. Здесь Сергей поступает в первый класс гимназии (начальное образование он получил в Нежине). Однако гимназия скоро закрылась, пришлось продолжать занятия в старших классах начальной школы.

Когда началась революция, Сергею исполнилось 10 лет, а три года спустя Одесса была окончательно освобождена от белогвардейцев и интервентов. Недалеко от дома, где жила семья, расположился гидроавиационный отряд. Сергей был постоянным гостем летчиков, доставал и читал книги по авиации.

Увлечение авиацией, созревшее желание самому построить планер привели его в июне 1923 года в кружок планеристов губернского Общества авиации и воздухоплавания Украины и Крыма (ОАВУК).

Вскоре Сергей поступает в Одесскую строительную профессиональную школу № 1. В августе 1924 года он получает документ об окончании этой школы по специальности черепичника.

Окончив школу, он думает о дальнейшем образовании. Ему хотелось учиться в Военно-воздушной инженерной академии имени Н. Е. Жуковского, и он посылает туда свои документы. Однако ответ долго не приходит, и Сергей поступает в Киевский политехнический институт на авиационное отделение механического факультета.

С. П. Королев переезжает в Киев. Здесь начинается его самостоятельная жизнь. Ему приходилось быть разносчиком газет, работать грузчиком и даже сниматься статистом в кино.

В 1926 году отделение института закрывают, и Королев переводится в Московское высшее техническое училище (ныне МВТУ имени Н. Э. Баумана), чтобы получить желанную специальность аэромеханика. Когда Сергей появился в МВТУ, он сразу же включился в работу по конструированию летательных аппаратов и полетам на планерах. Занимаясь в кружке планеристов в Одессе, он сконструировал свой первый планер К-5. Конструкция планера подтверждалась строгими инженерными расчетами, причем, как признавался сам Королев, «все необходимые знания по разделам высшей математики и воздухоплаванию я получил самостоятельно, пользуясь лишь указаниями литературы...». Сергей был руководителем кружка планеристов, выступал с лекциями.

Активность, энергия, волевые качества и здесь быстро выделили Королева среди товарищей. Он стал заместителем начальника планерной школы. И сам учился в этой школе летать на планерах.

Впервые на IV Всесоюзный слет планеристов в Коктебель Сергей Королев приехал в 1927 году. А в 1929 году он привозит на слет планер «Коктебель», сконструированный им вместе с Люшиным. Сначала планер всех удивил: он был тяжелее обычных, с большей нагрузкой на крыло. Однако испытания показали его высокие аэродинамические качества.

Его достоинства были отмечены в журнале «Вестник

Воздушного Флота», который писал: «Несмотря на значительно бóльшую, чем у всех других планеров, удельную нагрузку, он летал несколько не хуже своих более легких конкурентов. Обладая большой горизонтальной скоростью и естественной устойчивостью, планер весьма послушен в управлении благодаря большому моменту рулей».

В этом отзыве отмечено необычное качество планера — нагрузка на крыло, которое сохранится и у других планеров конструкции Королева. Генеральный конструктор Олег Константинович Антонов впоследствии писал: «Уже тогда в своих конструкциях Королев шел на шаг впереди остальных».

На VII Всесоюзный слет планеристов в 1930 году Королев представил свой новый планер СК-3 «Красная звезда». И опять этот планер удивил специалистов своей конструкцией. Еще же большим было удивление, скорее изумление, когда на этом планере летчик В. А. Степанченко совершил свой исключительный полет, исполнив три мертвые петли, которые до этого были уделом лишь моторной авиации. Королев хотел сам показывать свой планер, но неожиданно заболел тифом.

В 1929—1931 годах Королев познакомился с идеями и трудами Циолковского и увлекся ими.

Идеи межпланетных путешествий появились задолго до этого, и Королев, человек своего времени, не мог не знать о них раньше. Но он всегда был практиком, для него среди новых, передовых идей прежде всего существовали те, которые могли реально воплотиться в жизнь. В работах Циолковского именно в это время Сергей Павлович увидел не только их фантастичность, но и осуществимость их на практике, причем в недалеком будущем. И этим объясняется, что они нашли отклик в сердце Королева, страстная, деятельная натура которого постоянно стремилась к новому. Важной чертой Королева было то, что он самую, казалось бы, отвлеченную идею рассматривал с точки зрения здравого смысла, искал практи-

ческие пути ее воплощения, технического решения. Такое ближайшее воплощение мечты о полете в космос Сергей Павлович вскоре увидел в создании ракетоплана — планера с жидкостным ракетным двигателем. А пока Королев строил планеры и самолеты.

Дипломной работой студента Королева руководил Андрей Николаевич Туполев. Для проекта выбран был легкомоторный самолет СК-4. Строился он по заданию Центрального Совета Осоавиахима и предназначался для дальних перелетов, в качестве средства связи, а также для полетов на местных авиалиниях, агитполетов и для тренировки летчиков. По схеме это был двухместный моноплан с крылом утолщенного профиля, расположенным на фюзеляже. По прочности самолет был рассчитан на выполнение фигур высшего пилотажа.

К сожалению, большим надеждам, которые возлагались на этот проект, не суждено было сбыться. Из-за отказа мотора в одном из полетов СК-4 потерпел аварию, разбился. Летчик Кошиц, пилотировавший самолет, остался жив, получил лишь незначительные ушибы.

Королев глубоко переживал неудачу, но она не разочаровала его. Уже став ракетчиком, он продолжает создавать новые планеры, в том числе мотопланер. В пятом номере журнала «Самолет» за 1936 год была опубликована анкета «Над чем мы работаем?». Первым конструктором, выступавшим с ответами на вопросы анкеты, был С. П. Королев. Он писал:

«В ближайшее время выходит в первый полет пассажирский 6-местный мотопланер СК-7 моей конструкции...

Полетные испытания СК-7 представляют большой интерес для проверки на практике расчетных данных подобных машин и, в частности, для выяснения вопроса о максимальных возможных перегрузках мотопланеров».

Наибольшую известность получил планер Королева СК-9, последний в его конструкторской биографии. Впервые планер был представлен на XI Всесоюзном слете

планеристов в Коктебеле, куда он совершил перелет по маршруту Москва — Харьков — Кривой Рог — Коктебель, преодолев это расстояние за 11 часов 20 минут. В дальнейшем на его основе был построен ракетоплан РП-318-1, вписавший славную страницу в историю ракетостроения в СССР.

В начале 1930 года Сергей Королев оканчивает МВТУ. С октября 1928-го по июнь 1930 года одновременно с учебой он работал на авиационном заводе, а затем старшим инженером в ЦАГИ — до сентября 1933 года.

В 1931 году в Осоавиахиме было организовано общественное Бюро воздушной техники. Одна из групп именовалась Группой изучения реактивного движения (ГИРД). Главным инициатором ее создания был инженер Фридрих Цандер. Вскоре она была преобразована в Центральную ГИРД (аналогичные группы создаются в Ленинграде, Харькове, Тифлисе и других городах).

В это время в Осоавиахиме Королев познакомился с Цандером и очень скоро превратился для ГИРД в совершенно незаменимого человека. В сентябре 1931 года в планах ГИРД появляется ракетоплан Королева с двигателем Цандера, а 14 июля 1932 года Королев назначается начальником ГИРД.

Энтузиасты нового дела с увлечением работают над созданием ракет. 17 августа 1933 года в Нахабино, под Москвой, проводятся испытания первой советской жидкостной ракеты «09» конструкции Михаила Клавдиевича Тихонравова. Королев руководит испытаниями. Это было историческое событие, о котором Королев в стенной газете гирдовцев «Ракета» писал:

«Первая советская ракета на жидком топливе пущена. День 17 августа несомненно является знаменательным днем в жизни ГИРД, и, начиная с этого момента, советские ракеты должны летать над Союзом Республик.

Коллектив ГИРД должен приложить все усилия для того, чтобы еще в этом году были достигнуты расчетные

линные ракеты и она была бы сдана на эксплуатацию в Риббон-Крестьянскую Красную Армию...

Необходимо также возможно скорее освоить и выпустить в воздух другие типы ракет для того, чтобы всесторонне изучить и в достаточной степени овладеть техникой реактивного дела.

Советские ракеты должны победить пространство!»

Если говорить о работе Королева в ГИРД, то можно сказать, что Королев создал ГИРД, но и здесь же началось становление Главного конструктора.

За достижения в разработке ракетной техники в ноябре 1933 года С. П. Королев награждается высшей наградой Осоавиахима — знаком «За отличную работу в Осоавиахиме».

В 1933 году принимается решение о слиянии московской ГИРД и ленинградской Газодинамической лаборатории и о создании первого в мире Реактивного научно-исследовательского института (РНИИ). Королев назначается заместителем начальника института по научной работе.

Весной 1934 года произошло еще одно событие, которое помогло Королеву уже для самого себя подвести итоги первым своим работам в ракетной технике, определить свой дальнейший путь. 31 марта в Ленинграде открылась I Всесоюзная конференция по изучению стратосферы. «Правда» тогда писала: «В интересном докладе инж. С. П. Королев... подверг анализу возможность и реальность полета реактивных аппаратов в высших слоях атмосферы. Центральным является здесь создание ракетных двигателей на жидком топливе. Разрешение этой проблемы упирается в необходимость чрезвычайно большого расхода топлива и весьма высокие температурные условия...»

В том же году выходит в свет книга Королева «Ракетный полет в стратосфере». В ней Сергей Павлович изложил историю, современное состояние и перспективы при-

менения ракетных двигателей для полета человека и дал обоснование преимущества пороховых, жидкостных и воздушно-реактивных двигателей в разных областях их применения.

В РНИИ под руководством Королева была проведена широкая программа научных исследований и опытно-конструкторских работ, завершившихся стендовыми и летными испытаниями ряда конструкций баллистических и крылатых управляемых экспериментальных ракет и первыми полетами советского человека на ракетном аппарате.

Разрабатывается управляемая крылатая ракета дальнего действия «212» с ракетным двигателем на жидком топливе ОРМ-65, разработанном В. П. Глушко. Королев руководит работой и участвует в ней. Ракета могла нести полезный груз в 30 килограммов. Стартовала она с помощью пороховой ракетной катапульты. Первые летные испытания ракеты состоялись на Софринском полигоне под Москвой 29 января 1939 года.

Обосновывая необходимость создания крылатой ракеты, С. П. Королев 2 марта 1935 года выступил с подробным докладом на организованной по его инициативе Всесоюзной конференции по применению реактивных летательных аппаратов к освоению стратосферы. В докладе он говорил: «Крылатая ракета имеет большое значение для сверхвысотного полета человека и для исследования стратосферы. Задача дальнейшего заключается в том, чтобы упорной повседневной работой, без излишней шумихи и рекламы, так часто присущих, к сожалению, еще и до сих пор многим работам в этой области, овладеть основами ракетной техники и занять первыми (разрядка моя.— М. Г.) высоты страто- и ионосферы». Работа Королева над ракетами раскрывает комплексный характер подхода к их созданию. Он считает, что ракета — это целый комплекс систем и каждая система важна для решения конечной цели. Он говорит о «надежном моторе» (двигателе), он же ставит вопрос о необходимости

создания надежной «автоматики» (системы управления), без которой невозможен устойчивый полет ракеты.

Одновременно Королев настойчиво работал над созданием ракетоплана. Первые в СССР полеты человека на ракетном аппарате были выполнены в феврале — марте 1940 года летчиком В. П. Федоровым на ракетоплане РП 318-1 конструкции Королева.

1942 год. Королева направляют на работу в Казань на пилотажный моторостроительный завод, где ведется разработка авиационных ракетных установок.

В декабре он завершает работу над предэскизным проектом реактивного самолета-перехватчика РП с жидкостным ракетным двигателем РД-1 конструкции В. П. Глушко. Этот самолет должен был иметь лучшие характеристики, чем построенный в 1942 году в конструкторском бюро В. Ф. Болховитина первый советский реактивный самолет БИ-1.

Королев назначается руководителем группы, а затем заместителем главного конструктора по испытаниям авиационных ракетных установок.

Сергей Павлович занимается проектированием и руководит работами по установке ракетных ускорителей на самолеты конструкции Петлякова, Яковлева, Лавочкина и сам их испытывает. Однажды во время полета взорвался двигатель, установленный на Пе-2, Королев при этом был ранен.

С. П. Королеву, несмотря на занятость текущей работой, тесно в этих рамках. Об этом говорят записи, сделанные в 1942 году: в них расчеты и рисунки ракетоплана, он мечтает об институте по разработке и созданию ракет, намечает его структуру с проектным и конструкторским отделами, экспериментальной базой и опытным заводом.

В 1945 году С. П. Королева отзывают в Москву и назначают руководителем группы специалистов для изучения

трофейной техники. До этого группы работали разрозненно. С приездом Королева сразу почувствовали: появилась твердая рука, появился человек, который взял на себя полностью руководство и координацию действий этих групп.

В мае 1946 года в нашей стране впервые создается новая отрасль промышленности — ракетная, с научно-исследовательскими институтами и конструкторскими бюро. Вскоре С. П. Королев назначается начальником проектного отдела головного института и главным конструктором баллистических ракет.

Назначение С. П. Королева было закономерным: он уже зарекомендовал себя как крупный инженер и ученый в области ракетной техники, наделенный большими организаторскими способностями, человек смелый, решительный и вместе с тем реалистично оценивающий трудности, умеющий выбирать главные направления прогресса ракетной техники, в том числе и космических исследований.

Наряду с Королевым были назначены главные конструкторы по двигателям, по системе управления, по гироскопам, системе радиоуправления и наземному комплексу — В. П. Глушко, Н. А. Пилюгин и другие. Создается коллективный орган, не имевший аналогов, — Совет главных конструкторов. Формально вневедомственный, он фактически стал коллективным органом, координирующим и направляющим деятельность предприятий, занятых разработкой и созданием ракетной техники. Возглавляет Совет главных С. П. Королев, признанный к этому времени безусловным авторитетом в новой области науки и техники.

Создать коллектив ракетчиков оказалось делом непростым. Конструирование, сборку и испытания ракет, а в дальнейшем и космических аппаратов пришлось начинать практически с нуля. Необходимой базы для этого

тогда еще не было. Предстояло в короткие сроки организовать работу новой отрасли, перестроить и переоборудовать заводы, выпускавшие раньше совсем другую технику, под производство невиданной до этого продукции.

Центральный Комитет КПСС и Советское правительство уделяли большое внимание становлению и развитию ракетной техники. К решению этой грандиозной задачи были привлечены основные отрасли промышленности, министерства и ведомства, конструкторские бюро, научно-исследовательские институты и заводы. Фактически была создана новая структура для выполнения сложной научно-технической программы.

Вот здесь и помогли новому делу исключительные организаторские способности Сергея Павловича. Коллектив, возглавляемый С. П. Королевым, становится в этой структуре основным, обеспечивая практическую реализацию программы в целом.

1947 год стал годом проверки способности коллектива, руководимого Королевым, решать крупнейшие задачи развития современной техники. Предстояли испытания первых баллистических жидкостных ракет.

И первые же пуски ракет показывают — летают они отлично, у них высокие полетные характеристики. Всего было проведено 12 пусков экспериментальных ракет. Все они завершились успешно, заложив надежный фундамент для дальнейшего развития отечественного ракетостроения. Под руководством Королева была разработана методика испытаний. Сергей Павлович сам строго следил за порядком на старте, руководствуясь принципом: «В нашей работе нет мелочей!» Относилось это и к самой технике, и к организации работ, и к подбору людей, к устройству их быта. Он удивительно точно умел подбирать себе сотрудников. Это был коллектив единомышленников, энтузиастов нового дела. Сергей Павлович говорил: «Большая разница есть между конструктором раньше и теперь. Раньше конструктор рассчитывал и строил машину сам.

Я под руководством А. Н. Туполева в конце двадцатых годов делал дипломный проект — рассчитывал легкомоторный самолетик. Сам выполнил половину чертежей... Захотел бы современный конструктор сделать все расчеты сам, когда проектируемый аппарат содержит десятки тысяч деталей, и превратился бы в кустаря. Для этого не хватило бы ни сверхчеловеческого ума, ни сверхчеловеческих сил... Конструктор должен верно ставить задачи, прислушиваться к мнению коллектива...

С самого начала, с первой ракеты мы опирались на коллегиальность. Ни одного решения, объекта, графика без обсуждения!.. Нередко обсуждали противоречащие друг другу предложения. Не раз жизнь опрокидывала наши наметки. Окончательный итог складывался из данных, полученных при отработке частей ракеты».

За очень короткое время коллектив Королева создает несколько типов жидкостных баллистических ракет дальнего действия, в которых уже использованы принципиально новые конструктивные решения. Совершенствуются системы, разрабатываемые другими главными конструкторами, его соратниками, --- система управления, двигательные установки, радиотелеметрическая система.

Первый советский комплекс с управляемыми баллистическими ракетами Р-1 был создан и испытан осенью 1948 года, на несколько лет раньше, чем в США.

К наиболее крупным достижениям этого времени относится разработка принципиально новой конструктивно-компоновочной схемы баллистической ракеты - с несущими топливными баками и отделяющейся головной частью. Эти новые решения при существенном увеличении тяги жидкостных ракетных двигателей позволили значительно увеличить дальность полета ракеты и создать первую советскую ракету стратегического назначения.

Особое место в творчестве С. П. Королева этого периода занимает создание первой советской баллистической ракеты дальнего действия

В 1949 году по инициативе Королева начинаются исследования верхних слоев атмосферы с помощью ракет. Он ставит перед институтами Академии наук задачу разработки программы научных исследований и соответствующей аппаратуры — технические возможности его коллектив обеспечит. Первым его союзником стал будущий академик С. Н. Вернов — его аппаратура «ФИАН-1» была установлена на первой в мире геофизической ракете, стартовавшей в мае 1949 года. Это было началом широкой программы исследований. Увеличивалось количество экспериментов, на ракетах начали поднимать животных, отрабатывая при этом различные варианты их возвращения на землю (с помощью катапультирования, путем возвращения на парашюте кабин с животными).

В 1953 году С. П. Королева избирают членом-корреспондентом Академии наук СССР. В этом же году он вступает в Коммунистическую партию. Еще в 1950 году отдел Королева преобразуется в Особое конструкторское бюро, которое в 1956 году вместе с опытным заводом становится самостоятельной организацией. Королева назначают главным конструктором и начальником предприятия. Еще в начале 50-х годов в тесном сотрудничестве с учеными-атомщиками, в первую очередь с И. В. Курчатовым, по заданию правительства страны начинаются работы над ракетно-ядерным оружием. Первая советская стратегическая ракета с ядерным боевым зарядом была успешно испытана в 1956 году.

В 1954 году под руководством С. П. Королева ведется разработка «Эскизного проекта межконтинентальной баллистической ракеты». В связи с этим он пишет: «Проводящаяся в настоящее время разработка... позволяет говорить о возможности создания в ближайшие годы искусственного спутника Земли».

Вскоре, в самом начале 1955 года, было принято решение о строительстве космодрома. Выбор пал на Казахстан, на пустынное место вдали от крупных населен-

ных пунктов. Королев руководит разработкой проектного задания на строительство ставшего легендарным Байконура. Он участвует в выборе места для космодрома и в планировке его служб.

В августе 1957 года Советский Союз объявил о создании первой в мире межконтинентальной баллистической ракеты, на базе которой создается ракета-носитель для выведения космических аппаратов. Оригинальная конструктивно-компоновочная схема ракеты позволила использовать ее долгие годы для самых различных целей. И сейчас ее модификация служит для запуска пилотируемых кораблей и многих автоматических аппаратов.

4 октября 1957 года с помощью двухступенчатой ракеты на орбиту был выведен первый в мире искусственный спутник Земли.

Незадолго до этого события Королев писал в ЦК КПСС и Совет Министров СССР:

«Просим разрешить подготовку и проведение первых пусков двух ракет, приспособленных в варианте искусственных спутников Земли, в период апрель - июнь 1957 г., до официального начала Международного геофизического года, проводящегося с июля 1957 г. по декабрь 1958 г. ...Ракету путем некоторых переделок можно приспособить для пуска в варианте искусственного спутника Земли, имеющего небольшой полезный груз в виде приборов весом около 25 кг.

...Разрабатывается ракета-носитель искусственного спутника Земли с весом контейнера спутника около 1200 кг, куда входит большое количество разнообразной аппаратуры для научных исследований, подопытные животные и т. д.

Первый запуск этого спутника установлен в 1957 г. и, учитывая большую сложность в создании и отработке аппаратуры для научных исследований, может быть произведен в конце 1957 г. ...»

Да, первым разрабатывался тяжелый спутник со слож-

ним комплексом аппаратуры. Но в разгар работ над ним Королев предложил запустить легкий, простой спутник Земли.

Было это связано с проведением в 1957 году Международного геофизического года. В соответствии с программой научных исследований Советский Союз сообщил о намечающихся запусках спутников Земли. В 1957 году в нашей стране была разработана ракета-носитель для выведения спутников на орбиту. Но чтобы космические аппараты могли служить науке, вести исследования там, где их невозможно проводить обычными, земными методами, для этого нужно решить самую важную проблему — передачи с борта спутника и приема на Земле научной информации. В то время ученые еще не знали, смогут ли радиоволны с больших высот «пробить» ионосферу Земли, дойдут ли радиосигналы без искажений. К тому же и характеристики атмосферы Земли на высоте в сотни километров от ее поверхности были мало изучены. Спутник самой простой формы — сферический, оснащенный радиопередатчиками, позволил бы получить ответы на эти первоочередные вопросы. И сделать его можно было быстрее, чем сложную космическую лабораторию. Предложение Королева было принято.

Так родился первый искусственный спутник Земли — «ПС-1», или «простейший спутник — первый», как называли его разработчики.

4 октября в 22 часа 28 минут по московскому времени ракета с первым в мире искусственным спутником Земли стартовала с космодрома Байконур, возвестив о начале космической эры.

Едва вернувшись с космодрома, Королев собрал инженеров, конструкторов и поставил перед ними задачу, казалось бы, невозможную: за месяц создать спутник, в котором можно отправить на орбиту животное. Исследования, связанные с длительным пребыванием в космосе живого существа, можно и нужно было начинать.

И здесь пригодился опыт запуска животных на высотных ракетах и создания первого спутника. Это позволило ровно через месяц, 3 ноября 1957 года, осуществить вывод на орбиту второго в истории искусственного спутника Земли, на борту которого, в кабине, снабженной всем необходимым для жизни, находилась собака Лайка.

Одновременно продолжалась работа над тяжелым спутником. Здесь был учтен целый ряд требований, связанных с проведением на нем различных научных экспериментов и размещением разнообразной научной и измерительной аппаратуры.

Запуск третьего советского искусственного спутника Земли был осуществлен 15 мая 1958 года.

Первые спутники позволили начать изучение космического пространства. Их запуски подтвердили правильность инженерных решений при создании космической техники.

Королев, как Главный конструктор, не ограничивал свою деятельность только разработкой конструкций ракет и космических аппаратов. Он принимает самое активное участие в формировании научной программы космических исследований. В июле 1958 года в докладной записке он предлагает развернутую программу таких исследований. В это время в его конструкторском бюро начинаются разработки спутника для полета человека в космос — тогда он назывался просто «спутник», «кораблем» его позднее назовет Королев.

В 1958—1959 годах создаются первые автоматические межпланетные станции для исследования Луны. Запуски спутников были очень важными, но всего лишь первыми шагами в пределах весьма крохотной области солнечной системы. А над горизонтом ярко сияла Луна, знакомая каждому с детства, и, конечно же, она не могла не стать «остановкой № 1» на прокладываемойся дороге в космос.

С изобретением телескопов Луна приблизилась к людям, и они открыли на ней «моря», горы и кратеры. Но

видна была только одна ее сторона, всегда обращенная к Земле. Невидимая сторона оставалась «тайной за семью печатями». Даже характер поверхности Луны вызывал острые споры. Одни ученые считали, что Луна покрыта толстым, в несколько метров, слоем пыли, другие же — породами, напоминающими земной туф. Во время одной из дискуссий С. П. Королев со свойственной ему решительностью взял лист бумаги, написал категорическое: «Луна твердая» и подписался. Бумагу отдал на память стороннику «лунной пыли».

Конечно, подобные споры могли разрешить только космические аппараты.

С созданием в Советском Союзе мощной ракеты-носителя у специалистов, которых возглавлял Королев, появилось естественное желание достигнуть Луны. Но для этого нужно было расширить возможности ракеты, придать ей новое качество. Ведь для выведения спутника Земли на орбиту достаточно развить так называемую первую космическую скорость — около 8 километров в секунду. Чтобы вырваться из пут земного тяготения, этой скорости уже недостаточно.

Итак, прежде всего следовало повысить мощность ракеты-носителя. Задачу эту удалось решить, установив на нее дополнительную, третью ступень. Одновременно в конструкторском бюро Королева были разработаны и первые космические аппараты для исследования Луны.

И 1959 год стал настоящим «годом Луны». 2 января состоялся первый в истории старт в сторону нашей ближайшей небесной соседки. «Луна-1», или, как называли ее журналисты, «Мечта», прошла вблизи Луны и стала первым в истории человечества искусственным спутником Солнца.

12 сентября стартовала автоматическая станция «Луна-2». Через два дня она достигла поверхности Луны, доставила туда вымпел с изображением Герба СССР. Впервые была проложена трасса Земля — Луна, впервые

был нарушен извечный покой другого небесного тела.

Обе станции решили задачи отработки и проверки точности выведения аппаратов на межпланетные орбиты, а также возможности поддержания радиосвязи с ними на значительных расстояниях и исследования свойств космического пространства между Землей и Луной и вблизи Луны.

Принципиально новой была автоматическая межпланетная станция «Луна-3». Впервые автоматический космический аппарат получил систему ориентации, позволившую ему стать первым космическим фотографом. Новой станции предстояло облететь Луну, «взглянуть» на ее обратную сторону, сфотографировать с помощью специального фототелевизионного устройства, а при возвращении к Земле передать полученные изображения по радиолинии.

Старт «Луны-3» 4 октября прозвучал салютом в честь второй годовщины начала освоения космоса. Автоматическая межпланетная станция сфотографировала обратную сторону Луны с расстояния 60 тысяч километров и передала целую серию снимков на Землю, где их с нетерпением ждали ученые. И больше всех, пожалуй, С. П. Королев.

В конце 1959 года начинаются проектные работы по созданию автоматических межпланетных станций для исследования Венеры и Марса.

«Космические ракеты, несущие на своем борту автоматические научные станции с различной аппаратурой, стремительно двинутся к ближайшим планетам солнечной системы. Из них наибольший интерес представляют Марс и Венера...» — это слова из статьи Королева, опубликованной в «Правде» 10 ноября 1960 года. Тогда до пуска «Венеры-1» оставалось три месяца.

Чтобы вывести «Венеру-1» на межпланетную траекто-

рию, пришлось создавать еще одну новую ракетную ступень, по существу, космическую ракету, которая стартовала с орбиты искусственного спутника Земли (ИСЗ). Создание этой ступени можно считать одним из самых важных и замечательных достижений нового космического эксперимента.

Впервые аппарат этого типа — «Венера-1» — стартовал с орбиты ИСЗ 12 февраля 1961 года. Впоследствии космическая ракета выводила на межпланетные трассы автоматические космические аппараты типа «Луна», «Марс», «Венера», «Зонд». Теперь с ее помощью запускаются спутники связи «Молния».

Полет станции «Венера-1», пусть и не очень долгий, подтвердил правильность выбранных направлений и стал важным этапом в развитии ракетно-космической техники, одной из ярких страниц в истории отечественной космонавтики и в жизни конструкторского бюро Сергея Павловича Королева.

Все это время полным ходом шла работа над пилотируемым космическим кораблем. Еще в середине 30-х годов в своих выступлениях и статьях С. П. Королев говорил о тех сложностях, с которыми встретятся разработчики при создании пилотируемых реактивных аппаратов для полетов в стратосферу. Будучи реалистом, он так оценивал различные публикации о якобы совершенных уже или близких межпланетных путешествиях: «В большинстве своем это фантастические повести, не имеющие никакой научной ценности. Возможность сверхвысотного полета человека на реактивном летательном аппарате — дело не сегодняшнего, а, скорее, завтрашнего дня».

И вот это «завтра» наступило. И в апреле 1956 года, выступая с докладом на Всесоюзной конференции по ракетным исследованиям верхних слоев атмосферы, он уже говорит: «...мы могли бы подойти наиболее близко

к вопросам нашей ближайшей перспективы, таким, как вопрос о спуске аппаратуры и, наконец, человека с искусственного спутника Земли.

...Нам кажется, что в настоящее время можно преодолеть трудности и осуществить полет человека на ракете, это неизмеримо расширит возможности исследования, не говоря о чисто прикладном значении такого полета».

То, что делали С. П. Королев и все коллективы, занятые созданием космической техники, не имело аналогов в мировой практике. Все сложные проблемы ставились и решались впервые. Их было много и при создании автоматических космических аппаратов, но они не шли ни в какое сравнение с тем, с чем столкнулись при разработке аппаратов пилотируемых — ведь прежде всего в этом случае речь шла об обеспечении безопасности человека, о сохранении его жизни и работоспособности.

В проектном отделе конструкторского бюро рождался новый аппарат. Время предварительных обсуждений, когда ставился вопрос о том, каким должен быть первый полет — вертикальным, суборбитальным или орбитальным, — кончилось. Твердо решив, что полет должен быть только орбитальным, Сергей Павлович вынес этот вопрос на Совет главных конструкторов. Были заслушаны все три варианта — и главные конструкторы единодушно присоединились к мнению С. П. Королева: сразу создавать пилотируемый спутник Земли.

«Когда-то,— говорил Королев,— я сам мог решать все вопросы. Помню, конструировал самолет — мог крылья сделать на несколько сантиметров длиннее или короче. Мог решить, рассчитать сам. Сейчас машины считают. Важны и сейчас и ум, и трудолюбие, но жизнь выдвигает такие огромные задачи, что одному человеку, как бы он ни был талантлив, эти задачи решить не под силу.

Допустим, ученым, конструкторам, инженерам надо решить очередную важную задачу... Дело сложное. Бывает так, что ни тот не видит путей решения, ни этот. Они

спорят. И приходят в конце концов к единому мнению. В нашей практике сплошь и рядом бывают такие случаи, когда мы спорим и не приходим к единому мнению. Мы никогда не решаем приказом. И никогда не давим. Никогда никто никого не заставляет подписывать решение или инструкцию до тех пор, пока люди не будут убеждены... В этом, я считаю, жизненная сила всех... творческих коллективов... Никто не говорит: «Это мое, а это — твое». Говорят: «Это наше».

Если вы думаете, что главный конструктор какой-нибудь системы или корабля — творец этого корабля, вы заблуждаетесь. У главного конструктора есть прямые обязанности, за которые он и морально, и по закону несет прямую личную и единоличную ответственность. Скажем, исходные данные. Спорят с ним сотни людей в течение трех месяцев. Наступает момент, когда эти данные должны быть утверждены.

За утвержденные данные по закону и по совести ответственность несет персонально и единолично главный конструктор. За методику, за безопасность.

Ведь можно методически построить работу так, что не все предусмотрит, чего-то не сделаешь. Но жизнь не обманешь, и это «что-то» обязательно вылезет! Разве может один главный конструктор это предусмотреть? Не может. Это — плод коллективного труда! Методику надо выработать, надо отсеять все лишнее. Надо взять главное, основное, надо установить порядок и надо его утвердить. Вот за это главный конструктор несет персональную и единоличную ответственность...»

На всех этапах создания ракет и космических аппаратов самым строгим контролером был Главный конструктор. Его почти каждый день (а часто и ночью) можно было видеть в отделах конструкторского бюро и в цехах завода. Не оставались без внимания и смежные предприятия. В то время это никого не удивляло, казалось естественным положением вещей. И только позже, когда Сергея Павло-

вича не стало, даже его ближайшие соратники были поражены: когда же он все успевал?

...Рождался «Восток». В сборочном цехе выстроились в ряд «шарики», как любовно называли спускаемый аппарат «Востока». И вот однажды в цех вошел Сергей Павлович, а за ним небольшая группа военных летчиков. Это были будущие командиры космических кораблей, те, кому предстояло стать родоначальниками новой профессии нашего века — космонавтами.

В начале 1959 года в Академии наук СССР состоялось совещание, на котором обсуждалось, представители какой профессии могут наиболее успешно и в сравнительно короткий срок подготовиться к космическому полету.

Вот что вспоминает об этом совещании один из участников, первый начальник Центра подготовки космонавтов Е. А. Карпов:

«Высказывались разные мнения. Наконец, председательствовавший академик М. В. Келдыш предоставил слово Королеву.

— Складывается впечатление,— начал Сергей Павлович, — что отдельные ручейки суждений уже сами по себе сливаются в правильный вывод. Вопрос, который Мстислав Всеволодович задал присутствующим здесь представителям авиации: «Готовятся ли к полету в космос летчики?» — не случаен. Наиболее подходящим контингентом располагает авиация, хотя смелые и стойкие люди имеются повсюду. Чтобы в короткий срок стать полноценным космонавтом, качеств, которые вырабатывают в человеке так называемые земные специальности, еще недостаточно.

Королев объяснил, что космонавту необходимо безошибочно ориентироваться и понимать сущность происходящих явлений, без чего невозможно правильно и своевременно управлять кораблем. Он должен уметь работать в сложных, быстротечных, а порой и аварийных условиях полета, для чего требуется всесторонняя подготовка и профессиональная способность быстро находить и осу-

ществлять наиболее рациональные решения и действия.

— Для такого дела,— говорил Королев,— более всего пригоден летчик, и прежде всего летчик-истребитель. Это и есть универсальный специалист. Он и пилот, и штурман, и связист, и бортинженер. А будучи кадровым военным, он обладает необходимыми морально-волевыми качествами; его отличает собранность, дисциплинированность и непреклонное стремление к достижению поставленной цели.

Королев наметил ряд важных ориентиров для отбора и подготовки первой группы космонавтов, обратив внимание на то, что нужно выбрать наиболее устойчивых летчиков, которые бы не только успешно справились с воздействием факторов космического полета, но и обязательно выполнили полетное задание, включая ликвидацию аварийной обстановки, если таковая возникнет в ходе полета.

Конкретный план должны были разработать авиаторы и авиационные медики.

Как и большинство участников, Королев покидал совещание в приподнятом настроении. В шутку он даже рекомендовал врачам каждую предназначаемую для ознакомления космонавтов пробу или методику их тренировки предварительно испытывать на нем. Его оптимизм и глубокая вера в успех начатого дела заражали окружающих...»

То, что Сергей Павлович «проголосовал» за летчиков, может быть, сказалось и его собственное стремление летать, его давняя любовь к авиации, наконец, то, что сам он был когда-то летчиком. Может быть. Во всяком случае, его слово, как мы видим, оказалось очень убедительным и решающим. Впрочем, так бывало практически всегда: С. П. Королев умел выслушать других, проверить при этом собственную точку зрения, а затем подвести черту обсуждению, высказав свое мнение, с которым обычно соглашались все.

На этом совещании были приняты принципиальные решения о том, что отбор кандидатов надо начинать немед-

ленно из числа молодых, смелых и хорошо проявивших себя в летном деле войсковых летчиков-истребителей. Королевым были сформулированы и дополнительные требования: они должны быть не старше 30 лет (Сергей Павлович думал, как всегда, о перспективе — речь шла о рождении новой профессии, а не о разовых полетах будущих космонавтов).

Летом 1959 года группа авиационных врачей, нанут-ствуемая Королевым, отправилась в летные части для предварительного отбора кандидатов в космонавты. И осенью больше ста человек прибыли в Москву для детального медицинского обследования. Из них были отобраны двадцать летчиков, составившие первый отряд космонавтов.

С. П. Королев к этому времени занимался еще и организацией Центра подготовки космонавтов. С самого начала Сергей Павлович считал, что при его создании все должно рассчитываться на далекую перспективу. Он был уверен, что человек сможет жить и работать в космосе, и, повторяя слова К. Э. Циолковского, говорил о необходимости придать отбору и подготовке космонавтов курс на «завоевание Вселенной...».

Среди первых учителей космонавтов по ракетно-космической технике и небесной механике были сотрудники предприятия, руководимого С. П. Королевым. Естественно, что привлечение их к данной работе происходило не только с ведома Главного конструктора, но и по прямому его указанию. Здесь были профессор М. К. Тихонравов — один из пионеров ракетостроения, доктор технических наук Б. В. Раушенбах, К. П. Феоктистов, а также известные теперь, а в ту пору рядовые инженеры королевского КБ О. Г. Макаров, В. И. Севастьянов, А. С. Елисеев.

Особое внимание Главный конструктор уделял морально-психологической готовности космонавтов к выполнению предстоящей работы. Сергей Павлович, например, сам

знакомил будущих пилотов с космическим кораблем. Они заряжались его целеустремленностью, одержимостью. Он вселял в них уверенность в успех самого сложного дела.

Весьма ощутимым дополнением морально-психологической «заряженности» космонавта на полет стали напутственные беседы, которые вел Сергей Павлович с космонавтами накануне старта. Начались эти беседы с Юрия Гагарина и в дальнейшем стали традиционными.

С. П. Королев придавал большое значение учебе космонавтов. Это в основном по его рекомендации все они стали слушателями Академии имени Н. Е. Жуковского. Он считал, что космонавты должны быть людьми образованными, не просто исполнителями, а и творцами того нового дела, к которому они оказались причастны. Королев внимательно следил за их успехами в учебе. Г. С. Титов вспоминал, как он однажды приехал к Сергею Павловичу с какой-то, как ему казалось, интересной и важной идеей. Прежде чем начать разговор, Королев полез в письменный стол, достал оттуда тетрадь и начал листать ее. Полистав, он неожиданно для Титова сказал:

«Герман Степанович, а у Вас, я вижу, есть «хвосты». Вот когда сладите их, тогда мы и поговорим о Вашей идее».

12 апреля 1961 года. Главный конструктор ночь накануне старта — главного старта в его жизни — не спит. Конечно же, он волнуется. Но в наиболее напряженные моменты работы он всегда умел собраться, так как знал, что его настроение, его поведение очень чутко воспринимаются окружающими. И он делал все, чтобы даже такие необычные, чрезвычайной важности дела внешне ничем не отличались бы от работы повседневной, обычной, уже налаженной. Конечно, Сергей Павлович понимал, что в эти минуты творится история.

12 апреля весь мир узнал имя Юрия Гагарина. Имя Главного конструктора люди узнали только после его смерти.

Вслед за Гагариным полетел Герман Титов, уже на сутки. Многие предлагали ограничиться в этом полете тремя витками — все-таки это был только второй в истории полет в космос. Королев был сторонником суточного полета и сумел убедить в этом остальных.

Затем — групповой полет Андрияна Николаева и Павла Поповича. С. П. Королев был уверен в необходимости отработки сближения в космосе двух аппаратов для будущих полетов.

В 1963 году стартуют Валерий Быковский и первая в мире женщина-космонавт Валентина Терешкова. Пяти-суточный полет Быковского был самым длительным в то время.

Следующий шаг — многоместный корабль «Восход». По мнению Королева, для работы в космосе нужны экипажи из разных специалистов, это — будущее космонавтики.

В марте 1965 года в космосе проводится новый эксперимент — Алексей Леонов впервые вышел из корабля в открытый космос.

В своем последнем выступлении перед журналистами в 1965 году Королев говорил:

«...Зачем нужно выходить в космос, почему такое значение мы придаем именно этому эксперименту? Я думаю, что на это очень просто можно ответить: летая в космосе, нельзя не выходить в космос, как, плавая, скажем, в океане, нельзя бояться упасть за борт и не учиться плавать.

Все это связано с целым рядом операций, которые могут потребоваться в дальнейшем при встрече кораблей. Выход из корабля очень сильно упрощает проведение специальных наблюдений в космосе, ну и, наконец, он потребуется в тех случаях, когда нужно будет что-либо

поправить на корабле. Мы, например, думаем всерьез над тем, что космонавт, вышедший в космос, должен уметь выполнить все необходимые ремонтно-производственные работы вплоть до сварки. Это не фантастика, это необходимость! Чем больше люди будут летать в космосе, тем больше эта необходимость будет ощущаться».

Говорилось это в начале 1965 года, когда выход в открытый космос действительно казался фантастикой. Люди старшего поколения помнят, какой неправдоподобной казалась им увиденная на экранах телевизоров картина парящего в бесконечном пространстве Алексея Леонова.

Вплоть до этого события в среде ученых бытовало мнение, что вне корабля космонавт просто не сможет находиться, не выдержит его психика, когда он окажется наедине с бескрайними просторами Вселенной. Полет «Восхода-2» полностью опроверг это мнение, а идеи Главного конструктора находят блестящее подтверждение в наши дни, в частности при полетах на орбитальных станциях «Салют». Часами уже работают космонавты за бортом своего космического дома, выполняя сложные работы по ремонту, монтажу, сварке и резке материалов, все увереннее чувствуют они себя в открытом космосе.

В ОКБ С. П. Королева работы по разным направлениям велись параллельно — и по пилотируемым кораблям, и по автоматическим аппаратам.

«Венеру-1» еще готовили к полету, на космодроме продолжались ее испытания, а Сергей Павлович уже продумывал конструкцию будущих автоматических межпланетных станций. Однажды, прогуливаясь, как обычно вечером, по «бетонке» космодрома, он поделился своими мыслями с одним из ведущих разработчиков этих станций.

— Я думаю,— говорил Королев,— что мы должны станции конструктивно унифицировать. Ведь условия полета станций на межпланетной траектории — к Марсу ли, к Венере, или просто для зондирования космического

пространства - в основном схожи. Поэтому, видимо, целесообразнее разработать одинаковый для межпланетных станций разного назначения орбитальный отсек с одними и теми же системами, которые будут работать на трассе «Земля - планета», одинаковую корректирующую двигательную установку и разные для всех станций специальные отсеки: спускаемые аппараты для посадочных вариантов, отсеки с фототелевизионной аппаратурой для фотографирования поверхности планет или Луны. Это даст нам большой выигрыш и в изготовлении объектов, и в их отработке. Подумайте над этим.

Может быть, слова были немного другими, за давностью лет дословно вспомнить этот разговор трудно, но его смысл, формулировка задания переданы точно. И в дальнейшем именно этот принцип был заложен в разработку автоматических межпланетных станций.

Когда «Венера-1» отправилась в свой исторический путь, проектанты конструкторского бюро Королева приступили к новым разработкам, результат которых -- полеты «Марса-1», первых «Зондов» и «Венер».

Надежность и удачное конструктивное решение межпланетных станций этого поколения стали залогом их долгой (десять лет) жизни и тех уникальных результатов, которые были получены в дальнейшем.

1 марта 1966 года станция «Венера-3» впервые в истории доставила на поверхность планеты вымпел с изображением Государственного герба Советского Союза, а «Венера-2» прошла на расстоянии 24 тысяч километров от нее. С помощью «Венеры-4» 18 октября 1967 года ученые провели измерения в атмосфере Венеры.

В 1961 году в ОКБ началась проектная разработка первого советского искусственного спутника-ретранслятора «Молния-1» для создания с его помощью экспериментальной линии дальней радиосвязи между Москвой и Владивостоком. Первоначально проектанты решили создать экспериментальный аппарат, провести с его по-

мощью эксперименты по исследованию распространения радиоволн, а затем уже переходить к созданию спутников связи. Эти осторожные предложения были представлены Сергеем Павловичу и... забракованы. Замечания сводились к следующему: разрабатывать надо не спутники-эксперименты, а сразу такие, на которых можно было бы построить систему связи по всей территории Советского Союза; такой спутник на первых порах должен был функционировать не меньше 6—9 месяцев.

В одной из бесед с журналистами Сергей Павлович сказал: «В спутнике «Молния» отражается главная тенденция космонавтики — ее достижения ставятся на службу народному хозяйству, они уже сегодня начинают приносить реальную пользу не только науке, но и каждому человеку».

Первый запуск спутника «Молния» состоялся 23 апреля 1965 года, а 2 ноября 1967 года произошло официальное открытие телевизионной спутниковой сети «Орбита» с использованием спутников связи «Молния».

С. П. Королев проявлял огромный интерес к созданию аппаратов для исследования Луны, руководил разработкой, испытаниями и запусками всех лунных аппаратов, включая «Луну-8». Не все полеты проходили успешно, но каждый из них приближал Королева к решению главной задачи — мягкой посадке аппарата на Луну. Для этого было сделано все — разработана автоматическая станция, проведена масса наземных испытаний, одна за другой станции отправлялись в полет. Но подошло время, когда коллектив, руководимый Королевым, должен был сосредоточить свои усилия на самой главной работе космической отрасли — пилотируемых полетах. И, начиная с «Луны-9», работы по созданию аппаратов для мягкой посадки на Луну вместе со всей документацией передаются в конструкторское бюро Г. Н. Бабакина, где была изготовлена и «Венера-4», и другие автоматические межпланетные станции.

«3 февраля 1966 года в 21 час 45 минут 30 секунд по московскому времени автоматическая станция «Луна-9», запущенная 31 января, осуществила мягкую посадку на поверхность Луны в районе океана Бурь... По команде с Земли 4 февраля в 4 часа 50 минут станция «Луна-9» начала обзор лунного ландшафта и передачу его изображения на Землю».

За этими скуными строчками сообщения ТАСС — чудо, которое наконец-то открылось людям и которое так хотел увидеть Королев. Полет «Луны-9» имел принципиальное значение. Он не только позволил нам рассмотреть вблизи поверхность Луны, но и доказал, что посадка на нее вполне возможна, что никакая лунная пыль этому не мешает. Правы оказались сторонники «твердой Луны», в том числе и С. П. Королев. К сожалению, он ушел из жизни всего за три недели до этого триумфа советской космонавтики.

В 1964 году началась разработка пилотируемых космических кораблей серии «Союз», что ознаменовало собой новый этап в развитии пилотируемой отечественной космонавтики. Еще в 1962 году под непосредственным руководством С. П. Королева был подготовлен научно-технический документ, в котором говорилось:

«Одной из важнейших задач, стоящих в настоящее время перед техникой, является решение проблемы сближения и сборки космических аппаратов на орбитах спутников Земли...»

Применение метода сборки на орбите позволит решить при использовании существующих носителей ряд задач, имеющих большое народнохозяйственное и научное значение.

К таким задачам относятся:

- 1) создание орбитальной пилотируемой станции;
- 2) создание космических кораблей-спутников, обла-

дающих возможностями значительного маневра на орбите...

Решение проблемы сближения и стыковки на орбите явится также и решением основных вопросов, без которых ближний космос нельзя считать освоенным.

Обслуживание постоянно действующих пилотируемых спутников (смена экипажа, доставка продовольствия, специального снаряжения и др.) связано с регулярным использованием процессов сближения и стыковки на орбите. Освоение процессов сборки на орбите позволит осуществлять спасение экипажей спутников и космических кораблей в случае необходимости...»

Проектанты для ускорения предлагали решить главную проблему — сближения и стыковки — с помощью существующих средств, то есть модифицированного «Востока». Но Сергей Павлович твердо высказался за новую разработку. И тогда было принято решение создать универсальный, специально спроектированный корабль, предназначенный для решения самых различных задач. Так родился проект «Союз». В этом проекте предусматривалась заправка кораблей топливом на орбите.

Многоцелевой корабль «Союз» позволяет не только осуществлять автономный полет, но и служит транспортным средством для доставки экипажей и необходимого оборудования на борт долговременных орбитальных станций «Салют». Станции были созданы уже после смерти С. П. Королева соратниками и продолжателями его дела, но решающим шагом на пути к их рождению явилась разработка «Союза», на котором решались основные, принципиальные вопросы, без чего создание станций было бы невозможно.

Конструкции, созданные под руководством С. П. Королева, как правило, отличаются надежностью и долголетием. Это можно сказать и о ракете-носителе «Спутник», на базе которой созданы трех- и четырехступенчатые ракеты, вот уже более четверти века надежно выполняющие

свои задачи; это же можно сказать и о корабле «Союз», который «жил» в космонавтике пятнадцать лет. На смену «Союзу» пришли более совершенные корабли «Союз Т», но и при их создании сохранились основные конструктивно-компоновочные решения, принятые при разработке «Союзов». До сих пор надежно служат народному хозяйству спутники связи серии «Молния». При Сергее Павловиче были задуманы и осуществлены запуски искусственных спутников Земли самой крупной нашей космической программы «Космос», в большинстве которых воплощена заложенная еще в те годы идея унификации конструкции космических аппаратов. Эта идея широко используется и при создании аппаратов других серий.

Анализ сделанного в первые годы космической эры позволяет твердо сказать — все направления современной мировой космонавтики так или иначе связаны с именем Сергея Павловича Королева.

В те годы, когда создавалась ракетная, а затем и ракетно-космическая промышленность, еще не существовало такого понятия, как «большая система». Первым, кто понял, что такой «большой системой» является ракетно-космическая техника, был С. П. Королев. Именно от него шло убеждение, что для успешного хода дела в этой технике одинаково важны все элементы — от наземного стартового комплекса до космического аппарата и научной аппаратуры.

И понятно, что при таком глобальном понимании проблемы первое, на что были направлены усилия Королева, — сосредоточить внимание всех без исключения участников разработки вокруг главных проблем. А для этого прежде всего нужно было создать коллектив, а не просто группу сотрудников, занятых одним делом, коллектив единомышленников, страстно верящих в это дело, и конечно же людей творческих. Только при этих условиях можно было в кратчайшие сроки решать огромной сложности задачи.

Ядром такого коллектива, включавшего в себя, по существу, и другие институты, КБ и заводы, стало конструкторское бюро, которое возглавил Сергей Павлович Королев. И здесь особенно сказалось влияние его личности.

Особенно поражал и заражал всех энтузиазм Сергея Павловича, его вера в безграничные возможности ракетной техники и космонавтики вообще, в необходимость той работы, которую он начинал. А на первых порах сторонников у него было значительно меньше, чем появилось их после первых успехов. И эта уверенность Главного конструктора объединяла людей. Все, кто работал с Королевым, прежде всего вспоминают о дружелюбной атмосфере, сложившейся в ОКБ. Люди работали самоотверженно, не считаясь с личным временем, бескорыстно. Но не надо думать, что Сергей Павлович специально подбирал себе таких «положительных» людей. Нет, люди были самые разные, с присущими многим и отрицательными качествами. Но их объединяли *идея и дело*, с которыми недостатки были просто несовместимы, и, вероятно, поэтому они никак не проявлялись в действиях и поступках.

Системный подход к созданию ракетно-космической техники был заложен и в организационной структуре конструкторского бюро. Эта структура обеспечивала замкнутый цикл разработки - от проектирования до испытаний.

Центром громадной кооперации стал Совет главных конструкторов. С. П. Королев построил его работу таким образом, что заседания совета проводились поочередно у каждого главного конструктора, особенно когда кто-то из них оказывался «именинником» в случае неудач при подготовке ракеты и при полете.

С. П. Королев сумел объединить не только главных конструкторов, людей разных, не похожих друг на друга, но и все их многочисленные коллективы, большое число ученых и конструкторов, и направить их творческий потенциал на достижение единой цели - создание балли-

стических ракет, а затем и ракетно-космических комплексов. В том, что была создана широкая кооперация научно-исследовательских институтов, конструкторских бюро и заводов, заслуга прежде всего С. П. Королева. Успеху во многом способствовали личное обаяние Сергея Павловича, его умение найти время поговорить не только с руководителями, а и с учеными, с рядовыми инженерами, конструкторами. Только единое понимание задач разными коллективами, единое отношение к делу и взаимопониманию могли привести к успеху. И такое взаимопонимание в короткое время было в значительной степени достигнуто.

Это не значит, что полное единодушие было всегда и во всем. Ведь каждый из главных конструкторов был специалистом и авторитетом в своей области и, соответственно, имел свою точку зрения по разным вопросам. А это, в свою очередь, приводило и к спорам, и к разногласиям, подчас довольно глубоким. И вот тут основное, решающее слово принадлежало Главному конструктору ракетных и ракетно-космических систем — С. П. Королеву, отвечавшему за разработку в целом. Он мог иногда пойти и на компромисс, чтобы сохранить единство, но не тогда, когда речь шла о вопросах сугубо принципиальных. Здесь он был непреклонен, и, как правило, его точка зрения брала верх.

Всю деятельность Сергея Павловича отличает четкая последовательность и постоянная нацеленность на непрерывное движение вперед.

Сентябрь 1962 года. В мире насчитывается всего шесть человек, облетевших Землю в космическом корабле, а Королев для себя уже намечает план работы и круг вопросов, которые надо решать для создания тяжелого межпланетного корабля (ТМК) и тяжелой орбитальной станции (ТОС), других аппаратов. Свои мысли он записывает в отдельную тетрадь. Вот некоторые из этих записей:

«...Надо, очевидно, положительно решить вопрос о воз-

возможности выхода из аппарата человека в космическое пространство.

Основное здесь — скафандр и его системы автономного питания для жизнеобеспечения...

Вопросы, связанные с невесомостью, — основные!

Видимо, здесь опыты на «Союзе» и на ТОС дадут возможность получить большие и очень большие длительности (до 1 года) пребывания в условиях невесомости (что при 1 годе решает проблему полета к ближним планетам, так как сроки 3—5 лет будут уже примерно того же порядка).

В условиях длительного космического полета можно будет основательно проверить:

влияние невесомости на разных людях и на достаточно большом числе людей,

разные медико-биологические средства,

разные механические средства временного и постоянного искусственного тяготения.

Можно будет впервые развернуть в космическом пространстве настоящие медико-биологические исследования и наблюдения в действительных условиях и т. д.

Тут же будет проверяться и вся вообще техника для более длительных полетов.

Видимо, создание ТОС есть необходимый этап для длительных полетов в космическом пространстве, так как здесь будут отрабатываться у Земли (т. е. легко доступны с Земли) люди и вся техника.

Это важный методический шаг!, без которого не пройти.

Ему предшествовать должна тщательная и длительная подготовка на Земле, в земных условиях людей и техники, хотя это будет во многих случаях и не совсем то, что нужно...

Для ТОС... дублирование не нужно, так как ТОС должна иметь всегда возможность с помощью кораблей «Союз» получать все необходимое и спускать, что надо, на Землю. Но все продумать для ТОС тоже надо!

Приборное бортовое оборудование следует делать:

а) со световыми разноцветными шкалами, стрелками, полем отсчета, цифрами и т. д. Цвет систематизировать по группам приборов;

б) со звуковым оформлением (негромко), и тона разбить по группам приборов (особо важные — аварийные, контрольные, посадочные, тепло, жизненные условия и т. д.), должен быть ручной регулятор громкости (среднего уровня) — он же выключатель;

в) надо, чтобы при резком изменении параметров на приборе менялся звук и яркость света. На особо важных приборах должен появляться аварийный свет и звук;

г) надо продумать особую систему для регистрации нужных параметров на пленку (учитывая очень большую длительность полета и записи), но главное, это создать бортовое автоматическое малогабаритное устройство для расшифровки этих пленок и для удобного просмотра и анализа как полученных в итоге обработки материалов, так и просмотра любого места на пленке для микроанализа и т. д.

Конечно, важна типизация кабин, ракетных блоков, спускаемых аппаратов, танкеров, основных систем на борту и аппаратуры, вообще разного бортового оборудования и т. д.

Надо разработать рациональную и стандартизовать схему и конструкцию стыковки, причаливания, креплений, шлюзования и т. д...»

Не все планы были воплощены при жизни Королева, многие из них еще не реализованы, но сама постановка вопросов, их содержание не потеряли своей актуальности и сейчас, хотя со времени записей-раздумий прошло почти четверть века.

Постоянная нацеленность на будущее, стремление быть впереди своего века, пожалуй, самая яркая отличительная черта Королева.

Сергей Павлович имел самые высокие звания и награ-

ды и, как всякий человек, радовался им, ценил их, но эти звания и награды не были для него главным — главным было то дело, которое так высоко оценивала Родина. Он очень гордился своей работой, был счастлив, что именно ему доверено столь важное и вместе с тем интереснейшее направление человеческой деятельности, и очень хотел, чтобы такую же гордость испытывали все его сотрудники.

Королев оперативно решал технические и административно-хозяйственные вопросы, тем самым сокращая сроки разработок. В этом помогали ему не только высокая должность, но заслуженный авторитет, который он часто использовал, чтобы помочь людям, обращавшимся к нему за помощью. Каждый обращавшийся к нему, независимо от своего служебного положения, знал, что Сергей Павлович сделает все, что в его силах. Надо сказать, что, обладая блестящей памятью, он никогда не забывал о своих обещаниях.

Такое внимание к людям, понимание их забот и проблем, стремление помочь им еще больше укрепляли его авторитет. В коллективе его любили. И до сих пор люди, работавшие с Сергеем Павловичем, вспоминают о нем с благодарностью и теплотой.

Королев был смелым руководителем. Зачастую новые разработки он начинал на свой страх и риск, не дожидаясь принятия официальных решений. Это во многом способствовало сокращению сроков работ, а готовые проекты, а иной раз и уже изготовленные узлы и макеты служили веским, подчас решающим доводом в пользу той или иной идеи. Для проведения таких «упреждающих» работ, в которые вовлекались не только сотрудники его конструкторского бюро, но и смежники, нужны были и решительность Королева, и его глубокая уверенность в правильности принятого им решения.

Требовательность Сергея Павловича, его настойчивость способствовали тому, что уже третий искусствен-

ный спутник Земли стал настоящей космической лабораторией, оснащенной целым комплексом научной аппаратуры, специально созданной для исследований в космосе.

Королев обладал исключительным талантом инженера, конструктора и ученого, и это помогло ему отыскивать наиболее рациональные пути достижения цели. Он не любил «изобретать велосипед», а использовал уже готовые технические решения, а иногда узлы и агрегаты, разработанные для других машин, иногда без особых доработок их можно было использовать на ракетах или космических аппаратах, что позволяло значительно сократить и сроки, и стоимость работ.

С. П. Королев был очень организованным и собранным человеком, он ценил время — и свое, и других. Каждый день его был расписан буквально по минутам, и он редко отступал от намеченного «графика». Впрочем, без такого жесткого регламентирования просто невозможно было бы справиться с решением необычайно широкого круга задач. Такой же организованности, собранности и четкости в работе он требовал и от своих сотрудников. Сергей Павлович терпеть не мог разгильдяев, людей необязательных — они для него просто переставали существовать.

Работать с ним было нелегко — он бывал резким, иногда мог, хотя это случалось и редко, незаслуженно обидеть человека. Но тогда он старался загладить свою вину, приносил свои извинения или своим дальнейшим отношением давал понять обиженному человеку, что чувствует себя неправым, хотя вряд ли подобные признания давались ему легко, как, впрочем, и всякому самолюбивому человеку.

Кто-то называл Королева «конструктором собственно ракет и космических аппаратов». С этим трудно согласиться. Достаточно познакомиться с его творческим наследием, поговорить со знавшими его людьми, чтобы ясно представить поразительную масштабность его мышления, разносторонность его интересов, которые сделали

Королева руководителем и лидером во всех работах по ракетной, а затем и ракетно-космической технике.

Сергея Павловича волновали самые разнообразные вопросы, связанные с развитием космонавтики,— организационные, научные, технические... По его инициативе были созданы такие ведущие отраслевые организации, как Институт космических исследований и Институт медико-биологических проблем.

А он уже думал о международном сотрудничестве. В одной из докладных записок, предлагая создать Центральный научно-исследовательский институт, он пишет: «Этот институт целесообразно организовать как Международный научный центр по освоению космического пространства с участием социалистических стран».

В письме академику М. В. Келдышу в связи с предстоявшей в марте 1960 года второй сессией Комитета ООН по мирному использованию космического пространства С. П. Королев излагает свои соображения по правовым проблемам исследования космоса и международного сотрудничества в этой области. Он пишет:

«В части международной программы по мирному использованию космического пространства можно рекомендовать создание усилиями нескольких стран наиболее совершенного комплекса аппаратуры для научных исследований... Подобная исследовательская аппаратура могла бы быть установлена и на советских спутниках, если это будет признано целесообразным и по этому вопросу будет принято соответствующее решение.

В этом случае имеется в виду, что для установки исследовательской аппаратуры других стран представляется «космическая часть», будь то спутник или контейнер...» И далее: «В качестве примеров международной программы сотрудничества можно было бы назвать вопросы создания «навигационных спутников» для общего пользования типа «космических маяков», спутников всеобщей метеорологической службы, одновременный запуск высот-

ных ракет с исследовательскими целями в разных странах и т. д...

Целесообразно предложить, чтобы в случае падения космического аппарата на территорию другого государства или в открытое море государство, в распоряжении которого окажется указанный аппарат, обязано было бы незамедлительно вернуть его владельцу...

По вопросу об ответственности за ущерб, причиненный иностранным государствам космическими аппаратами, следует считать, что в соответствии с общепризнанными принципами международного права государство, причинившее вред другому государству или его гражданам в результате запуска космических аппаратов, не может уклониться от материальной ответственности».

Как видим, в этих предложениях заложены и основы будущей программы международного сотрудничества «Интеркосмос», и некоторые положения международных договоров, принятых ООН.

Нельзя не остановиться еще на одной черте, отличающей деятельность С. П. Королева,— его отношении к пропаганде ракетной и ракетно-космической техники, достижений и перспектив в этой области. С самого начала своей работы в ракетостроении он придавал огромное значение пропаганде и популяризации этого нового дела. Об этом говорят его статьи и выступления еще гирдовского периода.

Очень показательны в этом отношении письма молодого Королева к Перельману. В 1932 году, будучи начальником ГИРД, он писал:

«Несмотря на большую нагрузку по линии разных экспериментальных работ, все мы очень озабочены развитием нашей массовой работы...

Нужна, и конечно в первую голову, и литература. А ее нет, исключая 2—3 книжек, да и то не всюду имеющихся».

А вот выдержка из другого письма, 1935 года:

«...Очень бы хотелось видеть и Ваши прекрасные книжки в рядах тех работ, которые агитируют за ракетное дело, учат и борются за его процветание. А если это будет, то будет и то время, когда первый земной корабль впервые покинет Землю».

Уже в те годы Королев считал: «Ракетная техника — одна из самых молодых отраслей техники, перед нею стоят задачи овладения еще невиданными высотами. Трудности огромны, но преодолимы и должны быть преодолены, для того чтобы в наикратчайший срок обратить ракеты на службу социалистической техники и обороны СССР».

Пропаганда ракетной техники и космонавтики в довоенные годы в значительной степени способствовала формированию серьезного отношения к этой области исследований, привлечению научных и инженерно-технических сил к решению задач, связанных с ее разработкой.

С началом космической эры существенно расширились и задачи пропаганды. После первых восторгов, удивления и восхищения невиданными космическими свершениями неизбежно должно было наступить время, когда скептики зададут вопрос: «А зачем нужны такие дорогостоящие эксперименты? Не преждевременно ли все это?» Поэтому необходимо было осмыслить уже достигнутое в исследовании и освоении космического пространства, а главное — раскрыть практическое значение космонавтики, ее вклад в народное хозяйство.

Кроме того, пропаганда достижений ракетно-космической техники стала важным участком идеологической борьбы. Наши идейные противники с первых дней, ошеломленные тем, что Советский Союз первым вырвался в космос, старались затушевать, замолчать наши достижения, не останавливаясь при этом перед фальсификацией и клеветой. Королев, несмотря на свою большую занятость, в лекциях и выступлениях в печати отстаивает приоритетный характер работ отечественной ракетной

техники, раскрывает неразрывную связь достижений сегодняшнего дня с тем, что было сделано в стране раньше, с преимуществами социалистического строя.

Его статьи, подписанные псевдонимом «профессор К. Сергеев», регулярно печатаются в «Правде». Сергей Павлович охотно встречается с журналистами. Надо отметить особенность его публикаций, в которых он подчеркивал, что успехи космонавтики — это плод коллективных усилий, результат труда многочисленных ученых, конструкторов, рабочих, всего советского народа, руководимого Коммунистической партией.

Сергей Павлович был инициатором строительства обелиска в честь покорителей космоса. Когда строительство началось, он почти каждый день по дороге домой останавливал около него машину, выходил из нее и шел к строителям.

В ОКБ он создал музей ракетно-космической техники, принимал горячее участие и в создании Государственного музея истории космонавтики в Калуге.

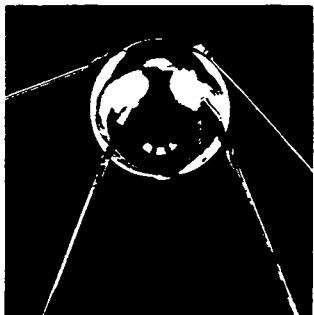
С. П. Королев очень много сделал для широкой популяризации достижений ракетно-космической техники, его выступления пронизаны духом патриотизма, любви к социалистической Родине и гордости за нее.

Заслуги С. П. Королева огромны, они получили признание во всем мире. Известный шведский физик, лауреат Нобелевской премии Ханнес Альфвен так оценивал его вклад: «Сергею Королеву больше чем кому-либо другому принадлежит заслуга в том, что космический век стал реальностью».

А один из пионеров ракетной техники, Герман Оберт, писал о нем: «...Человечество благодарно этому человеку за свершенное. Получить признание человечества значит надо быть по меньшей мере выдающимся деятелем науки и культуры».

Навечно останется в памяти людей подвиг тех, кто прокладывал дороги в неизвестные миры. И одним из первых в этом списке всегда будет стоять имя С. П. Королева.

Говорят, что незаменимых людей нет. Это не так. Есть люди — в науке, в искусстве и не только там, которых заменить нельзя, без которых окружающий мир становится скуднее, тусклее. К таким людям относится и академик Сергей Павлович Королев, с именем которого связана целая эпоха в земной цивилизации. В каждом космическом аппарате, созданном человечеством, всегда будет незримо присутствовать частичка его души, его дел, его свершений.

НА ПУТИ К «ВОСТОКУ»

О. Г. ИВАНОВСКИЙ

*Из записок ведущего
конструктора*

После длительных полетов первых советских искусственных спутников Земли о полетах человека в космическое пространство и писали и говорили уже не фантасты, а ученые, инженеры, вобравшие опыт нашего века. Писали... говорили... Кто-то считал это задачей ближайших дней, кто-то полагал, что такой полет будет возможен лишь через несколько лет...

Зайдите немедленно ко мне! — эти слова Сергея Павловича Королева по диспетчерскому циркуляру многих в тот день сорвали с рабочих мест. В его большом кабинете было тесновато. Собрались руководители завода, секретарь парткома, председатель завкома, комсомольские руководители, начальники отделов конструкторского бюро, все заместители Главного конструктора. Сергей Павлович был в черном костюме, с золотой звездочкой. Значит, приехал с совещания «в верхах». Обычно, одеваясь весьма скромно, он звезду Героя Социалистического Труда не носил.

— Здравствуйте, товарищи! Я так экстренно собрал вас вот по какому вопросу. Я только что вернулся из Центрального Комитета партии. Докладывал о возможности создания космического аппарата для полета че-

ловека. Вы прекрасно знаете, что имеются условия и средства, необходимые для того, чтобы человек, пилот-исследователь, мог совершить космический полет. Но следует предварительно накопить опыт по запуску таких аппаратов и благополучному спуску их на Землю. Нужно надежно отработать, не один раз, всю сложнейшую технику этого дела. Вы должны понимать, какое доверие нам оказывается. И наша задача — это доверие оправдать.

Я несколько не сомневаюсь, что эту задачу мы можем решить. Я прошу вас, товарищи, самым тщательным образом продумать все то, что я сказал, продумать, как лучше организовать работу на каждом участке, на каждом рабочем месте и в ОКБ, и на заводе...

Решавшаяся в нашем конструкторском бюро задача была чрезвычайно сложна и необычна. Как во всех наших космических «первостях», и здесь советоваться было не с кем — подобного никто и нигде еще не делал. Создавался космический корабль-спутник для полета человека.

Описать сейчас процесс проектирования, расчетов, конструирования, изготовления, испытания космических аппаратов труда не составляет. Во многих институтах студентам читаются циклы лекций по проектированию космических аппаратов. Теперь это составная часть учебной программы. А тогда? 25—30 лет назад? Кто мог этому учить? Кто мог быть учителем?

О работе в те годы осталось в памяти многое. Это были боевые годы, наполненные энтузиазмом, когда не замечались пролетающие сутки, когда не думалось о том, что не положено работать сверхурочно более стольких-то часов. В 1960 году у нас была создана ракета-носитель, способная вывести на орбиту полезный груз более четырех тонн. Эта масса, эти четыре тысячи килограммов стали для проектантов первыми «исходными данными». Посчитали, прикинули, — получилось, что корабль-спутник с человеком на борту может «уложиться» в эти килограммы.

А почему, собственно, спутник? Ведь в космос можно подняться и вертикально, не выходя на орбиту, не облетая Землю вокруг. И высота будет та же, и условия невесомости... Можно и не вертикально, а по траектории ракетного снаряда минут на 15—20 вырваться в космос. Были сторонники и такого способа решения поставленной задачи, и немало было таких. Но Сергей Павлович с присущей ему настойчивостью вместе со своими единомышленниками всю свою энергию употребил на то, чтобы доказать, что только орбитальный полет человека будет действительно космическим полетом и что у советской космонавтики есть для этого все возможности.

В проектном отделе в те дни на кульманах можно было увидеть несколько вариантов будущей конструкции. А как иначе? Не сделаешь же сразу «набело». Пока — несколько вариантов. Но в каждом варианте присутствовало то новое, что принципиально отличало создаваемую конструкцию от ранее сделанных. Ведь корабль предназначен для полета человека. Само собой разумеется, в нем должна быть или какая-то часть, какой-то отсек для спуска с орбиты на Землю, или же сам корабль целиком должен был суметь вернуться из космоса. Такого пока еще ни один космический аппарат делать не мог.

Спуск с орбиты — ответственный этап всего полета, его финал, завершение. Только две цифры для того, чтобы представить сложность этой проблемы. Скорость корабля на орбите — около 8 тысяч метров в секунду. Безопасный спуск на Землю может происходить со скоростью, ну, скажем, около 8 метров в секунду. Это по опыту парашютистов. Вот и задача: уменьшить скорость с 8 тысяч до 8 метров в секунду. «Всего» в тысячу раз!

Как тормозить, чем тормозить?

Еще в 1956 году Сергей Павлович, выступая на Всесоюзной конференции по ракетным исследованиям верхних слоев атмосферы, сказал:

«Говоря о перспективах, нельзя не остановиться и на

одном из самых злободневных вопросов — полете человека в ракете. В настоящее время эта задача становится все более и более реальной. Она издавна привлекала внимание всех, работавших в области ракетной техники, а полет человека на ракете является и сейчас одной из основных задач в области ракетной техники.

Большое внимание этой проблеме уделяли К. Э. Циолковский и многие ученые, исследователи и конструкторы, работающие в области ракетной техники... До сих пор основная трудность состояла в обеспечении жизненных условий для человека при значительных перегрузках в полете. Однако за последнее время достигнут значительный прогресс в области преодоления воздействия перегрузки на человеческий организм в полете. Большой положительный опыт также получен из наблюдений за животными, поднимавшимися на ракетах на высоту до 100 км и затем различными способами опускавшимися на Землю. Надо отметить, что продолжительность воздействия перегрузки на человеческий организм при полете на ракете не будет очень длительной и не будет достигать слишком больших величин, хотя воздействие ускорения в разные моменты полета будет различным как по величине, так и по направлению действия, что, по-видимому, само по себе будет весьма неприятным...

Другим серьезным вопросом является посадка ракеты с человеком на Землю. Здесь известен ряд самых разнообразных схем...

Очень интересен и важен круг вопросов, связанных с искусственным торможением при полете на ракете при подходе к Земле. Здесь может быть рассмотрена схема активного торможения при помощи реактивного двигателя, а также система механического торможения...

При этом надо сказать, что вопрос о защите от воздействия высоких температур при торможении и посадке... может быть разрешен... путем выбора формы...

и расчетов торможения, а в некоторых случаях путем применения защитных и теплоотдающих средств...»

Мы не случайно привели здесь цитату из выступления Сергея Павловича Королева. Текст этого выступления впервые опубликован в сборнике «Творческое наследие академика Сергея Павловича Королева. Избранные труды и документы», вышедшем в издательстве «Наука» в 1980 году тиражом всего 6400 экземпляров.

Особенно интересно то, что мысли, изложенные Королевым еще до создания первого спутника Земли, в апреле 1960 года легли в основу проектирования первых космических кораблей.

При проектировании, естественно, учитывалось, что немалую роль играет и форма спускаемого аппарата. Ведь разные по форме тела испытывают и разное воздействие среды, в которой они перемещаются.

Но есть форма, равно переносящая воздействие атмосферы при любом положении,— это шар. Внешняя поверхность такого шара, как, впрочем, и любого другого спускаемого аппарата, должна быть покрыта тепловой защитой. Шар-то он шар. Воздух-то будет его обтекать одинаково при любом его положении при спуске к Земле, но допустимо ли это? Внутри такого шара должен находиться космонавт. И вот представьте себе, что в процессе спуска вся кабина вместе с шаром будет беспорядочно кувыркаться в пространстве. По всей вероятности, хорошего в таком спуске будет мало. Пусть он шар, но шар этот должен иметь вполне определенный «верх» и «низ» и падать к Земле в определенном положении. Значит, надо иметь какие-то средства, чтобы это положение поддерживать,— рули, стабилизаторы или что-то другое.

Итак, спускаемый аппарат может быть шаром. Это проще и надежнее на первом этапе. Дальше видно будет, можно будет перейти и к другим формам аппарата, и к другому методу посадки.

Не плохо было бы в таком шаре разместить все то, что необходимо космическому кораблю для полета. Но это оказалось не рационально. Большая часть систем и приборов корабля закончит свою работу на орбите и не будет нужна при спуске на Землю. Зачем же их спускать? При этом, естественно, и спускаемая масса будет большой, а следовательно, и затруднения при спуске возрастут. Целесообразнее все это «хозяйство» на Землю не спускать. Для этого надо сгруппировать все эти приборы и системы в отдельный отсек и после торможения реактивным двигателем при сходе с орбиты отделить от спускаемого аппарата. Тогда корабль будет состоять из двух частей - приборного отсека и спускаемого аппарата...

Вот примерно так рождались и развивались мысли в проектно-модельном отделе нашего конструкторского бюро. Но многое еще оставалось неясным, многим вопросам не находилось еще решений. А время шло, неумолимо шло. Его оставалось все меньше и меньше до установленного графиком срока окончания проектных работ.

Вспомнились мне слова Бориса Викторовича Раушенбаха. Как-то он писал: «Да что греха таить, ведь в нашем деле зачастую кажется, что ставится задача, казалось бы, совершенно немыслимая. Но начинается массовая генерация идей думающих, как мы говорим, инженеров. Первая их реакция обычно такова: «Чушь, ерунда, сделать невозможно». Через день кто-то говорит: «Почему же, сделать можно, только все равно ничего не получится». Следующий этап: имеется двадцать предложений, причем самых диких, основанных на самых невероятных предположениях. Например: «Вот я слышал, будто в одном институте Ленинграда есть один человек, который эту вещь видел или что-то про нее читал...» Начинаются споры, взаимные упреки, часто сами авторы хохочут вместе с оппонентами над собственными рухнувшими идеями. В конце концов остаются два варианта. Их долго и упорно прорабатывают, подсчитывают, вычерчивают. Потом оста-

ется один. А потом выясняется, что и это не тот вариант, который нужен. И все начинается сначала, пока не получится оптимальное решение, отвечающее задаче. Эти творческие поиски лишь начало работы. А дальше неизбежный процесс доводки отдельных элементов конструкции и составление документации — то, что называется черновой работой. В ряде случаев она заставляет пересматривать и первоначальные идеи. Тогда разработчики злятся и проклинаят тот день и час, когда они связались с космосом. Но не верьте им. Они любят свое дело так, что их до ночи не прогонишь с рабочего места...»

Да, шли дни, вечера, прихватывались и ночи. Шло проектирование. Рождался проект. Но при всем этом проектанты ни на минуту не могли забывать, что конец (да конец ли?) их работы — это начало работы конструкторов, а потом производства — рабочих, мастеров, технологов, превращающих идеи и бумагу в металл, приборы, механизмы, в корабль, наконец. Окончится изготовление и начнутся напряженные дни и ночи испытателей. А затем — космодром...

Все это было нужно помнить проектантам. А тут, как назло, в приборном отсеке не размещалось четыре прибора, не очень приемлемо получалось с температурой на двигательной установке. А тут еще выяснилось, что для аккумуляторных батарей требуется веса в полтора раза больше отведенного и никакого свободного объема нет. И все надо менять, и вся работа впустую...

Сколько проблем, мешавших спокойно спать руководителям проектного отдела. Как создать систему терморегулирования, которая обеспечила бы в приборном отсеке и в кабине космонавта приемлемую температуру. А как соединить один отсек с другим, чтобы при полете по орбите они были как один организм, но могли бы по команде разделиться на две части, самостоятельные, работоспособные... А как и чем защитить спускаемый аппарат от разрушительного воздействия атмосферы при спуске,

чтобы не сгорел он, как метеор. А из чего сделать иллюминаторы, чтобы они были прозрачны, прочны, герметичны и выдерживали высокую температуру при спуске?

Да разве можно сейчас перечислить все «как», «что», «где», «из чего»! Все то, что преследовало проектантов в те дни и ночи рождения наших первых космических кораблей. Преследовало и требовало четкого, определенного решения. И ничего нельзя было отложить на потом, ибо это «потом» могло попросту развалить весь выстраданный проект.

Сергей Павлович вошел в кабинет начальника проектного отдела, как всегда быстро и энергично поздоровался, снял пальто, повесил шляпу на рог вешалки.

— Ну-ка, друзья мои, показывайте, на чем это вы расползлись? И когда это кончится? Понимаете ли вы, что мы не можем больше ждать, когда вы утрясете все ваши противоречия? Или вы думаете, что нам позволительно еще месяц играть в варианты?

Группа проектантов, специально вызванных для доклада Главному, молчала.

— Показывайте. Я в основном ваши предложения знаю. Давайте-ка еще разок вместе посмотрим. Кто будет докладывать? Вы, Евгений Федорович?

Рязанов, руководитель сектора, в котором проектировался корабль, развернул листы ватмана. Михаил Клавдиевич Тихонравов, Константин Петрович Феоктистов и еще несколько товарищей подсели ближе к столу...

Через три часа решение было принято. Варианты кончились.

За две недели все приборы, системы, агрегаты, механизмы разместились на бумаге. Затем начались «дипломатические переговоры» со смежными институтами, КБ и заводами. Они не всегда шли гладко, тогда в ход пускалась «тяжелая артиллерия» — заместители Главного, а в особых случаях и он сам.

Постепенно стороны приходили к согласию. Правда,

потом у какого-нибудь стола можно было услышать примерно такой разговор:

— Вот видишь, уважаемый Николай Николаевич, а ты говорил, что двадцать семь килограммов — это мало, не уложитесь. Просил тридцать два! А теперь что скажешь? — поблескивая стеклами очков, допытывался конструктор.

А то и скажу, уважаемый Евгений Александрович, что уж больно лихо у вас получается — запланировали двадцать семь! Кто же такую вещь уложит в двадцать семь? Да если бы не вчерашний разговор, не видать бы тебе моего согласия. Только зачем же вы сразу Сергею Павловичу-то нажаловались?

— А мы и не жаловались. Ей-богу, о тебе, дорогой, и разговора не было.

— Да, мастера вы оправдываться... А вообще-то зря. Что-нибудь мы бы и сами придумали...

Вот видишь, а теперь и придумывать ничего не надо. Все уже решено. Двадцать семь кил и привет!

Из широкого окна приемной на втором этаже конструкторского корпуса видно, как к подъезду подруливали «Волги». Съезд гостей главных конструкторов систем ракеты-носителя и корабля. Приехали товарищи из министерств, Академии наук, руководители ведомств.

В приемной становилось тесновато. Кое-кто прошел прямо в кабинет. Пока не началось совещание в приемной, приехавшие группками вели тихий разговор. Кто о чем. Кто о технике и своих тревогах, кто о взаимных претензиях, а кто и о рыбалке.

На столе секретаря Главного, Антонины Алексеевны, резко прогудел зуммер. Она сняла трубку внутреннего телефона.

— Слушаю, Сергей Павлович! Хорошо, Сергей Павлович,— и, положив трубку: — Товарищи, Сергей Павлович просит в кабинет!

За длинным полированным столом все не разместились. Рассаживаются и вдоль стен, так сказать, во втором ряду.

— Все собрались или не приехал еще кто-нибудь? — Сергей Павлович окинул взглядом рассаживающихся.

— Почти все, Сергей Павлович, — ответил его помощник, заглядывая в список, который он держал в руках.

— А поточнее можно?

— Нет еще Алексея Федоровича, но он звонил, что выехал.

— Что, товарищи, будем ждать или начнем?

— Конечно, надо начинать, Сергей Павлович.

— Ну хорошо. Прошлый раз мы с вами условились собраться и обсудить план летных испытаний наших кораблей, «Востоков», мы так предлагаем назвать эти корабли.

Сергей Павлович подошел к большой, занимавшей почти полстены, доске.

— Всем хорошо видно? Николай Алексеевич, ты бы пересел сюда. Как бы там у окошка тебя не продуло, да и видно там плохо!

— Ладно, ладно, Сергей, — проворчал Пилюгин, его давний соратник по ракетным делам.

— Вот на этом плакате мы изобразили все предлагаемые этапы летных испытаний «Востока»...

Да, «Восток» проектировался для орбитального полета человека. Но можно ли было предлагать этот полет первым, самым первым? Космическая техника развивалась не по авиационному пути. На самолетах человек уже летает далеко за полвека, а в космосе еще никто ни разу не бывал. Новый самолет после всевозможных испытаний на земле передается в руки летчиков-испытателей, которые все свое умение, весь опыт вкладывают в отработку, доводку машины, изучая ее поведение в

воздухе. Космонавтов на нашей планете еще не было. Никто из людей еще не поднимался в космическое пространство, никто не испытал на себе длительной невесомости, никто не летал на космическом корабле, и не только не летал, но и не видел его, каков он, на что похож!

Кто мог сказать, сумеет ли человек, каким бы он ни был сильным и опытным, проявить свои способности, волю, знания, оказавшись один на один с незнакомым космическим пространством.

Конечно, первый полет должен был быть без человека, с самой тщательной проверкой всего того, что создавалось для будущего полета.

Проблем было много. Взять хотя бы необходимость ориентации в пространстве. Это значило, что в полете, в условиях невесомости, где нет понятий «верх» и «низ», нет поддерживающей аппарат среды, и при скорости полета около 28 тысяч километров в час нужно уметь представлять свое положение в пространстве, уметь изменять его, ориентироваться. А на что опираться при этой самой ориентации? Предложили в качестве «опоры» использовать горизонт Земли. Но, естественно, горизонт не видимый, а горизонт тепловой. Но что представляет собой этот тепловой горизонт, каковы его границы? Кто и когда это проверял? Кто летал в космическое пространство? Вот вам и проблема. И это не говоря о том, как создать необходимые приборы, которые могли бы определить с нужной точностью этот самый горизонт?

Это уже была проблема в проблеме.

Или еще. Для спуска с орбиты нужно было затормозить корабль, уменьшить скорость его движения на 150–200 метров в секунду. Это можно было сделать, применив реактивный двигатель, направив его тягу навстречу направлению полета. Насколько торможение ответственная операция, говорить, по всей вероятности, не надо. Отказ двигателя, или ТДУ — тормозной двигательной установки, как ее называли, и корабль вместе с космонавтом останется

на орбите, в плену у невесомости, в плену космического пространства.

Эту установку должны были создавать в конструкторском бюро Алексея Михайловича Исаева, коллективе талантливых конструкторов, производственников, испытателей-огневи́ков. Ведь ракетный двигатель — это всегда огонь, всегда пламя. Огонь — стихия, а здесь стихия, подчиненная воле человека.

Алексей Михайлович Исаев. Мне довелось видеть его много раз, но разговаривать не часто, работать вместе не пришлось. Не могу похвастаться, что хорошо знал этого человека. Больше слышал о нем. Познакомиться ближе все было как-то неудобно: как-нибудь попозже, когда не так занят будет, словно он мог быть меньше занят.

Писать об этом удивительном человеке право тех, кто был ближе к нему, кто трудился с ним рядом. Скажу только, что его очень ценил, безмерно уважал и любил Сергей Павлович. Они были знакомы долгие годы, работали бок о бок. И не мог Королев не привлечь Исаева к своим космическим делам. Не мог и Исаев не войти в семью главных конструкторов, создававших отечественную космонавтику. Первой космической поэмой в его жизни, в жизни конструкторского бюро была ТДУ для «Востока».

Как-то, уже после полета Юрия Гагарина, на одном из больших правительственных присмов Сергей Павлович Королев, с доброй улыбкой представляя Исаева, сказал: «А это Исаев, который «тормозит» все наше дело».

Они были очень разными — Королев и Исаев. По-разному сложилась у них жизнь, по-разному и работали, но одинаково относились к делу, к долгу, к мечте, к будущему. К тому, чему оба посвятили свои жизни. И люди в КБ у Исаева подбирались такие, и атмосфера была такая, что делу отдавалось все. Исаева очень любили. Он никогда не давил, не кричал, хотя и был взрывным.

Терпеть не мог расхлябанности, бездарности. Считал, что за дело должны отвечать каждый и все. Спрашивал строго, но перед начальством никогда не выставлял чьей-то вины, все брал на себя.

Я помню его очень незаметным, очень тихим, сидящим на больших и малых совещаниях и заседаниях всегда в последних рядах, в уголочке. Выступал редко, говорил тихо, но твердо: «Сделаем». Был очень принципиален и не боялся сказать прямо в лицо людям, даже весьма влиятельным, нелицеприятное.

Применявшиеся до той поры реактивные двигатели «умели» работать или в атмосфере, или в вакууме на наших ракетах. А вот как они смогут «запуститься» и работать в условиях невесомости? На это никто ответить не мог. Вот это и был вопрос для двигателистов Исаева.

Ориентация и торможение в космическом пространстве — вот два «кита», на которые могла бы смело опереться проблема спуска на Землю. Но после торможения и схода с орбиты следующий участок тоже в общем-то был не прост. При входе в атмосферу, как показывали расчеты, у поверхности спускаемого аппарата температура достигнет нескольких тысяч градусов. Значит, нужна специальная теплозащита. К счастью, эта проблема была полегче, опыт в этой части уже имелся. Теплозащита обеспечит прохождение аппарата через атмосферу. Обеспечит... А если не сработает система ориентации или ТДУ? Случись так, и тяжелый спускаемый аппарат возьмет и приземлится совсем не там, где ему положено: на какой-нибудь населенный пункт, на дом...

Что же делать? При первом спуске такую неприятность нужно было исключить. А как? Сделать так, чтобы в любом случае спускаемый аппарат не дошел до поверхности Земли. Вот тебе и раз! Отрабатывать спуск на

Землю и до Земли не дойти! Парадокс! А что было делать? Единственный выход — на первом корабле, на его спускаемом аппарате не устанавливать теплозащиту. В этом случае при спуске в атмосфере он просто сгорит. Только в этом можно было допустить отклонение от полной программы испытаний.

Такова была суть первого этапа, предложенного для обсуждения на совещании у Сергея Павловича. Не скажу, что у нее не было противников. Они были и среди своих, и среди смежников. Совещание затянулось. Все, кто хотел что-то предложить, предложили. Все, кто хотел возразить, возразили. Были рассмотрены все «за» и «против». Подавляющее большинство склонилось к тому, чтобы принять план Королева. Так и было решено. Дальше разговор пошел о программе и порядке полетов следующих кораблей — второго, третьего, четвертого. И тоже пока без человека. С животными. И конечно, по полной программе, с возвращением на Землю. Только после этого — человек.

— Так вот, товарищи, если вы поддерживаете такой план отработки «Востока», то позвольте мне от вашего имени доложить его Центральному Комитету партии, правительству и просить одобрить все наши наметки. Я думаю, что здесь не надо говорить о той громадной ответственности, которую мы все берем на себя...

Разъехались поздно вечером.

Фролов... Евгений Фролов... К этому конструктору я приглядывался давно. Не могу сказать, что причиной этому был его талант или какое-то выдающееся свойство его характера. Порой не скажешь, не вспомнишь, что привлекло тебя в том или ином человеке. Но что-то привлекло. Наверное, это были качества, которые импонировали мне: он был энергичен, жизнерадостен, оперативен, технически грамотен. На день-два я забывал о нем, но, как только проходил мимо его рабочего места

и встречал его взгляд, приветливый кивок головы, опять мелькала мысль: «А что, если?..»

Справляться со множеством дел в ОКБ и на заводе, не говоря уже о связях со смежниками, с уймой вопросов при этом становилось мне все труднее и труднее. Частенько мелькала мысль: а что, если попросить Сергея Павловича, поскольку он был в те годы моим непосредственным начальником, о помощнике? Вдвоем-то сподручнее. У меня, правда, был уже один заместитель, но его целиком поглотили «лунные» заботы и отрывать его на «восточные» было никак нельзя. «А что, если?..»

В один из очередных приходов в отдел, где работал Евгений Александрович, я, осторожно поговорив с его начальником, узнал, что Фролов окончил МАИ в 1953 году и с тех пор работает у нас. Я подошел к нему и после церемониала приветствий кивнул: «Выйдем, поговорить надо». Мое предложение не застало его врасплох. Казалось, он давным-давно только и ждал этого разговора.

В чем вопрос! Конечно, согласен! С большим удовольствием! — неожиданно эмоционально отреагировал Евгений Александрович.

Но только ты имей в виду, наш разговор предварительный, может быть, ничего не получится. Надо ведь с Главным поговорить, чтобы он согласился.

Готов ждать, дорогой, готов ждать. Но хочу очень. Это прошу иметь в виду.

Главный согласился. Через неделю был подписан приказ, и Фролов стал моим замом. Это было очень кстати. Дел прибавлялось с каждым днем. Должен сказать, в своем выборе я не ошибся. Работалось с Женей легко. Взаимопонимание у нас установилось полное. Даже и периода «акклиматизации» не было. Есть такие люди, словно самой природой созданные для того, чтобы слиться с другим человеком в работе и заботах. Кстати, в замах Фролов «ходил» недолго. Чуть больше года. А потом сам стал ведущим конструктором и благополучно

провел не одну сложную машину, стал лауреатом Ленинской премии.

Космический корабль. На что он похож? С чем его можно было сравнить? Красив он или нет, эстетичны ли его формы? Можно сравнить два самолета, два парохода, два дома, наконец. Но с чем сравнить то, что создано впервые? Корабль был красив своей необычностью. И была уверенность в том, что именно такой корабль, а не какой-то будущий, лучший, вынесет человека в космос. Если бы этой уверенности не было, не было бы проекта, не было бы корабля.

Закончен и утвержден проект, в конструкторских отделах разработаны, согласованы и выпущены рабочие чертежи, технологи, подумав и поразмыслив над своими проблемами, предложили наивыгоднейшую технологию каждому производственному участку в большом заводском хозяйстве. Наши снабженцы и кооператоры, а это тоже снабженцы, только имеющие связь с организациями, которые должны были для корабля разработать, изготовить, испытать и отдать нам много разных приборов, механизмов, агрегатов и систем, буквально ночей не спали, чтобы к установленному сроку обеспечить производство, сборку всем необходимым. Затем — сборка, а это всегда очень интересно. Только тут увидишь, как мысли превращаются в металл, в машину, в живую машину. В ту, которая была задумана.

Закончена сборка. Соединен последний штепсельный разъем, затянут последний болт, уложен и подвязан на свое законное место последний электрический кабель, установлен последний прибор, закреплена последняя антенна. Непрост и нелегко весь этот путь рождения корабля. Испытания — это проверка надежности. Они и только они подтвердят, прав ли был конструктор, придумавший эту вещь, оправдывает ли она его надежды. А ведь случиться может всякое.

Но вот испытания первого корабля закончены. Все проверено. Дальше — космодром. А там опять испытания, потом стыковка с ракетой-носителем, вывоз на старт, предстартовые испытания, заправка ракеты топливом для ее двигателей. Старт первого корабля был назначен на 15 мая 1960 года. Старт!

Радио и газеты сообщили:

«В течение последних лет в Советском Союзе проводятся научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы по подготовке полета человека в космическое пространство.

Достижения Советского Союза в создании искусственных спутников Земли больших весов и размеров, успешное проведение испытаний мощной ракеты-носителя, способной вывести на заданную орбиту спутник весом в несколько тонн, позволили приступить к созданию и началу испытаний космического корабля для длительных полетов человека в космическом пространстве.

15 мая 1960 года в Советском Союзе осуществлен запуск космического корабля на орбиту спутника Земли. По полученным данным, корабль-спутник в соответствии с расчетом был выведен на орбиту, близкую к круговой, с высотой около 320 километров от поверхности Земли, после чего отделился от последней ступени ракеты-носителя. Начальный период обращения корабля-спутника Земли составляет 91 минуту. Наклонение его орбиты к плоскости экватора равно 65 градусам. Вес корабля-спутника без последней ступени ракеты-носителя составляет 4 тонны 540 килограммов. На борту корабля-спутника установлена герметическая кабина с грузом, имитирующим вес человека, и со всем необходимым оборудованием для будущего полета человека и, кроме того, различная аппаратура, вес которой с источниками питания составляет 1477 килограммов.

Запуск предназначен для отработки и проверки систем корабля-спутника, обеспечивающих его безопасный полет

и управление полетом, возвращение на Землю и необходимые условия для человека в полете. Этим пуском положено начало сложной работы по созданию надежных космических кораблей, обеспечивающих безопасный полет человека в космосе.

По получении с корабля-спутника необходимых данных будет осуществлено отделение от него герметической кабины весом около 2,5 тонны. В данном запуске возвращение на Землю герметической кабины не предусматривается, и кабина после проверки надежности ее функционирования и отделения от корабля-спутника, как и сам корабль-спутник, по команде с Земли начнут спуск и прекратят свое существование при вхождении в плотные слои атмосферы». 15 мая 1960 года в 6 часов 11 минут корабль-спутник прошел над Москвой.

Полученные с борта корабля-спутника сведения подтвердили: аппаратура работает нормально. Полет проходит по программе. Прошло трое суток. Близился завершающий этап — ориентация в пространстве, включение ТДУ, торможение, снижение с орбиты. 19 мая на борт была выдана радиокоманда на начало цикла спуска. Цикл спуска включился. Но... спуска не произошло. ТДУ — тормозная двигательная установка — сработала точно по расчету, а вот система ориентации со своей задачей не справилась, не смогла правильно сориентировать корабль. Он в пространстве оказался в положении, чуть ли не противоположном расчетному. Поэтому под воздействием тяги тормозного двигателя получилось не торможение, а дополнительный разгон. Корабль вместо спуска к Земле, разогнавшись, вышел на новую, более высокую орбиту. А дальше все было в порядке. Отделение спускаемого аппарата произошло, как и было предусмотрено, все приборы в кабине работали нормально.

«Это было на исходе ночи, — вспоминал потом Константин Давыдович Бушуев, заместитель Сергея Павловича. — Как вы понимаете, устали мы все здорово. Напряжение

сказывалось. Но и неудача, признаюсь, удручала. Сергей Павлович с особым любопытством выслушивал доклады измеренцев. Особенно баллистикам досталось: немедленно вынь да положь параметры новой орбиты. Возвращались мы домой вместе с Сергеем Павловичем в его машине. Не доезжая примерно квартал до дома, он предложил пройтись пешком. Было раннее утро, улицы города только-только просыпались. Мы медленно шли по тротуару. Я молчал.

Сергей Павлович возбужденно и, я бы сказал, даже с восторженным удивлением продолжал говорить о ночной работе. Я что-то поначалу не очень понимал его восторгов: работа-то была неудачной, корабль к Земле вернуть не удалось. А он безо всяких признаков огорчения увлеченно рассуждал о том, что это первый опыт маневрирования в космосе, переход с одной орбиты на другую. «Надо овладеть техникой маневрирования, это же имеет большое значение для будущего! А спускаться на Землю когда надо и куда надо наши корабли будут, как миленькие будут! На следующий раз посадим обязательно!»

Так что же произошло с системой ориентации? Подробный анализ телеметрических данных показал, что неисправность возникла не в тормозном двигателе, а в приводе чувствительного инфракрасного датчика, того самого, который должен был суметь определить тепловой горизонт Земли и удерживать его в поле своего зрения. Ну а что касается тормозной двигательной установки, созданной в коллективе Алексея Михайловича Исаева, то о ней, кроме доброго слова, ничего сказать нельзя. Она отработала так, как и было ей положено. Эта проблема с повестки дня была снята полностью.

Тщательно исследуя космос, создавая для этого новые космические аппараты, ученые, инженеры, порой ошибаясь, не имели права ошибаться в одном — в том, что

могло стоять человеческой жизни. Следующие пуски кораблей планировалось совершить с животными.

Полным ходом началась подготовка нового корабля. Его спускаемый аппарат уже был покрыт специальным теплозащитным материалом, внутри устанавливалась катапультируемая капсула с двухместной кабиной для четвероногих пассажиров. Сборка и испытания этого корабля были закончены достаточно скоро. В начале июня этого же, 1960 года команда испытателей вылетела на космодром для подготовки корабля, ракеты-носителя да и пассажиров к полету.

На технической позиции космодрома, в монтажно-испытательном корпусе, в той же самой комнате, где в 1957 году готовилась к полету наша первая космическая путешественница — Лайка, медики опять организовали свою лабораторию. Кроме собачек они привезли крыс, черных и белых мышей, малюсеньких, но очень важных для исследований мушек — дрозофил, водоросли, растения, семена растений — целое хозяйство. Для полета готовились две собачки, звали их Стрелка и Белка. Предварительно они прошли большой цикл подготовки. Начали с «первых» классов школы, а экзамены на «аттестат зрелости» сдавали в лабораториях института у медиков, а теперь предстояли последние тщательные исследования и подготовка на космодроме. Все предписанные программой проверки были закончены без особых происшествий, корабль и ракета были подготовлены к стыковке и дороге на старт.

Белка и Стрелка, заняв свои места в кабинах, на старт со всем ракетно-космическим комплексом не ехали, им предстояла эта поездка попозже, после того как пройдут все испытания и ракеты, и корабля на старте. Только после этого предусмотрена была установка в спускаемый аппарат кабины с животными. Остальные пассажиры, не требующие столь повышенного внимания, как собачки, свои места заняли сразу.

Кроме медико-биологических исследований на корабле проходили испытания и приборы, предназначенные для изучения различных излучений в космическом пространстве. Один из таких приборов был создан в физическом институте Академии наук СССР под руководством Лидии Васильевны Курносовой. Прибор этот именовался «Фотоэмульсионным блоком». Так вот только перед самым стартом, вопреки всем законам и правилам, нам с большим трудом удалось установить этот блок внутри кабины спускаемого аппарата. А вопреки законам потому, что... Впрочем, дело было так. Все научные приборы мы обыкновенно проверяли и устанавливали обязательно в присутствии «хозяев», наука — дело тонкое! Когда очередь дошла до этого прибора, мы пригласили Лидию Васильевну. Она подошла к нам и, минуту подумав, сказала:

— А знаете, товарищи, этот прибор лучше пока не ставить. Его надо ставить потом, на стартовой позиции, как можно ближе к моменту старта. А то он может взорваться. Возможно, конечно, он и не взорвется, но все равно будет нехорошо.

Должен сказать, что установка этого прибора на стартовой позиции никогда и не предполагалась и о столь каверзном характере его нам ничего не было известно. Кроме того, на старте его и поставить-то по всем нашим соображениям, было невозможно. Крепился он внутри кабины в таком неудобном и недоступном месте, что добраться туда на старте было невозможно. В ответ на «приятное» сообщение Лидии Васильевны в зале грохнул взрыв... хохота, затем уже менее весело началось выяснение отношений.

Проходило оно бурно и было прервано с появлением около корабля Сергея Павловича и его заместителя по испытаниям Леонида Александровича Воскресенского. Услышав шум, они подошли к нам:

... Что здесь происходит?

— Сергей Павлович,— начал я.— Ну никакого терпения больше нет с этой наукой. Смотрите, что опять...

— Подождите, подождите. Что это значит — «с наукой»? Наука — великая вещь, ее не терпеть, а уважать и любить положено. Не надо таких непродуманных заявлений. Так что же случилось?

Я коротко доложил ситуацию, может, несколько сгустив краски относительно «порядка, организации и предварительного согласования». Сергей Павлович строго посмотрел на Лидию Васильевну. Она очень волновалась во время моей «обвинительной» речи. Будучи наслышанной о нетерпимости Королева к подобным промахам и неувязкам, она, по всей видимости, ожидала превеликой «кары небесной».

— Вы, очевидно, ничего не поняли из того, что я вам сказал,— Главный перевел взгляд на меня.— Науку нужно уважать! Особенно если ее представителем является женщина. Вы знаете, что Лидия Васильевна имеет «лунный паспорт»? Знаете, что она имеет так называемый «вид на жительство» на Луне? Нет? А следовало бы! — Он минутку помолчал, потом повернулся к Воскресенскому: — Ленья, я думаю мы можем установить этот прибор на старте?

— Сергей Павлович, ребята у нас орлы, но...

— Не надо «но»! — И обращаясь ко мне: — Подумайте, посоветуйтесь, как это сделать. Прибор поставим на старте. Лидия Васильевна, а вас я очень прошу в тринадцать тридцать зайти ко мне в домик, это вам удобно? Мне надо с вами поговорить. А вы,— он опять повернулся в мою сторону,— обеспечьте, пожалуйста, чтобы базара больше в монтажном корпусе не было! Вам ясно?

— Ясно, Сергей Павлович,— пробормотал я весьма тусклым голосом.

А получилось из всего этого вот что. После завершения «посадок и укладок» всяческой живности наши монтажники, прямо скажу, не без труда, все же исхитрились на

стартовой позиции поставить прибор «имени Курносовой», как его стали называть, на отведенное место.

Я доложил Сергею Павловичу прямо сверху, оттуда, где мы работали на семи ветрах и выше, на самой макушке ракеты, что все в порядке и что мы готовы принять кабину со Стрелкой и Белкой для установки ее в спускаемый корабль. Здесь ее можно было установить вовнутрь только с помощью специального приспособления, такого маленького подъемного крана. График подготовки ракеты отводил для этой операции весьма ограниченное время. По звонку Королева из монтажного корпуса на машине кабина с собачками выехала на старт. Снизу к нам навверх ее поднял маленький лифт, специально сделанный для этой операции. Ползет серебристая капсула с кабиной вверх, смотрю я на нее сверху, кажется она такой крупинкой в громаде хитросплетений ферм стартового устройства, обнявших ракету. Но крупинкой только по размеру, отнюдь не по значению. Она сейчас главное. Из-за нее все это тут и происходит. Ей предстоит дать ответ на вопрос, будет ли открыт путь в космос человеку.

Площадка лифта, ткнувшись в ограничитель, остановилась на нашем, верхнем «этаже». Подняли с нее кабину, завели в люк спускаемого аппарата, поставили на место, закрепили всем тем, чем положено было, подключили все электрические кабели. Теперь оттуда, снизу, испытатели включают контрольную систему, проверят, как регистрируется пульс у собачонок, дыхание, температура. Через несколько минут передали: «Все в порядке!»

Можно готовить крышку люка и закрывать люк. По графику подготовки ракеты к старту нам на все наши дела осталось 30 минут. За эти полчаса надо все закончить и спуститься вниз. А это, кстати, не так тогда просто было. Никаких лифтов для испытателей еще не существовало, поднимались к носу ракеты и спускались оттуда по трапам-лестнкам, расположенным в разных, более или менее удобных, а чаще и совсем неудобных местах.

Стартовая система — сложнейшее сооружение. Бывали случаи — спускаешься вниз, открываешь себе люк на промежуточной площадке, чтобы ниже спуститься, а там торчит голова товарища, наверх карабкающегося. Люк-то полметра на полметра и лестничка шириной сантиметров 20! Вот пойд и разойдись.

Перед закрытием люка взял я в руки фонарик, чтобы в последний раз осмотреть все внутри. Постучал в иллюминатор пассажиркам. Стрелка и Белка приветливо кивнули головами, «готовы», мол. А может, только показалось. Но тут на глаза попался какой-то бесформенный кусок белой ткани, торчащий из щели между катапультируемой капсулой и прибором «имени Курносовой». Мурашки пошли по спине. Да это же не пристегнутая на место шелковая перегородочка, направляющая воздух от вентилятора к приборам. Ее отстегнули, когда мучались с установкой того злополучного фотоэмульсионного блока. Просунул руку в щель, но не достал. Что делать? Приборы без вентиляции перегреются. Что делать? Что? Вынимать капсулу с кабиной, с собачками? Это работы на час-полтора. А времени-то — минуты.

Виктор Скопцов, наш монтажник, обычно всегда работавший на верхнем мостике, попробовал сунуться в люк — нет, не пролезть, крупноват. Тогда решил рискнуть я. Разделся, снял с себя все, что мог. Товарищи держали меня за ноги. Голова прошла в щель между шпангоутом люка и кабиной с собаками. Невольно вспомнилась житейская практика: важно, чтобы прошла голова, остальное пройдет. Грудь и спину сдавило, но терпеть можно.

Протиснулся еще глубже. Лег грудью на кабину. К счастью, она оклеена поролоном. Это уже комфорт! Одной рукой держусь, другую вытягиваю к злополучной тряпке. Достал. Попробовал пристегнуть на место. Получилось. Слава богу! Теперь обратно. Не оставаться же тут. Обратно всегда хуже, чем туда. Но вылез и даже умудрился

ничего не повредить внутри. Вылез, сел на мостик. Ребята потом говорили, что я дрожал. Не помню. Может быть. Как влезал и вылезал, только потом в памяти восстановилось. Помню только, что посмотрел на Виктора и вздохнул. Что и говорить, хороши! Допустить такую ошибку! Посмотрел на часы: на все влезание и вылезание ушло минут пять. Можно закрывать люк.

Сергею Павловичу я об этом не докладывал. Разнос за такие фокусы был бы уничтожающим.

Неисправности, ошибки, отказы приборов... Действительно, почему память сохраняет именно такие случаи? Что, из таких «эпизодов» и состояла вся наша работа? Нет! Конечно нет! Со всей категоричностью — нет!

Просто все то, что шло строго по плану, по графику, по программе, без сбоев, без отказов, все то, что составляло 99,9 процента наших производственных и испытательных забот, относилось к само собой разумеющемуся, к понятию «нормально». А исключения, вот эти единички исключений, запоминались как необычное, как из ряда вон выходящее...

К счастью, таких случаев было мало. Строгий расчет, обоснованность, четкость, нетерпимость к промахам — вот что воспитывал у своих сотрудников Сергей Павлович. Он не терпел ошибок. Его сознание, казалось, ни на минуту не допускало того, что в таком большом и сложном деле кто-то может что-то упустить, что-то просмотреть. В гневе он был, прямо скажем, резок. Трудно найти человека, который мог избежать его разноса, если того заслуживал. В таких случаях пощады не знал никто, не засчитывались никакие авторитеты, не учитывались никакие прошлые заслуги. Обычно больше чем кому-нибудь другому доставалось ведущим конструкторам, которые обязаны были все знать, все видеть, за все отвечать, везде быть, во всем участвовать.

По установившейся традиции, ставшей твердым порядком, все незанятые в предстартовых операциях покидали стартовую площадку по тридцатиминутной готовности и, как правило, уезжали на ближайший измерительный пункт. Оттуда хорошо было смотреть за подъемом ракеты и слышать передаваемую по линии громкой связи всю информацию о ходе полета. Напряженные минуты ожидания старта. Каждый раз они заставляли сжиматься сердце. В мозгу, словно калейдоскоп, картины пережитого. Мысли скачут, как осколки стекляшек в этом немудреном устройстве. Вот сейчас то, что с таким трудом было создано, то, чему отдано столько энергии и нервов, придет в действие.

И каждый раз так. Смотрим до рези в глазах на белую, дымящуюся в дренажируемом кислороде ракету, боясь моргнуть, и вот... Старт! Взлет! Ракета идет нормально. Кто-то, оторвав от глаз бинокль, молча отходит в сторону, кто-то тут же начинает обсуждать со стоящими рядом свои впечатления, кто-то, торопливо хлопая себя по карману, достает пачку папирос или сигарет и закуривает... Люди разные, и реакции разные.

Ракета скрылась. И словно на память о себе оставила на голубизне белый автограф — инверсионный след...

Полет должен продолжаться сутки, приземление по плану в 300 километрах восточнее Орска. Остается одно — ждать. Все должно быть хорошо, так, как задумано. Но насколько бы было легче, если была бы хоть какая-нибудь статистика. А тут в первый раз, и нет никого, никакого авторитета, который бы сказал: «Я со своим опытом гарантирую...» А наши взаимные успокоения почему-то не успокаивают.

Сутки прошли. И вот последний виток. Здесь должна включиться ТДУ, потом отделиться приборный отсек от спускаемого аппарата, но спускаемому аппарату еще лететь 11 тысяч километров, пока мы не получим известие о том, что парашюты раскрылись...

Идут минуты, секунды... Верится в благополучное за-

вершение этого первого в мире космического путешествия земных живых существ в космическое пространство и вот сейчас возвращающихся на свою матушку-Землю. И наконец, долгожданное: «Есть пеленги!!!» Ну вот теперь все! Раз есть радиосигналы, значит, и капсула с кабиной и собачонками, и спускаемый аппарат — на парашютах! А на парашютах — значит, на Земле. Больше им деваться некуда.

Сергей Павлович крепко обнимается с председателем государственной комиссии, с учеными, своими замами, коллегами.

— Теперь слушайте: я думаю, нам здесь делать больше нечего. Предлагаю немедленно выезжать на аэродром и лететь к месту посадки в Орск.

В Орск прилетели под вечер. На аэродроме — самолеты и вертолеты поисковой группы. Летчики доложили, что спускаемый аппарат уже обнаружен. Сейчас там два вертолета. Часа через два-три они должны возвратиться. Через полчаса известие: вертолеты, забрав в стени «груз», вылетели обратно.

Представьте себе наше ликование! Скоро, совсем скоро увидим мы космических путешественниц, сутки пробывших там, в далеком, таинственном космосе. Настроение было самым праздничным. На горизонте показались винтокрылые стрекозы. Они делают разворот и садятся. На летном поле, несмотря на то что широкой огласки происходящего не было, народу собралось более чем достаточно. Во избежание чересчур бурного проявления чувств решили Стрелку с Белкой сразу же поместить в автобус, поданный вплотную к вертолетам.

С большим трудом удалось мне протиснуться и заглянуть в окно автобуса. Вот они — живые, невредимые, только, кажется, немного испуганные. Да и не мудрено! Первое космическое путешествие, приземление, принудительное изъятие из своих «родных» кабин, причем не в лаборатории, а где-то в поле, да еще вдобавок столько

километров на вертолете! Всего этого многовато даже для космически тренированных живых существ! Люди, как мне показалось, были гораздо веселее Стрелки и Белки. Каждому хотелось ободрить собачонок, но поскольку возможности для благодарности были несколько сужены — кормить животных медики не разрешили, — то на нашу долю оставалось только восторженно выражать одобрение и восхищение.

И Стрелка, и Белка, хотя и понимали наши чувства, вели себя весьма сдержанно.

В этой суматохе коллеги-медики, оказывается, не забыли и о других живых «экспериментах» — крысах, мышах, мухах...

Наконец восторги иссякли. Автобус отъехал от вертолетов к стоящему неподалеку самолету. Счастливые, блаженные минуты. Теперь в Москву! С такой победой! Что может быть радостнее? Что может быть большей наградой за бессонные ночи, за напряженные трудовые дни?

В этот момент меня окликнул Королев. Когда я подходил к нему, мое лицо, по всей вероятности, не выражало забот и тревог. Но он был как-то непонятно серьезен для такого момента.

— Вот мы тут посоветовались с членами правительственной комиссии и решили поручить вам, Арvidу Владимировичу и Олегу Петровичу доставку спускаемого аппарата с места приземления на завод. Докладывайте мне ежедневно. Все ясно?

Мне все было неясно. Чего-чего, а этого я, признаться, никак не ожидал: уж очень хотелось попасть домой. Но... дело есть дело.

— Хорошо, Сергей Павлович. Все будет в порядке, сделаем.

— Ну и добро! До встречи...

Дело было к вечеру, все спешили. Стрелку с Белкой, да и всю остальную живность медики просили как можно быстрее доставить в лаборатории для более подробных

исследований. Самолет улетел. Олег Петрович и я остались в Орске, а Арвид Владимирович, вместе с поисковой группой, вылетевшей к месту посадки с первым вертолетом, находился там, в степи.

Так закончился день 20 августа 1960 года. День, полный тревог и ожиданий. Корабль сутки пробыл в космическом пространстве и возвратился благополучно на Землю. Такое было впервые. В полете в кабине поддерживались нормальные условия, исследовалось воздействие на организмы живых существ космического излучения, проводились биохимические, микробиологические, генетические - словом, все запланированные эксперименты.

Медики по телевидению наблюдали за поведением Белки и Стрелки на орбите. Хорошо было видно, как они «плавали» в невесомости, не касаясь лапами пола кабинок. Особенное удовольствие в одном из сеансов связи доставила Белка, которая, глядя через разделяющую ее со Стрелкой сетку, вдруг принялась ожесточенно лаять! Вот бы было здорово, если бы в кабине был микрофон, получился бы первый «репортаж» из космоса. Не менее сенсационной для медиков была и информация: «Зафиксирован прием пищи и Стрелкой и Белкой!»

Безотказно работали радиолинии, телеметрическая система, программно-временные устройства, система управления, ориентации, двигательная установка, автоматика, парашютные системы. Ученые, в том числе и Лидия Васильевна, получили новые сведения о космических лучах, о рентгеновском и ультрафиолетовом излучениях Солнца.

Утром следующего дня нас ждали вертолеты. Мы вылетели к месту посадки. Доставка спускаемого аппарата из глубины целинных оренбургских степей была, как мы и предполагали, не очень-то простым мероприятием. Почти двое суток наша кавалькада — мощный грузовик и автокран - колесила по целинным дорогам, вызывая удивление у населения хуторов и поселков. Почти шестьсот километров! Но так или иначе задача была решена. К кон-

цу вторых суток на горизонте показались трубы орских заводов. Словно моряки, долго плававшие в открытом океане, мы неописуемо обрадовались появлению этих промышленных маяков. Последние километры пути — и аэродром. Через час контейнер с драгоценным содержимым был перегружен в самолет, а мы, уставшие, еле волоча ноги, добрались до гостиницы. А на следующее утро — разбег, подъем, несколько часов полета, и под нами родной город.

Ракетно-космическая техника готовилась принять на борт космического корабля человека. Ответственность была огромной. Принципиально возможность полета была обоснована. Теперь все зависело от надежности и ракеты, и собственно корабля. О том, что необходимо принять меры по повышению надежности, предупреждала неудача при запуске третьего космического корабля. Тщательно испытанный и проверенный, с собаками на борту, он был выведен на орбиту 1 декабря 1960 года. 2 декабря программа работы была закончена, были поданы соответствующие команды на спуск с орбиты, но спуска по расчетной траектории не получилось...

Это была большая неудача. Можно без труда понять, как было тяжело прежде всего Сергею Павловичу, ждущему с большим нетерпением положительных результатов в задуманном эксперименте. Помимо всего, ведь это было продолжение пути к «Востоку», к полету человека, и вот... Но в проведении задуманных экспериментов он был последователен. В тяжелых, сложных ситуациях и обстоятельствах особенно ярко проявлялся твердый характер нашего Главного конструктора.

За многие годы мне ни разу не пришлось видеть его в растерянном или удрученном состоянии. Неистребимое упорство и стальная воля, помноженные на знания, опыт, логику, казалось, руководили им.

Но давалось это, по всей вероятности, нелегко! И наверное, оставаясь наедине с собой в маленьком домике на космодроме, в рабочем кабинете или дома, он, быть может,

и бывал другим. Но мы этого не видели. Другим Главный для нас быть не мог!

Были тщательно продуманы и объединены в общий документ основные положения для разработки и подготовки кораблей, предназначавшихся уже непосредственно для полета человека. Четко было определено назначение этих кораблей — осуществление первых полетов продолжительностью до одних суток. Был определен состав корабля и основные особенности его систем, схема и программа полета. Особенно были выделены меры по повышению надежности систем корабля и необходимые организационные мероприятия. К ним в первую очередь были отнесены такие, как личная ответственность главных конструкторов, директоров заводов и руководителей служб за качество технической документации, правильность конструктивных решений, отработанность и надежность элементов конструкции, за качество изготовления, сборки и испытаний. Был введен такой порядок, при котором окончательное заключение о допуске ракеты-носителя и корабля к полету должно было даваться совместным решением главных конструкторов по результатам сборки и комплексных испытаний ракеты-носителя и корабля.

Собрался совет главных конструкторов. Сергей Павлович зачитал проект разработанных положений, и после обсуждения он был принят и подписан всеми участниками совещания. С этого дня порядок, определенный этим документом, стал законом при создании и испытании всех приборов, систем, ракет-носителей и космических кораблей.

Управление кораблем в полете оставалось, как и было до этого, автоматическим. Однако была предусмотрена возможность выключения автоматики и управления кораблем вручную. Такая возможность была нелишней, несмотря на то что приборы были задублированы, а некоторые даже дважды. Ведь могла возникнуть ситуация, в

которой не автоматы, а только находчивость человека, знание им систем корабля обеспечат правильное решение. Появились новинки и в оборудовании кабины. Прямо против люка чуть выше иллюминатора была расположена приборная доска. На ней приборы, показывающие давление воздуха в кабине, его температуру, содержание кислорода и углекислого газа. В левой части доски — небольшой глобус. Инженеры одного из старейших авиационных институтов — энтузиасты создания интересных пилотажных приборов — вложили в это устройство немало смекалки и остроумия.

Как только корабль выйдет на орбиту, этот глобус начнет вращаться. Расположенное перед ним на прозрачной плексигласовой пластинке перекрестье в любой момент покажет космонавту ту точку земного шара, над которой он пролетает. А если по необходимости придется брать управление «в свои руки»? Тогда от выбора места посадки можно будет точно определить время включения ТДУ. Это тоже покажет глобус, повернувшись сразу на четверть оборота вперед. Ведь тормозной путь корабля около 11 тысяч километров, а это и есть четверть окружности земного шара.

Для того чтобы включить тормозную двигательную установку и начать спуск с орбиты к Земле, космонавт должен был нажать на пульте особую красную кнопку, закрытую со всеми предосторожностями специальной крышечкой. Но сделать это было не так просто. Чуть выше этой кнопки в два ряда располагались маленькие кнопки с цифрами от нуля до девяти. Это был так называемый логический замок. Не знаю, в каком содружестве медиков, психологов, инженеров, летчиков, еще кого-нибудь родилась идея логического замка, но суть ее заключалась в предположении, что психика космонавта — штука мало надежная. Вдруг он неожиданно вздумает включить ТДУ.

Так вот, чтобы не произошло этого и космонавт не наводил беды, опустившись в лучшем случае в совсем не-

подходящем месте, он перед активным вмешательством в управление кораблем должен будет доказать, что пребывает в здравом уме, трезвом рассудке. Для доказательства этого космонавту надлежало в определенном порядке нажать три кнопки из десяти. А какие и в каком порядке, должно было быть крупно написано на внутренней части запечатанного конверта, который должен быть прикреплен на видном месте внутри кабины.

Логический замок «отпирался», то есть давал возможность космонавту начать управление кораблем, только в том случае, если заветные кнопки нажимались в установленном порядке.

Сейчас все эти меры предосторожности вызывают ироническую улыбку. Но тогда... Кто мог тогда смело заявить: «Все это глупости, и нечего...» Кто мог?

На заводе к выпуску готовились сразу три корабля. Два из них по программе должны были пойти в полет без человека, с манекеном вместо пилота, и лишь третий... Вот тот, третий, и должен был стать «Востоком».

Но манекен в скафандре был не единственным «космонавтом» на борту. Чтобы ему не было «скучно», в компании с ним должна была лететь и собачонка. Первой для такого совместного путешествия была утверждена Чернушка. В отличие от Стрелки и Белки она не располагала отдельной герметичной кабиной с питанием, регенерационной установкой, индивидуальной вентиляцией. Ей надлежало лететь в простой клетке, которая была установлена вместо «космического гастронома», как у нас называли маленький шкафчик с продуктами питания для космонавта. Подобное ущемление собачьего достоинства было допустимо, поскольку полет должен был продолжаться не сутки, как с Белкой и Стрелкой, а всего сто минут — один виток вокруг Земли.

Медики тщательно подготовили эту пассажирку. Ее задача, несмотря на кратковременный полет, была в общем-то не из легких. Предстояло перенести в простой клетке

взлет, невесомость и перегрузки при входе в атмосферу и впервые приземлиться вместе с кабиной, а не катапультироваться, как ее предшественницы.

9 марта 1961 года. Космодром. Ракета с кораблем на старте. Генеральные испытания, последние перед полетом. Замечаний нет. Старт. Корабль вышел на орбиту. Через полтора часа — посадка. Все прошло строго по программе, оценка «отлично»!

Чернушка перенесла полет и приземление вполне удовлетворительно. Только на ее задней лапе были обнаружены... мужские наручные часы. Это вызвало немалое удивление. Кто же автор этого незапланированного эксперимента? Исход его, по всей вероятности, не мог его не интересовать. Владелец вскоре нашелся, хотя, по понятным причинам, он сам до поры до времени не очень торопился признать приоритет экспериментатора.

Было принято решение готовить к пуску следующий корабль. По программе он должен был полностью повторить полет предыдущего. В монтажном корпусе полным ходом началась его подготовка. Приятным сюрпризом в эти дни был прилет на космодром группы будущих космонавтов. Это были Юрий Гагарин, Герман Титов, Павел Попович, Андриян Николаев, Валерий Быковский... С ними прилетел начальник Центра подготовки Евгений Анатольевич Карпов, генерал авиации Николай Петрович Каманин, еще несколько товарищей.

С этой первой группой будущих космонавтов мы встречались и раньше, еще на заводе, когда готовился к полету самый первый корабль, но здесь, на космодроме, они были впервые. Здесь впервые они увидели и ракету-носитель вместе с кораблем.

Планы и программа пусков будущим космонавтам была, конечно, известна. Но нельзя было не понять их желание сесть скорее в кабину и полететь. Любой из них, конечно, был готов к полету, знал, что этот полет не за горами и что сейчас — генеральная репетиция.

На следующий день, продолжая знакомство с технической позицией космодрома и порядком подготовки, наши гости зашли в комнату, где медики готовили к следующему полету очередную пассажирку. Звали ее Дымкой. Кто-то возразил: «Можно ли с такой кличкой лететь в космос? Не может ли это быть истолковано превратно?» Идея переименовать Дымку получила поддержку. Через час космонавты опять зашли к медикам и заявили, что, по общему мнению, собачонку лучше назвать Звездочкой. Так и было решено.

21 марта подготовка корабля и ракеты-носителя была закончена.

25 марта — старт. Корабль на орбите. Полученная информация со всей очевидностью свидетельствовала, что и на этот раз все идет строго по программе — все работает отлично. Через полтора часа нам сообщили, что спуск с орбиты и посадка в расчетном районе прошли без замечаний. Звездочка жива, здорова и готова к очередному полету. Но теперь уже готовиться к старту пришла пора человеку.

Да, на пороге в космос стоял человек, чтобы, воплотив многовековые мечты, опыт, труд, мысли множества ученых, инженеров, летчиков, испытателей, шагнуть туда, в неизвестное. Что давало право на такой шаг? Десятки, сотни, тысячи экспериментов в лабораториях ученых и исследователей, десятки запусков ракет с обширным планом медико-биологических исследований, пять полетов космических кораблей-спутников.

Был создан и проверен самый сложный наземный командно-измерительный комплекс — сеть наблюдательных станций, оснащенных радиолокационным, радиотелеметрическим, связным, телевизионным и радиокомандным оборудованием. С помощью этих средств могли производиться точнейшие измерения параметров орбиты, состояния систем кораблей, самочувствия космонавта, необходимые параметры кабины и окружающего пространства.

Телевизионные средства и системы связи позволяли наблюдать изображение космонавта и поддерживать с ним двустороннюю радиосвязь.

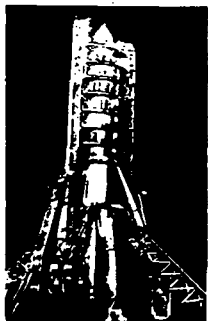
Наша ракетная техника к 1961 году приобрела достаточный опыт в создании автоматических устройств, обеспечивающих подготовку на старте, запуск и полет по строго расчетной траектории. Конструкторы научились решать задачи обеспечения полета многоступенчатых ракет, где каждая ступень — самый сложный автомат, решать задачи обеспечения орбитального полета, спуска, приземления кораблей.

Техника готова была «принять» человека.

1961 год. Апрель, 12. «Восток». Гагарин.

На моем письменном столе в футляре — бронзовая медаль с профилем Сергея Павловича Королева. Она была отлита ко дню его шестидесятилетия. На ней сказанные им слова: «Космонавтика имеет безграничное будущее, и ее перспективы беспредельны, как сама Вселенная!»

Четверть века прошло с того дня, когда преодолевались первые ступени на пути в космос. Четверть века. Но никогда не забудутся те дни, никогда не забудутся, не могут забыться те, кто открывал новые, неизведанные направления человеческого прогресса, те, кто были первыми.

ТОЧКА ОТСЧЕТА

В. А. СУВОРОВ

Из записок кинооператора

Это сейчас на космодром летают довольно свободно. А когда мы начинали съемки, там работал ограниченный круг людей. Для создания фильмов по космической тематике на студии научно-популярных фильмов была сформирована спецкиногруппа. В ее основной состав входили: режиссер Г. М. Косенко, операторы А. М. Филиппов и я. Директором группы был назначен Ю. В. Куприянов, а звукооператором сначала Б. М. Кокин, а затем Н. Л. Аипов. В качестве ассистентов нам прикрепили М. Г. Бесчетнова, Ю. И. Панкратова и Н. Л. Долгову. Потом состав нашей группы незначительно менялся. Мало менялся и состав наших ассистентов, помимо упоминавшихся ранее в последующие годы с нами работали Гена Анохин, Толя Полуэктов и Олег Тулушев.

Получили долгожданное «добро» на съемки. Основные камеры у нас всегда на ходу – это мои «Родина» № 88 и «Конвас-автомат» № 0627. У Саши Филиппова «Аскания-Зет». У Миши Бесчетнова «Конвас». Все эти камеры давно проверены, отлажены и готовы к работе.

Космодром Байконур, расположенный в казахской степи. Только что остановились винты самолета. В ушах звенит от многочасового гудения двигателей. Подкатили трап. Пассажиры вскочили со своих мест и, потягиваясь

и разминая затекшие от долгого сидения ноги, потянулись к выходу.

— Куда?! Куда?! Сидеть на местах! Аэроплан уроните! — привычно прокричал бортмеханик, выскакивая, чтобы поставить хвостовую подпорку.

Пассажиры ушли. Теперь очередь за нами. Один за другим вылезают на солнышко члены нашей немногочисленной группы.

На аэродроме космодрома нас ждал автобус. Этот автобус — наш рабочий кабинет. Здесь есть стол, два кресла, маленький шкаф, умывальник, тумбочка и печка — наша спасительница в зимнюю стужу и бураны, она же наша мучительница, ибо смертельно дымит. Всю самую ценную аппаратуру мы ставим вперед (так на ней меньше сказывается тряска), и когда размещаем все, то оказывается, что места для нас не хватает. С трудом втискиваемся кто куда: кто-то примостился на тумбочке, кто-то на аппаратуре, уложенной на диван, три человека влезли на стол, а выше голов пышным букетом торчат наши ноги.

За окнами автобуса плывет степь, степь без конца и края. Вот последний подъем, и с вершины плоского невысокого холма видна убегающая за горизонт дорога, а у самого горизонта домики городка космодрома. Я как-то спросил молодого инженера-конструктора:

— Скажи, как выбирают место для космодромов?

— По максимальной совокупности неудобств, — ответил он. — Нужно найти такое место, куда, во-первых, нелегко было бы добраться любым видом транспорта, начиная с самого современного и кончая таким архаичным, как ишак или верблюд. Но этого мало. Надо, чтобы местность была бы пустынной. Чтобы не было воды и ее привозили бы в цистернах. Обязательное условие — это песок! Причем песка должно быть много, очень много. И если подует ветер, то этот песок должен висеть в воздухе, так, чтобы в трех шагах ничего не было бы видно. Желательно, чтобы он попадался в борще и котлетах. Это для того, чтобы ты

помнил, что дома тебя ждет жена с вкусным обедом. Если ты нашел такое место, значит, оно подходит для строительства космодрома.

В этом шутовском диалоге, который мы вели с будущим космонавтом Вадимом Волковым¹, а тогда рядовым инженером-конструктором, была доля правды и смысла. Местность у космодрома должна быть пустынной, чтобы падающие на землю ступени ракет не причинили вреда. Вот и американские космодромы находятся рядом с океаном, а французские в Сахаре.

— Так что будь доволен, что мы находимся не на Камчатке, — добавил Вадим.

Мы будем жить в бараке № 2. Барак стандартный — длинное приземистое здание с одним входом посередине. Длинный, во все здание, коридор. По обе стороны коридора ряды дверей. Меблировка спартанская: стол, четыре тумбочки, четыре металлических кровати, три-четыре стула. На стене репродуктор трансляционной сети.

Получили от коменданта ключи, заносим свои чемоданы и едем разгружать аппаратуру в МИК — монтажно-испытательный корпус.

Все работы по испытаниям и стыковкам ведутся здесь. Вокруг масса пультов с разноцветными огоньками, десятки выключателей, ручек, тумблеров, кранов. Пульты стационарные, пульты передвижные, осциллографы. Много пневматики. Просторно. Пока еще просторно. В одном из боковых приделов нам выделили небольшую комнату, в нее мы и заносим аппаратуру. Светотехники ставят осветительные приборы прямо в угол МИКа. После дороги они в чистом помещении выглядят страшно. Даю команду помыть их.

¹ Владислав Волков в кругу друзей предпочитал, чтобы его звали Вадимом. — В. С.

Наша комната забита аппаратурой до потолка. Чтобы что-либо достать или найти, придется ворочать все. Ничего, в тесноте, да не в обиде. Закрываем дверь на ключ. Пломбируем ее и сдаем под охрану. Отныне вход сюда посторонним воспрещен!

Такого мы еще не видели! Мы осматриваем стартовую позицию (СП). Она впечатляет, впрочем, как и все здесь. Громадный котлован со стартовым лотком. Над ним на слоновых железобетонных ногах стартовое устройство. Оно обнесено, отгорожено от пропасти котлована металлической решеткой. Упадешь вниз — «скорую» можно не вызывать. Склоны котлована выложены массивными бетонными плитами. Под «козырьком» лоток из металлических плит, здесь будет свирепствовать раскаленная струя газов от двигателей ракеты. Еще бы, двадцать миллионов лошадиных сил! На стартовом устройстве, стиснутая ажурными фермами обслуживания, стоит технологическая ракета, на ней тренируется в отработке операций стартовый расчет. Она поднята с установщика и стоит вертикально. По краям стоят две вышки с площадками для прожекторов наверху. Они совсем такие же, как и на любом железнодорожном узле. Лезу туда один, я помоложе Гриши и Саши. Нервишки в порядке, силенка есть, и на здоровье не жалуюсь. Надо же кому-то посмотреть, что можно снять оттуда, что видно вокруг и что надо сделать, чтобы поставить туда выносные камеры. Лезу. Лестница отвесная, без перил и ограждений. Только не смотреть вниз! Вышка высокая, метров шестьдесят — семьдесят. Чуть-чуть дрожат от напряжения пальцы. Страховочного пояса, чтобы зацепиться для отдыха, нет. Лезу-то пустой, без аппаратуры. Выше и выше. Отдыхаю, прильнув к лестнице. Затем шаг, еще шаг. Вот и верхняя площадка, вползаю туда. Под ногами только редкая решетка из металлических прутьев. Ого-го! Если со старта не стоит падать в котлован, то отсюда и подавно! Вышку заметно покачивает. До поверхности «козырька» метров шестьдесят, да в котлован столько же!

А красотища-то! Здесь обязательно будем ставить выносные камеры. Только вот на какую из них? По солнцу, да и люк на ракете смотрит сюда, видимо, на эту. Надо уточнить, вдруг ракета по оси не в стартовом положении и люк при старте будет в другой стороне? Поставить надо «АКС-1» и «АКС-2» с пружиной и с моторным приводом. С наружными увеличенными кассетами нельзя — близко, сдует газовой струей, а бокс сюда тянуть тяжело, и так придется тащить два пудовых аккумулятора. Запаса пленки в камерах хватит, если не ставить больше сорока восьми кадров в секунду. Интересно, за сколько времени ракета пройдет по кадру? Время съемки утроить на прохождение хвоста, на тени. Тени, тени... Камеры включать поточней, без лишнего захлеста. Если время старта, положение ракеты и вышки совпадут, в кадре может появиться тень от ракеты. Профиль у ракеты интересный, тень должна быть красивой. Все уточнить. И какому богу молиться, чтобы все совпало? Да, еще обязательно моторный и пружинный привод: если кабель и перебьет, пружина сработает. Оптику 35 и 50, чтобы были варианты. И обе камеры на люк — вдруг катапультирование...

Спустившись вниз, я немедленно получил заслуженный нагоняй от Гриши за нарушение техники безопасности. Клятвенно заверяю, что в следующий раз... И опять несколько обходов вокруг старта и котлована. Слазили и в котлован. Можно составлять схему выносных. Расстояния между намеченными точками промерены, записано, что и на какой точке надо сделать, а сделать надо много: врыть тавровые балки вместо штативов, сварить вышки-угольники, тоже для камер, — их, не врывая в землю, можно будет ставить в любой, достаточно удаленной от старта точке. Кое-где надо будет приварить угольники и площадки. Вырыть траншею для кабеля, соединяющего эти точки.

В хлопотах незаметно прошло несколько дней. Мы нарочно приехали в Байконур пораньше, чтобы лучше осмотреться и подготовить к работе выносные камеры и

кабельную сеть к ним. Достали и распаяли недостающий кабель. Поставили на него стандартные разъемы типа ШР. Весь кабель у нас теперь во вполне транспортабельных кусках, по 100—200 метров каждый. За это время вырыли тавровые балки для установки близрасположенных от носителя камер. Королевцы помогли сварить высокие переносные треноги и кое-где приварили угольники и площадки. Приварили угольники и на прожекторных вышках, протянули и закрепили кабель для камер. На лицах видны только белки глаз и зубы! Пылища! Грунт оказался неподатливым. В ход пошли ломы и кирки. Траншеи, слава богу, нужны неглубокие.

Наконец весь кабель уложен в траншеи и засыпан землей. Сделаны выводы ко всем съемочным точкам, установлены промежуточные реле и аккумуляторы, чтобы на дальних точках не садилось напряжение. Кабеля уложили почти три километра, так что пришлось попотеть. Все выносные камеры поставлены на свои точки. Сейчас будут делать пробные включения для проверки всей кабельной сети. У каждой камеры (они пока без пленки) стоит человек и слушает, пойдет ли она. Поднимаю руку над головой: «Внимание!» — и тут же включаю все камеры. Считаю секунды: раз, и два, и три, и четыре, и пять. Стоп, камеры! Поднятые руки показывают мне, что все в порядке, камера шла. А что там? Ага, все камеры сработали, а одна не пошла. Хватаем сумку с инструментами и тестером и бегом по линии. Промеряем напряжение в сети, подтягиваем разъемы, осматриваем крепления вводов в аккумуляторы и контакты реле. Порядок! Порядок! Порядок! Даем напряжение, не идет, проклятая. Снова по линии. Как здесь? А здесь? А тут не слабовато? Да нет, хорошо! А это куда? Правильно, все правильно! Включай! Не идет! Взмывленные, бегаем мы с Панкратовым вдоль всей цепи. Во время очередной пробежки нам попадается наш директор Юрий Владимирович, свеженький, отдохнувший, волосы еще влажные, сразу видно, что человек прямо из душа. «Ну,

как дела?» — только и успел он спросить с участием в голосе. И тут я ему объяснил, что обо всем этом думаю — и о камере, и о линии, об аккумуляторах и особенно о реле. Сейчас не помню, что я говорил, но, видимо, в выражениях не стеснялся, так как вроде бы кругом никого посторонних не было. А из-за спины вдруг спокойный такой голос: — Молодой человек! Зачем же так фигурально?!

Оборачиваюсь. Мать моя мамочка — Сергей Павлович! Он, оказывается, давно наблюдал за суматохой у нас. Хорошо еще, что я раньше обернулся, а то бы и ему попало, а я бы с треском вылетел с площадки и долго шел бы по шпалам домой...

Вот так первое личное свидание! Запал сразу угас. Пока я пытаюсь найти выход из создавшейся щекотливой ситуации, Королев протягивает руку помощи.

— Это так важно? Подумаешь, один аппарат не работает! Вон их сколько понаставили!

Спокойно объясняю, что так надо, что иначе не привыкли. Рассказываю, как однажды поставили около двадцати пяти камер, а нашли то, что нужно, всего на пяти кадриках одного плана. Поэтому, раз точка выбрана, камера поставлена, она должна работать. Королев хмыкнул и ушел, почему-то довольный. Видимо, чем-то я ему понравился, и в дальнейшем он относился ко мне более чем хорошо.

Около ракеты ни души. Сейчас, когда она освобождена от ферм обслуживания, видишь, насколько ее формы стремительны, изящны и совершенны. Не торопясь, еще раз, пока есть время, проверяем установку фокуса и диафрагмы. Раздался второй звонок. До старта пять минут. Совсем как в театре. Когда же зазвонят в третий раз, это будет означать, что до старта осталась одна минута. Дальше секунды отсчитываем сами. Даже по минутной готовности включать киноаппараты еще рано. Особенно выносные. В них запас пленки поменьше, всего 30—60 метров, а ско-

рость протяжки выше 48—100 кадров в секунду. Это значит, что в них за одну секунду проходит метр-два пленки, и если камеры включить сейчас, то к моменту старта они весь запас пленки израсходуют. Поэтому после объявления минутной готовности прочь летят папиросы и сигареты и оканчиваются все разговоры. Все внимание на ракету! Вот прекратил парить клапан. Пошел наддув. Слышны глухие хлопки — это сработали пиропатроны. Слежу за ракетой и одновременно ухитряюсь видеть секундную стрелку хронометра, надо уловить момент для включения первой группы выносных, снимающих отброс большой кабель-мачты. Здесь, кроме интуиции, ничто не поможет, разве только включение наших камер в систему автоматики ракеты, но кто же на это пойдет? Помогает реле времени, заложенное в каждом из нас.

-- Первая! — команду я Ильичеву (подразумевается первая группа камер).

— Есть первая! — отвечает он.

С глухим стуком отваливается большая мачта.

--- Стоп, первая!

— Есть, стоп!

А кругом тишина. Даже ракета притихла. Но это — затишье перед бурей. И в такие моменты особенно остро и много видишь. Ворона села на вершину ракеты. Сидит и ничего не знает. Что же с ней будет, когда ракета пойдет? Волнуемся? Конечно, волнуемся! Тик-так! Тик-так! И не поймешь, что тикает, часы или сердце. Как-то странно, боком, как гонимый ветром лист, ворона улетает. Пора! Все замерли, прильнув к визирам. Кажется, замерло и сердце.

— Камеры! -- заработали моторы всех киноаппаратов. В визире камеры ракета.

Теперь для нас ничего не существует, кроме сероватого прямоугольника визира, в котором по центру, занимая собой весь кадр, стоит ракета. Отошла маленькая кабель-мачта. Ракета на бортовом питании. И тотчас же мелькнул

красноватый отблеск. В кадре водопад пламени, нет, море огня. И все это красочное великолепие сопровождается оглушительным ревом работающих двигателей ракеты. Рев двигателей в 20 миллионов сил буквально придавливает нас к земле. В визире на огненных столбах, вырывающихся из сопел двигателей, ракеты плавно поднимается вверх, все ускоряя и ускоряя свой полет. Гигантский водопад пламени оканчивается тонким полупрозрачным языком, который быстро-быстро трепещет. Рев двигателей постепенно уменьшается, теперь похоже, что кто-то рвет вблизи огромное полотнище. Ракета идет все быстрее, она прорезала легкие облака и силой газовой струи пробила в белом облаке дырку — окно, в котором видно голубое небо. Еще немного, и за яркой точкой работающих двигателей появился белый инверсионный след. Мгновение, и он оборвался, а яркая точка упрямо движется все дальше и дальше, медленно тускнея и почти сливаясь с серым полем матового стекла визира. Звук совсем исчез. Слышен только шум работающего мотора камеры. До боли напрягаю глаза, панораму веду больше по интуиции, потому что ракеты не видно, но вот в кадре опять что-то сверкнуло! Разделение! В небе появился какой-то светящийся крест. Веду панораму еще несколько секунд и выключаю камеру. Ракету еще чуть слышно — понемногу затихает шум продолжающих работать двигателей. Только сейчас сказывается напряжение, и чувствуешь, как ты устал. Съемка всей панорамы длилась всего 240 секунд, и эти 240 мгновений выжали тебя, как лимон.

30 декабря 1960 года. Байконур. Сидим на аэродроме. Настроение собачье — завтра Новый год, а мы застряли. Пока собрали аппаратуру, пока сдали материал для отправки в проявку, в Москву ушел последний самолет. Мы видели, как он взлетел. Осталась еще машина Сергея Павловича — «Ил-14», но никто не знает, куда и когда он

летит и сколько с ним человек. Все оставшиеся разъехались по гостиницам. Мои ребята порывались тоже, но я их притормозил и, конечно, проинструктировал, чтобы, когда приедет Корольев, сделали вид понесчастней. «Мы не можем ждать милостей от природы, взять их — наша задача», — напутствовал я их цитатой из Мичурина.

Приехал Главный. Увидел наши несчастные фигуры (сработало!) и сразу к нам.

— Ну что, орелики? Застряли?

— Сергей Павлович! Теперь только второго января придут самолеты, а нам седьмого обратно!!

— Ну-ка, мигом к пилоту, узнай, как загрузка. Да скажи ему, сколько у тебя груза!

Бегу к пилоту, потом к Королеву.

— Пилот сказал, можно!

— Давай! Быстро в машину!

А ребята уже насторожились, следят за моей беготней. Машу им рукой. Глазом не успел моргнуть, как все было в самолете.

Летим. Когда немного отдышались, накрыли стол. Ребята повеселели, как же, хоть недельку побудем дома, а потом с новыми силами можно опять работать. Все поели и, успокоившись, легли спать, а я пристроился с книгой. Из своего салона вышел Сергей Павлович.

— Что читаешь, Володя?

Я тогда перечитывал «Королей и капусту» О'Генри. Он взял и перелистал книгу. Потом спросил:

— Как прошли съемки?

— Вроде бы порядок. Все, что надо, сняли. Прилетим, срочно проявляю. Как только Гриша подрежет, сразу же покажем.

— Ладно.

— Сергей Павлович! А как дальнейшая работа?

— Ну, о Венере ты знаешь, потом собаки и манекен, а там не за горами и человек.

— Скоро?

— Не терпится? Посмотрим...

— Сергей Павлович, а как люди? Машина серьезная, страшновато ведь лететь на ней.

— Это так кажется, что страшно, потренируй немного тебя, и ты полетишь. А вообще на корабле «Восток» могут летать все физически нормальные люди. Мы строим корабль не в расчете на суперменов, каждый может слетать на нем. Вот пройдет немного времени, всех взять не смогу, а одного из вас обязательно.

Потом он немного помолчал и добавил:

— Хорошие у тебя ребята!

Он легонько хлопнул меня по колену и ушел работать.

Март 1961 года. Байконур. Мы познакомились с «Иваном Ивановичем». В просторной чистой комнате три человека в белых халатах вскрыли большой опломбированный ящик и, взяв «Ивана Ивановича» за руки и ноги, бережно усадили его в кресло космонавта. Одет он был необычно: ярко-оранжевый костюм, белый гермошлем, перчатки, высокие шнурованные ботинки — все это придавало ему суперкосмический вид. «Иван Иванович» — это манекен. Его голова, поверхность туловища, рук и ног — все было покрыто синтетическим материалом, обладающим крепостью, эластичностью и сопротивляемостью, близкой к параметрам человеческой кожи. Руки, ноги и шея двигаются в шарнирных сочленениях с определенным усилием. «Иван Иванович» — это последние проверки перед полетом человека в космос. «Иван Иванович», одетый в полный костюм космонавта и посаженный в катапультирующееся кресло, оставлял несколько неприятное впечатление неподвижностью своих стеклянных глаз и застывшим лицом. Всем этим хозяйством — капсулой, креслом и скафандром — занимались люди, к которым мы все относились с явной симпатией. Во всяком случае, времени они своей работе уделяли очень много и работали здорово и красиво.

К нашей же работе они относились с редкостным пониманием и шли нам навстречу при малейшей возможности. «Иван Иванович» во время приземления будет катапультирован и приземлится самостоятельно.

9 марта 1961 года. Байконур. В небо взлетает космический корабль. В кабине корабля собака Чернушка. В кресле космонавта «Иван Иванович». Проверяется надежность всех систем, в том числе и надежность возвращения корабля на Землю. На месте приземления все в порядке. Чернушка тоже в порядке. Неприятное впечатление производит манекен, неподвижно лежащий на снегу. Через гермошлем видны стеклянные глаза куклы. Через некоторое время, между прочим, поползли обывательские слухи, что разбился космонавт.

Космодромный анекдот-быль: во время очередной работы мы никак не могли снять манекен, очень уж во время бесчисленных экспериментов была побита у него голова. Даем на соответствующее предприятие телеграмму:

«Согласно договоренности срочно вышлите голову, стоят съемки».

Ответ:

«Хозяин голову не дает — говорит, самому нужна, а запасной нет».

В конечном счете голову для манекена, конечно, нашли и прислали.

25 марта 1961 года. Байконур. Очередной носитель уносит вверх корабль с собакой Звездочкой. Второй раз в полете и «Иван Иванович». Только теперь у него под гермошлемом кусок поролона. На нем надпись: «Манекен». И никакого неприятного впечатления. Кукла и есть кукла.

...И все-таки это случилось для нас неожиданно. Всего несколько дней тому назад запустили в орбитальные

полеты, а потом встретили на земле корабли-спутники с «Иваном Ивановичем» и собаками, а сейчас вонсю работаем с очередным «шариком» — космическим кораблем «Восток», подготавливаемым к запуску с человеком на борту. Сколько людей приехало на «концерт»¹! Академики и министры, крупнейшие ученые, они съехались ввиду исключительной важности предстоящей работы.

Очень трогает отношение Сергея Павловича Королева — у него работы по горло, спит урывками, а для нас время находит. Со своей стороны мы стараемся его особенно не беспокоить и все решить с замами и ведущими, но иногда без его вмешательства не обойтись. Теперь мы особенно остро ощущаем, что за нашими спинами миллионы зрителей, которые сразу же, в день сообщения ТАСС, зададут тысячи вопросов и захотят увидеть, как это было.

Сегодня Королев рассказал нам о порядке предстоящей работы, особенностях ее и на что надо обратить внимание в первую очередь.

— По поводу возникающих трудностей и препятствий разрешаю обращаться ко мне в любое время суток.

«С такой поддержкой горы свернем», — подумал я. Мы прекрасно понимали, что для такой серьезной работы нас маловато, и не захотели рисковать. Поэтому, чувствуя приближение больших событий, загодя договорились с Михаилом Васильевичем Тихоновым, директором студии, об усилении нашей группы. Со своей стороны Михаил Васильевич обещал через Министерство культуры СССР договориться о дружеском альянсе с ЦСДФ — Центральной студией документальных фильмов. Такой момент настал. Пора вызывать подкрепление. Мы составили телеграмму и отнесли на визу Королеву.

— А сами не справитесь? — спросил он.

— Не имеем права рисковать... — ответил Косенко.
...Теперь мы не одни. В дело вступили наши товарищи:

¹ Так в нашем обиходе назывались пуски ракет-носителей.— В. С.

от нашей студии режиссер Д. Боголепов, операторы и мои друзья — Володя Афанасьев, Коля Шумов, Игорь Касаткин, Мах Рафиков и другие. От ЦСДФ — режиссер И. Копалин с группой хроникеров. За нами по-прежнему оставались съемки ключевых эпизодов на предприятии, космодроме и на месте приземления.

Маленький голубой аэродромный домик. Поникшая полосатая «колбаса» на высокой мачте. Безветрие. Ровная линейка самолетов. Над четкой линией горизонта возникают в синеве весеннего неба самолет за самолетом. Сделав положенный разворот, они один за другим садятся на посадочную полосу, постепенно замедляют свой бег, медленно разворачиваются и, подрулив к аэродромному домику, высаживают людей. Люди все прибывают и прибывают. Вот на трапе показалась совсем небольшая группа молодых, веселых и крепких ребят в летной офицерской форме. Эти ребята — люди новой профессии, космонавты. Кто-то из них будет первым. Вот они разговаривают с Главным конструктором — Сергеем Павловичем Королевым и теоретиком космонавтики — Мстиславом Всеволодовичем Келдышем. Снимая беседу, меняем кассету за кассетой. Сняли даже больше, чем нужно.

С приближением окончания испытаний корабля все чаще и чаще конфликтует с ведущим конструктором Олегом Ивановским. Его понять можно: время на каждую операцию расписано по минутам, у него график, а мы в этот график вламываемся. В результате ворчание — конфликт налицо. Естественно, визит к Королеву. Он вызывает запаренного и затюканного Олега. Королев ровен и всего-то говорит, что мы делаем *одно общее дело*, пора вам, мол, найти *общий язык*, и все. Ивановский смотрит на него умоляющими глазами, заикается о сроках. Эс Пе говорит великое слово НАДО. В результате мы работаем. Проходит время, и опять Олег смотрит умоляющими глазами на Ко-

ролева. Сергей Павлович сначала делает вид, что не замечает этих умоляющих глаз, потом как бы невзначай поворачивается к нам спиной и уходит куда-нибудь. Все, как в кино. И опять, конечно, работу делаем. В жизни Олег — человек хороший (мы и сейчас с ним в прекрасных отношениях). В спокойной обстановке мы никогда не ругаемся, даже намек на недоразумения нет.

Усталые, поздно вечером мы приходили в гостиницу. Пили чай, обсуждали план работ на следующий день и, коснувшись головой подушки, мгновенно засыпали. Проснувшись, быстро вскакивали и бежали в МИК. Событие следовало за событием. Только отснимем в МИКе очередной эпизод, как надо уже снимать у биологов. Отснимем там, бежим к медикам. И опять перестановка света, теперь к кресельщикам — снимать устройство скафандра, в котором полетит космонавт. Отсняты скафандр, биологические объекты и НАЗ — носимый аварийный запас. Он нужен для того, чтобы обеспечить на несколько дней космонавта всем необходимым после приземления.

Космонавты, какие они? Очень обыкновенные, такие же, как и все, только тренированные. Все молодые, здоровые, подтянутые и даже красивые. У всех глаза веселые. Может, у них здоровье и лучше, чем у других, но я не сказал бы, что они богатыри. Все среднего роста. Пока их шесть.

Здесь мы уже снимали. Это комната одевания. Здесь готовили в полет манекены, а сегодня впервые сюда придут космонавты. Комната просторная, на окнах, прикрытых от солнца кремовыми шторами, блики солнечных узоров. Вдоль стен и у окон столы. На столах комплекты одежды космонавтов и сумки НАЗ. На тренировку пришли Гагарин и Титов. Юра первым исполняет ритуал переодевания и остается в одних носках. Стесняться нечего, здесь все свои. На всякий случай он все же поворачивается к нам спиной и быстро надевает белые трусы и такую же майку. Сложен Юра хорошо, тренированное тело без жиринки, смуглое,

крепкое. Кресельщики дают ему синий комбинезон, сшитый на манер детского — брюки и курточка составляют одно целое и застегиваются на длинную «молнию». Этот костюм надевается быстро. Юра встает, делает разминку — проверяет, не жмет ли, не тянет ли — и опять садится на стул для продолжения процедуры. Во время одевания Юра и Герман шутят, но к делу относятся серьезно и предельно внимательны.

В дверях показались ярко-оранжевые фигурки Гагарина и Титова. Чуть ссутулившись, они идут к стоящему на подставке, состыкованному с блоком последней ступени кораблю-спутнику «Восток». Всюду наши осветительные приборы. Они расставлены так, что освещают и подход космонавтов к кораблю, и сам собранный корабль. Маленький лифт-подъемник поднял Гагарина наверх. Сейчас будет генеральная репетиция посадки космонавтов в корабль. Гагарин взялся за верхний обрез люка и легко скользнул внутрь. Когда Гагарин выполнил намеченную программу и вылез из корабля, настал черед Титова.

Я уже давно стоял у входного люка-лаза корабля-спутника и успел снять подъем в лифте и посадку Гагарина в корабль, хотя кому-то и показалось, что я нарушаю установленный порядок. Но зато теперь есть кадры подъема Гагарина и Титова, Королева и Келдыша в лифте, Гагарина и Титова в кабине спутника. А Сергея Павловича и Мстислава Всеволодовича я снял, когда они наблюдали за космонавтами, сидящими в кабине спутника.

11 апреля 1961 года. Байконур. Утро. Длинная комната с большими окнами, завешенными белыми шторами. Она стала маленькой и тесной, потому что сегодня здесь много народу. Буквой «Т» расставлены столы, покрытые голубым сукном. На столах бумага и карандаши. Мы ста-

вим свет, синхронную камеру, магнитофоны и «Конвас» с «Родиной». Микрофоны — один на стол госкомиссии, другой перед космонавтами. Сегодня торжественный день, сегодня официально назовутся имена тех, кто будет космонавтом-одним и его дублером. Перед началом заседания ловим в коридоре Сергея Павловича Королева.

Каков будет порядок выступлений? — спрашивает Косенко.

Королев рассказывает о порядке ведения собрания, о выступающих. Мы делаем пометки, чтобы знать, кто за кем идет и к чему готовиться.

— Сколько будет выступающих и каков регламент?

— Выступающих будет много, говорит Королев, — время выступлений ограничивать не будем. Это история!

— Сергей Павлович! — взмолился я. — У нас одна синхронная камера на крупные планы. В ней триста метров пленки — это шестьсот секунд. При безрегламентных выступлениях наверняка не хватит!

— А что же делать?

— Перезарядка займет две-три минуты...

... Ладно, дай мне тогда знать.

В комнату непрерывно входят люди: ученые, инженеры, двигателисты, врачи, тренеры космонавтов и их наставники, спортивный комиссар. Здесь цвет науки. Входят члены государственной комиссии. В президиуме академики Королев, Келдыш и председатель госкомиссии. Встает председатель. Включаю синхронную камеру. Бесшумно идет мотор, замелькали цифры на счетчике метража отснятой пленки. Идет доклад за докладом. Неумолимо тает запас пленки в кассете. Три слова, и метра пленки как не бывало. Еще три слова, и еще метра нет. Слово предоставляется Сергею Павловичу. Он неторопливо поднимается и начинает говорить о том, что ракета-носитель и корабль «Восток» полностью подготовлены к работе и теперь необходимо назначить командира корабля и его дублера. Я отрываюсь от визира и смотрю на него. Внешне Королев спокоен,

уверен и нетороплив. Но что за внешним спокойствием? Ведь настал день, к которому он шел всю свою жизнь.

Пленка в кассете подходит к концу. Делаю отчаянные знаки Сергею Павловичу, а он увлекся — слушает очередного докладчика. Наконец заметил мои немые сигналы, встал, постучал карандашом по кувшину с водой, все смолкли...

— Товарищи, внимание! Сейчас Володя Суворов перезаряжаться будет!

И грохнул хохот. Смеялись все. Смеялся Келдыш, смеялся Королев, хохотали космонавты и весь зал. Пока они смеялись, мы с Юрой Панкратовым (Юра бледный, пот на лбу) успели снять кассету с экспонированной пленкой и в четыре руки протягиваем, заряжаем чистую пленку. Я оттягиваю ролики, Юра ведет пленку между ними. Щелк! Ролики становятся на место. Щелк — закрыта дверца камеры. Вот теперь и я смеюсь вместе со всеми. Может быть, можно было посмеяться и еще, но я даю знак — готовы! — и заседание продолжается. И вот названо имя: Юрий Гагарин. Его дублер — Герман Титов. Из-за стола поднимается крепыш с тремя маленькими звездочками на погонах. Как же он молод! Волнуется. Это видно, потому что он сегодня говорит медленней, чем обычно, тщательно подбирая слова. А рядом с ним, плечом к плечу сидят его товарищи по новой и трудной профессии космонавта. Глядя на них, можно было с уверенностью сказать: да, на этих ребят можно положиться.

11 апреля 1961 года. Байконур. Вечер. Мы приготовились снимать в домике космонавтов, но возникли препятствия. Медики боятся, что мы собьем космонавтам режим предполетного отдыха, перегреем воздух своими светильниками и в комнате будет душно. Кроме того, у медиков там стоит своя аппаратура. Домик маленький, и там тесно. Время идет, космонавты не сняты. Конечно, мы разозли-

лись. Втроем — Косенко, Филиппов и я — идем к Сергею Павловичу. Его домик рядом с домиком космонавтов. Он точно такой же. В окнах темно. Мы знаем, что он дома, что он много работал и ему еще предстоит быть ночью на старте. Наверняка он отдыхает. По-человечески жалко будить его. Потоптавшись у крыльца, подходим к окну и тихо стучим. В окно выглядывает Сергей Павлович и исчезает. Подходим к двери, она открывается. Королев, склонив голову набок, смотрит на нас... Мы не кляузники, но выхода нет, нам не дают работать, поэтому сразу переходим в наступление и жалуемся на «эгоизм» медиков, ведь так важно снять ребят. Сергей Павлович берет телефонную трубку. Минутный разговор, и все улажено.

Быстро вносим в домик ранее отобранный минимум осветительной аппаратуры. Установка света занимает считанные минуты. Сколько раз я уговаривал Филиппова взять «Конвас». Нет, привык к «Аскании» — не оторвешь. Слов нет, хороший аппарат, но для событийных съемок нужна камера полегче. Особенно тяжело ему работать сейчас, в комнате очень тесно. Ну да нас двое. Гриша Косенко стоит в коридоре. С ним все оговорено, да и поместиться здесь ему негде. Юра и Герман помогают внести Сашину аппаратуру.

— Свет!

Свет мгновенно включается. Юра и Гера садятся за прерванную нашим приходом шахматную партию. Начинаем снимать. На счетчик метража не смотрю, успеть бы снять побольше. По звуку (щелчок, а затем резкое ускорение хода камеры) слышу, пленка кончилась.

— Пленку!

Отдаю снятую кассету, тут же рука чувствует, мне дают новую. Три движения, прокрутка, все в порядке, и опять съемка. Все время меняю оптику. Из приемника тихо звучит музыка. Гагарин и Титов спокойно, не обращая внимания на суету вокруг них, играют. Снимаю через Титова Гагарина. Фокус двадцать два, пятьдесят, семьдесят пять.

Крупно руки. Руки делают ход. Обратная точка. Поправляем свет. А если снять со стула? Чуть ближе, чуть дальше... А если снизу? Приборы лезут в кадр. Николай почувствовал, убирает их. Опять поправляю свет. И Саша всюду трудится рядом. Юра и Гера окончили партию. Теперь Юра пересел в кресло, слушает музыку. Переставляем свет, поправляю светильник. Свет хорошо лег на лицо Юры. И опять работают камеры, а Гагарин ведет себя так, будто он один. Где он сейчас мыслями? Снимаем все, что можно: приемник, книги, окно. Хорошо бы снять силуэт космонавта в окне. Гриша командует в комнате, я выскакиваю и снимаю с улицы освещенное окно с космонавтом. Возвращаюсь в домик. Николай Петрович Каманин смотрит на часы — мы прихватили лишку сверх выделенного нам времени. Пришел Сергей Павлович, он больше так и не уснул. Делаем несколько планов космонавтов с Королевым. Пора заканчивать съемки. Пока собирали и выносили аппаратуру, Королев, Титов и Гагарин вышли на улицу подышать перед сном. Дворик. Безнадёжно темно. Очень тихо. Все машины идут в объезд, чтобы не нарушать покой космонавтов. На фоне более светлого неба чуть видны силуэты тополей. Естественно, экспонометр ничего не покажет, даже не вынимаю его. Ставлю новую кассету, этот ролик надо будет «тянуть» в проявке. Иду за Королевым и космонавтами. Они вышли на шоссе. Все-таки снял их на фоне почти погасшего неба. Снял три удаляющихся силуэта. Они шли и беседовали, и не снять их было просто нельзя.

Ночь с 11 на 12 апреля 1961 года. Байконур. Космонавты, вернувшись с вечерней прогулки, сразу легли спать, а у нас опять съемки. Стараясь не шуметь, сняли вахту медиков, сидящих у своих пультов. Они будут сидеть до утра. Снимаем их у аппаратуры. Общие, средние, крупные планы. Их лица, их руки, показания приборов. Шепотом говорю Ионову:

— Подсвети тополя, чтобы они действительно были серебристыми!

Все спокойно; приборы показывают, что космонавты спят. Пульс, дыхание нормальные. Состояние, как у здоровых младенцев.

12 апреля 1961 года. Байконур. Утро. - Пора! — сказал врач, трогая Гагарина за плечо. Космонавты быстро встали.

— Привет! — сказали они нам. — Вы уже здесь?

— А вы думали!

Гагарин и Титов сделали зарядку, умылись и оделись. Потом легкий завтрак, и в МИК. Началась предполетная подготовка. Медицинский осмотр проходят оба космонавта. Все в порядке. На их тело накладывают датчики и начинают их одевать. То я, то Саша требуем пленку, кассету меняем за кассетой, пленка убывает на глазах. Это ничего, у меня наготове для съемок на старте есть еще «Конвас» и полностью заряженная «Родина», поэтому снимаем, снимаем и снимаем. Ассистенты тут же разряжают снятые кассеты и упаковывают пленку в коробки. Они обматывают их изоляционной лентой, готовя к срочной отправке на проявку в Москву. На этикетках коробок появилась надпись: «Гагарин. Одевание. 12 апреля 1961 года».

Где только можно, мы стараемся поставить свет заранее, правда, пришлось взять много лишних по сравнению с обычными съемками концов кабеля, и теперь это здорово выручает. Еще вчера сразу после вывоза ракеты на старт поставили свет и в домике, и у домика, в комнате медосмотра и здесь, в комнате одевания. Только чуть подправляем его при смене точек. Саша снимает почти с одной точки, только меняя объективы, я опять кручусь вокруг Гагарина и Титова. Юра одевается спокойно, помогает одевающим его людям. Их четверо: двое следят за правильностью одевания, а двое одевают. Лезу на стул, потом выше — на тумбочку, снимаю верхнюю точку и опять вниз. Кончилась пленка.

— Кассеты! — протягиваю руку назад.

Ассистенты внимательно следят за нами, они всегда наготове, и, когда что-нибудь нужно, это немедленно исполняется. В случае необходимости они могут снимать и самостоятельно, мы их не ограничиваем. Работа ладится. Как-то нутром чувствуешь, когда материал будет хорошим. Одевание Юры идет к концу. Ему надевают высокие шнурованные ботинки. Похожие ботинки в тридцатые годы носили щеголи. Затем надевают белый гермошлем. На нем четкая надпись красным: СССР. Перчатки только примеряют, он наденет их позже. Подключен переносной блок вентиляции, он сейчас продувает, вентилирует скафандр, чтобы космонавт не вспотел. Юра готов. Ему вручают удостоверение личности и на случай приземления в малонаселенной местности пистолет и охотничий нож (медведи удостоверений не читают). В комнату одевания быстро вошел Королев. Он только что со старта.

— Как настроение? — спросил он Гагарина.

— Отличное! — ответил Юра.

Можно ехать на старт. Косенко и Панкратов увозят нашу запасную аппаратуру, а мы первыми влезаем в автобус космонавтов.

Автобус плавно и неторопливо едет к старту. Гагарин и Титов спокойно переговариваются между собой. В кадре крупно Юра. Крупно Герман. Панорама с Юры на Германа. Бегущая дорога. Водитель автобуса. Степь через окна автобуса, солнечная степь, проплывающая мимо нас. Поездка коротка, а я снял уже две кассеты. В автобусе все хотели быть поближе к космонавтам. Приходится уговаривать людей подвинуться, отойти назад, потом влево, потом вправо. Показался старт. Сейчас нас должен видеть Миша Бесчетнов, он сидит на самой верхней площадке ферм обслуживания. Ему поручено снять оттуда подъезд автобуса к ракете, выход из него космонавтов, рапорт госкомиссии и все, что можно, при посадке космонавта в корабль. Мы все это будем снимать внизу, в самой гуще

событий, а я еще и у люка — посадку Гагарина в корабль. Автобус проезжает КП. Дежурный по КП снимает с доски прихода-ухода жетоны Гагарина и Титова и вешает их на «вход». Это значит, что они на старте. Наши жетоны тоже перевешены. Мы их повесим на «выход», когда будем покидать старт. А сейчас автобус подъезжает ближе и ближе к старту. У подножия заправленной ракеты космонавтов ждет государственная комиссия. Автобус останавливается. Юра и Герман встают и начинают прощаться. Нелегко поцеловаться в скафандрах. Они «чокаются» шлемами. Мы выскакиваем из автобуса первыми. От автобуса до госкомиссии шагов двадцать. В открывшейся передней двери автобуса вижу ярко-оранжевый костюм Гагарина. Неуклюжей кажется фигура космонавта в нем. Он чем-то напоминает медвежонка, вставшего на задние лапы. Юра идет к председателю госкомиссии, я, снимая его, пячусь перед ним. Только бы нога не застряла между рельсами. За собой ничего не вижу, глаз-то на спине нет. Допятился! Чьи-то руки мягко останавливают меня. Не прекращая съемки, отхожу немного вбок, все время снимая. Гагарин отдает рапорт. Снимаю Юру покрупней. Теперь прощание. Как же не поцеловаться по русскому обычаю, трижды, перед дальней дорогой? Но как это сделать человеку, упакованному в космический гермошлем? Провожаящие склоняют свои головы до отказа на плечо, только так и удастся попрощаться.

Гагарин прощается с председателем госкомиссии, затем с Королевым.

Пора. Подлетаю к Сергею Павловичу:

— Сергей Павлович! Мне пора наверх!

— Иди! Позже не успеешь, — сказал Королев.

Хватаю камеру, ручные аккумуляторные подсветки для съемки внутри «шарика» и к лифту.

— Королев разрешил! — как пароль, говорю я дежурному у лифта.

Пока поднимался наверх, снял через проплывающие

мимо фермы стартовую площадку. С верхней площадки ферм обслуживания видны все окрестности. Вон стоит автобус с Титовым. Он сейчас остался один, без Юры. У подножия ракеты среди людей с красными повязками хорошо виден Юра в своем ярком костюме. Лифт, поднявший меня к вершине ракеты, уже внизу. Он ждет космонавта. Олег Ивановский берет Гагарина под руку и введет его к двери лифта. Снимаю их проход, а затем подъем лифта с космонавтом. Быстро меняю точку, чтобы успеть снять выход из лифта и посадку в корабль. Монтажники помогают мне. Здесь глубокая тень, и они подсветят лица.

Свет! --- нервничая, кричу я. Монтажники включают ручники.

Лифт наверху. Открывается дверь -- Юрий Гагарин на верхней площадке ферм обслуживания, перед кабиной корабля. Лицо его спокойно. Увидев меня, он на мгновение приостановился, чуть-чуть покачал головой, как бы говоря: опять кино. Все это четко вижу в визир: он помахал мне рукой и пошел к люку. Мои руки заняты, камера работает, не могу оторваться от визира, чтобы попрощаться... Гагарин, ухватившись руками за верхний обрез люка кабины, на мгновение задержался, а затем ловко скользнул в кресло. Гагарин в кабине. Выключаю камеру и смотрю на счетчик метража. Снято пятнадцать метров пленки, значит, с момента остановки лифта до посадки Гагарина в кресло прошло около тридцати секунд. Юра, усевшись в кресло, неторопливо осматривается и, включив переговорное устройство, начинает проверку связи. Зажавшись в угол площадки, снимаю еще метров пять. Настало время закрывать люк. Все по очереди прощаются с Юрой. Положив свой аппарат на пол площадки, протискиваюсь к Юре и я. Кричу ему:

— До встречи! В Москве я тебя обязательно встречу!

На свой манер я тоже ободрял его, хотя это вряд ли ему нужно было.

• Пока закрывали люк, я снял еще несколько планов.

Пора спускаться вниз. Напоследок смотрю на стоящие рядом, рукой подать, прожекторные вышки: как там мои выносные, стоят? Стоят, миленькие, смотрят на нас стеклянными глазами оптики.

Давно прошла часовая готовность, прошла и тридцатиминутная. Сейчас счет идет каждой минуте. Соединяем последний разъем кабеля, уложенного через дорогу от выносных камер к нашей съёмочной точке старта. Аккуратно укладываем его в шов дороги, опоясывающей котлован старта, и прикрываем деревянным щитом, чтобы уходящие к бункеру машины не повредили его. Теперь скорей через КИ на нашу стартовую съёмочную точку.

Фермы обслуживания отведены. На весеннем солнышке поблескивает металлом люк корабля, там, за ним, Юра Гагарин. Он остался один. Один ли? Все мы душой там, с ним рядом. У пульта выносных, ни на минуту не отвлекаясь, дежурит Ильичев. Аккумуляторы к пульту подключены, об этом свидетельствует красный сигнал контрольной лампочки на пульте. Еще раз осматриваю свое хозяйство. Две камеры на вышке. Ниже, на перилах ограждения стартовой площадки, еще две. Две стоят на невысоком здании козырька: одна будет снимать опорно-силовой пояс, другая — общий план. Одна камера поблескивает оптикой рядом с перископами. Камер, установленных в котловане, от нас не видно, их четыре: первая снимает общий план двигателей, вторая — двигатели крупно, третья задрана на специальном угольнике вверх, она будет снимать старт ракеты снизу вверх, четвертая камера смотрит на выход из стартового лотка, здесь пройдет струя раскаленных газов.

Погода сегодня как по заказу. По степной дороге, направляясь к нам, пылит чей-то «газик». Это дежурные по старту проверяют, как выполняется строгая команда: в радиусе нескольких километров опасная зона, здесь никого не должно быть. «Газик» подъезжает к нам. Что за люди? Марш в укрытие! Мы с Сашей курим. Косенко греется на солнышке, сидя на кофрах от аппаратуры и подбрасывая

вверх камешки. Ильичев у пульта управления выносными камерами. Бесчетнов грызет травинку. Объясняем: работает киногруппа. Дежурный кричит: никаких киногрупп! Здесь я отвечаю за все! Марш в укрытие! Гриша начинает краснеть — это у него признак гнева. Миша Бесчетнов перестал жевать травинку.

Это, конечно, пижонство с моей стороны, но иначе не могу, не люблю, когда на меня кричат. Тем более что у меня в кармане письменное разрешение работать именно здесь (как чувствовали, запаслись им на всякий случай). Достая блокнот и спокойно пишу: «Расписка. На съемочной точке нахожусь добровольно. В случае моей смерти никого не винить. Уйти с точки отказался сам, несмотря на предупреждение. 12 апреля 1961 года. Суворов».

Отдаю расписку дежурному. Он ее не берет. Все-таки без эстрадного номера я не смог. Все мы люди, все человеки. Ругаться в такой день не дело. Показываю разрешение. Дежурный (другим голосом):

— А что же вы сразу-то?..

— А что же ты сразу-то напустился-то? Сразу крик!

-- Ну ладно, все в порядке, ребята. Ни пуха ни пера!

-- Стой! Не так!

— А как?

-- Ни фокуса, ни экспозиции!

— Ни фокуса, ни экспозиции вам!

-- Вот теперь иди к черту!

И «газик» умчался дальше.

От ракеты доносятся приглушенные расстоянием звуки: потрескивание, шипение газов, какие-то хлопки. Ракета живет своей собственной жизнью, подчиненной логике и железной последовательности проходящих команд. В ее нервах — проводах, клапанах, приборах и трубопроводах идет невидимая глазу работа. И на верхушке ракеты, над всем этим сложным хозяйством в относительно небольшом шарике корабля-спутника «Восток» — человек.

Косенко обо всем договорился, и ребята давно разле-

телись с поисковыми партиями. Я сразу после работы лечу в Куйбышев, там будет послеполетное медицинское обследование и доклад космонавта государственной комиссии. Затем в Москву, проверить готовность к встрече Гагарина.

Все идет хорошо. Гагарин сказал: «Поехали!» Городок космодрома стал многолюдным. В комнату связи, где сейчас находится государственная комиссия, непрерывно поступают сообщения о ходе полета. В коридоре, на крылечке, у здания толпой стоят освободившиеся от работ. Никто не идет домой. Все жадно слушают передаваемые по цепочке сообщения и тут же их обсуждают. Сообщения ТАСС еще не было, но вскоре все радиостанции Советского Союза прервут свои передачи и по земному шару разнесется сенсационная новость. Ради такой минуты стоит жить! Качаем на руках неосторожно показавшегося председателя госкомиссии. Где-то под потолком летает Сергей Павлович. Не пощадили и седины Келдыша — пришлось и ему подчиниться этой участи.

...Как же можно обойтись без приключений? Со съемками в бункере нам явно не везло. Во что бы то ни стало нам надо было снять Сергея Павловича Королева на связи с кораблем-спутником перед и во время старта, а Л. А. Воскресенского — за перископом.

Съемки во время стартовых работ категорически исключались: свет наших, даже самых маленьких и слабых осветительных приборов напрочь забивал слабые сигналы транспарантов и многочисленных сигнальных лампочек на пультах управления. Пришлось пойти на инсценировку работы пускового расчета в бункере. С большим трудом Гриша Косенко и мы с Сашей Филипповым уговорили Королева и Воскресенского сняться сразу же после старта ракеты с Гагариным. В этом ничего криминального не было, так как мы ничего не собирались выдумывать, а хотели восстановить и снять синхронно те команды и вопросы, которые были во время старта. Документальная же запись переговоров (она у нас уже есть) потом ляжет на

изображение стартующей ракеты, людей за пультами управления, у перископа...

Старт «Востока» прошел блестяще, работы у всех и, естественно, у Главного и его заместителя было навалом, а тут еще мы со своими съемками. С нашей стороны в ход пошло все: и тонкие, далеко рассчитанные ходы, и грубая лесть, и ссылка на интересы миллионов зрителей (что-то должно же было подействовать). В результате нашей дипломатии (а ей иногда могут позавидовать и профессионалы) с трудом, но уговорили С. П. Королева и Л. А. Воскресенского приехать. Снимаем сначала Сергея Павловича. Он с микрофоном. Косенко дает стандартные команды:

— Внимание! Синхронная съемка! Тишина! — И тихо мне: — Камера!

— Есть камера!

Вперед выскакивает Юра Панкратов с хлопушкой:

— Бункер! Дубль один! — И, трахнув (иначе это не назовешь) ею перед лицом Сергея Павловича, быстро отскакивает назад. Все идет так, как и полагается, и, довольно быстро сняв крупный и средний планы Сергея Павловича, мы его освободили.

Наши ребята работают быстро, но особенно быстро тогда, когда чувствуют, что на сегодня все. Тут они прямо львы. Вынесены из бункера свет и кабель, синхронная камера, штативы и магнитофоны. Юра Панкратов поднимается по лестнице, прижав к груди сдвоенную трехсотметровую кассету синхронной камеры со снятой пленкой. Перешагивая порог бункера, он споткнулся и растянулся плашмя перед самым входом. О ужас! Кассета вырвалась из его рук и, звякнув, приоткрылась. Все замерли, застыли, превратились в соляные столбы. Все, кроме Юры. Он, выронив кассету, в каком-то невероятном броске (тоже мне Третьяк) накрыл кассету животом, лежит и жалобно на нас смотрит. Гриша Косенко, то ли побелевший, то ли почерневший, ничего не говорит. Не может.

- - Ты что? - - с трудом выдавил я.

— Крышку подсасывает, если плотно закрыть... — лепечет растерявшийся Юра.

Мелкую резьбу крышки кассеты действительно подсасывает, если ее плотно завинтить, но сейчас не до того. Я пытаюсь закрыть кассету, придавленную Юриным животом.

— Глаза б мои на тебя не смотрели, — ворчу я.

Кассета закрыта. Юре сейчас, наверное, утопиться легче, чем смотреть нам в глаза. Он и не оправдывается. Глаза виноватые. Жалко его. И себя жалко, хуже нет... переснимать. Злость проходит. Все смотрят в землю. Молча думаем.

— Надо сегодня же самолетом в прояску. Вообще-то мотает плотно, а на конце крупные планы пультов, черт с ними, лишь бы основной сохранился, — говорю я.

Гриша кряхтит.

— Я больше не пойду к Королеву! — говорит он. — Совести не хватит.

— Ну ладно, ладно... давайте отправлять. Потом увидим, что делать. И чтобы позвонили, как и что, и чтоб материал срочно был, желательно посмотреть его на экране.

Дамоклов меч пересъемки повис над группой. Развив бешеную деятельность, через полтора часа отправляем материал в Москву с попутным самолетом. Сами готовимся к отъезду. Все стали какие-то тихие, пришибленные. Пропали смех и шутки. Косенко ходит мрачный. Все молчат.

В самолете генерала Каманина мы летим в город на Волге, куда после приземления корабля «Восток» прилетит для короткого доклада и отдыха майор Юрий Алексеевич Гагарин. Сидя в мягком кресле, я перезаряжаю кассеты своего «Конвас-автомата». Радист самолета настроился на Москву. В эфире сильные помехи. Ревут моторы самолета.

Сложна натура человеческая... Ведь только что снимал самое важное — на космодроме, а все же сразу захотелось

быть и на месте приземления, где сейчас работают мои товарищи, и в Москве...

Вот и Куйбышев. Короткая стремительная поездка по городу, и мы на месте. Крутой берег Волги. Синее-синее апрельское небо. По дорожке, проложенной у небольшого загородного дома на самом берегу реки, идет молодой усталый, но такой счастливый человек.

Ждем звонка из Москвы. А там сейчас сантиметр за сантиметром ползет в проявочной машине злополучный ролик пленки с эпизодом в бункере. И дело не в том, что мы чего-то боимся, просто жаль выстраданного эпизода, жаль затраченного времени... Лаборатория, конечно, делает все, что можно. Сейчас, наверное, уже смотрят позитив на экране, а может,— это делается очень редко — смотрят на экране и негатив. Может быть, придется делать на трюк-машине выпечатку кадров.

Телефонограмма из Москвы. Бежим получать. Бежим все. Читаю: «Засветки по самому краю. ОТК пропускает все, кроме пяти последних крупных планов с пультами. Желаем удачи. Ни фокуса, ни экспозиции».

...Сейчас перерыв в докладе Гагарина для госкомиссии. В просторном холле дачи, где будет жить Гагарин до отлета в Москву, идет первая пресс-конференция. Корреспонденты задают бесчисленные вопросы. А спрашивать сегодня есть о чем. Заполняются страницы блокнотов. Фотокорреспонденты в поисках точек то громоздятся на столы и стулья, то ползают где-то внизу и снимают. Сверкают молнии блицев.

Оставив Гагарина в надежных руках Володи Афанасьева, Игоря Касаткина и Маха Рафикова, я улетел в Москву. Наскоро побрившись, но даже не переодевшись, я явился по начальству. Михаил Васильевич Тихонов сразу меня принял. Мой доклад ему занял всего несколько минут, после чего он сказал, совсем как Гагарин:

— Поехали!

— Куда?

— Поехали, поехали...

Мы едем по Москве. Хотя Гагарин еще и не прилетел, Москва праздничная, бурлит, никак не утихнет водоворот страстей, поднятый космическим полетом. Слышны и первые космические песни и частушки.

Из студии начали уходить машины с людьми. Мои коллеги разъезжаются по своим съемочным точкам, расположенным по всей трассе — от Внуковского аэродрома до самого Кремля. Одни поедут во Внуково, другие заберутся на балконы и крыши высоких домов, расположенных по всей трассе, третьи займут места на тротуарах Ленинского проспекта. И так везде до самого Кремля — на улице Горького, на здании Исторического музея, на Красной площади, в Кремле. Все точки расписаны, все операторы на своих местах, и все ждут...

Сегодня в Москву прилетает Гагарин! У нас будет много работы. Занимаем свои места в открытых операторских «ЗИЛах»: я и Асланбек Каиров. На наших машинах пропуска с надписью: «Проезд всюду, кроме Красной площади». В Кремль у меня другой пропуск. За нашим белым «ЗИЛом» идет черный. С него будут снимать операторы, прилетевшие в Москву с Гагариным. Свежеватое утро в открытой машине, жмемся друг к другу. Сегодня съемочные группы будут работать не только в Москве, но и в других городах, на крупных стройках, в колхозах и в крупнейших городах мира.

Над Москвой показался «Ил-18». Его сопровождает несколько истребителей. Совсем недавно в такой машине летал и Гагарин. А теперь товарищи-летчики оказывают ему высшую степень почета. Их машины идут рядом, как привязанные. Посадка. «Ил» подруливает к зданию аэровокзала. Высокие вышки, специально поставленные для работников кино, телевидения и прессы, буквально забиты людьми, так же как и аэропорт и прилегающие к нему районы. По красной ковровой дорожке, ведущей от самого трана приземлившегося самолета к правительственной

трибуне, уверенно идет Юрий Гагарин. Вот он покосился на развязавшийся на ботинке шнурок, взглянул на правительственную трибуну и еще четче, с невозмутимым видом заработал руками в такт встречному маршу. Его рука взлетает к козырьку фуражки.

— Правительственное задание выполнено!

Из ворот аэродрома выезжает украшенная цветами машина, за ней вторая, третья... Правительственные машины сопровождает почетный эскорт мотоциклистов. Проехал и наш черный «ЗИЛ» с Афанасьевым, Касаткиным, Рафиковым и другими операторами. За правительственными машинами едет дишкорпус. Трещут разноцветные флажки всех стран мира. Мы с Каириковым снимаем этот выезд от самых ворот аэродрома. Пора трогаться, а нас отсеки. Не пускают. Сзади за дипломатами во всю ширь шоссе еще одна цепь мотоциклистов. Догоняем ее, пытаемся пробиться вперед -- не пускают. Заезжаем с другой стороны — бесполезно. К дороге сошлись люди. Они дружно приветствуют головную машину с Гагариным. Маленькие ребята из детского садика машут красными флажками. Этот день они запомнят навсегда, как мы в свое время запомнили приезд Чкалова. Народ встречает своего героя. Вдали показались белые дома Москвы. Широкий Ленинский проспект забит народом. Для торжественного поезда оставлена лишь одна сторона. Балконы усеяны людьми. Люди на крышах. Вездесущие мальчишки облепили фонарные столбы, влезли на крыши стоящих автобусов, троллейбусов и трамваев. А здесь привилегия мальчишек лазить по верхотуре явно нарушена — на крыше газетного киоска сидят девочки. Глупо плестись в хвосте за спинами мотоциклистов, хотя, конечно, наши товарищи снимут все, но наше задание никто не отменял, и потом, не даром у нас белый «ЗИЛ». Впереди перекресток. Кричим:

— Дядя Коля! Давай!

И дядя Коля Боровиков — наш водитель, как говорится, показал класс. Параллельными улицами по забитой

транспортом и пешеходами Москве мы, обогнав торжественный поезд, выехали на Калужскую площадь. И опять на нашем пути стена, стена людей. Как нам пробиться через эту громаду, через этот спаянный людской монолит? Непрерывно сигналив, наша машина ползет через толпу. Машины с членами правительства уже видны, они неумолимо приближаются. Люди расступились. Казалось бы, все. Но нет! Наша машина тянет за собой толстенный канат. Он зацепился за что-то под нашей машиной. Вот в такие-то моменты и рождаются инфаркты. Асланбек Каиров что-то кричит на своем родном осетинском языке. Дядя Коля, мокрый как мышь, тихо подает машину назад, потом вперед. Вырвались! Благодаря Боровикову наша машина плавно вписывается с левой стороны кортежа, как будто бы так и было задумано. Дальше наша забота, мы опять снимаем. Краем глаза вижу другой наш «ЗИЛ», там не до нас, они так и не поняли, где мы были, что мы делали, они работают. Притерлись вплотную к машине с Гагариным. Юра сработал и на нас, повернулся, улыбается, машет нам руками. Чуть приотстали — в окне машины Климент Ефремович! Ворошилов тоже машет нам рукой. А из другой машины жест далеко не дружеский, видимо, видели наш «прорыв», погрозили пальцем.

К Боровицким воротам мы подъехали первыми и остановились у них, пропуская мимо себя машину за машиной. Когда торжественная процессия скрылась, мы развернулись и поспешили на очередную точку к гостинице «Москва».

Давно объявлено об окончании демонстрации, а люди не расходятся. Наш «ЗИЛ» застрял в людском водовороте. Он со всех сторон зажат людьми и не может сдвинуться с места. Мне надо в Кремль, Каирову в лабораторию — отвезти в проявку снятую пленку. Умоляем милиционеров-мотоциклистов вызволить нас. Едем за ними тротуарами улицы Горького. Люди нехотя расступаются, шутят, поют. Скандируют: «Га-га-рин! Га-га-рин!» Народ готов идти через Красную площадь всю ночь.

Мы поворачиваем назад и опять тротуарами выбираемся к улице Герцена. Переулками кое-как добираемся наконец до Боровицких ворот. Я немного опоздал. Прощаюсь с Каириным и Боровиковым, отпускаю машину и иду в Кремль. Только что отгремели фанфары, встретившие Гагарина в Кремле. Мои товарищи работают. Большой Георгиевский зал Кремля. Юрия Гагарина награждают Золотой Звездой Героя. Иду посмотреть: а как же здесь все происходит? Здесь руководители Коммунистической партии и Советского правительства, знатные люди и гости столицы, приглашенные на прием, здесь же дипломатический корпус. В соседнем зале вижу знакомые лица, будто и не улетал из Байконура: летчики, ученые, конструкторы, двигателисты, будущие космонавты. В одном из залов обосновались старые большевики; здорово они поют, и песни хорошие: «Взвейтесь кострами...», «Наш паровоз...»

В студию на просмотр материала приехал Гагарин. Тяжеловато ему под бременем славы. Куда ни придет, только и смотри, чтоб не помяли. После просмотра идут дебаты: вставлять или не вставлять эпизод со шнурком? По-моему, здесь никакой проблемы нет, вставлять, ведь было же. Вот и Гагарин сказал:

— Конечно, оставить! Пусть будет уроком мне и другим.

На экране можно увидеть все, даже то, чего и не очень хочется. Вот и я увидел, что уже не юноша, а на голове проглядывается лысина — загорелая такая, размером с розетку из-под варенья. Это Миша Бесчетнов снял с самого верха ракеты. В кадре автобус, из него выходит Гагарин и направляется рапортовать госкомиссии, а я пячусь перед ним, снимая на ходу...

Беспреданно звонит телефон. Не подходим. Все похудели и осунулись. Наконец рабочая копия готова. Срочно переводим все на одну пленку и везем показывать начальству. Замечаний мало. Делаем исправления, скоро

премьера. Как примут фильм? В титрах мой псевдоним В. Потапов, так что я един в двух лицах.

Звонили от Сергея Павловича: пора выезжать по новому фильму. Собственно говоря, мы и не прекращали съемок.

7 июля 1961 года. Москва. Московский Дом кино на улице Воровского. Сегодня здесь премьера нашего фильма «Первый рейс к звездам». На улице перед входом толпа.

— Лишнего билетика нет?

С трудом продираемся к входу.

На премьеру приехали космонавты и С. П. Королев со своими конструкторами, инженерами, монтажниками. Много и смежников. В зале кинематографисты из всех студий Москвы. Зрители особенные, их не очень-то удивишь, но и они притихли. Конечно, мы волнуемся, это для нас как экзамен.

На экране крупно верхняя часть ракеты с кораблем-спутником «Восток». Люк спутника закрыт. Там, за ним, Гагарин. Спутник смотрит своим люком прямо в зрительный зал. Заработали двигатели, корабль задрожал, с него посыпался иней. На корпусе ракеты блики от работающих двигателей. Медленно, словно просыпаясь от сна, ракета вздрогнула и пошла вверх... Гром аплодисментов перекрывает все! Значит, не зря старались. Спасибо вам, ребята! Тебе, Коля Ильичев, и тебе, Гена Анохин, и тебе, Миша Бесчетнов, тебе, Юра Панкратов, и тебе, Коля Аипов! Вот и сработали наши выносные!

Поднесенные мне красные гвоздики я отдал матери и жене.

«ПОЕХАЛИ!»

Из стенограммы полета

12 апреля 1961 года. Космодром Байконур. Юрий Гагарин занял место в кресле космического корабля «Восток». Позади минуты прощания, закрыт люк, отделивший первого космонавта планеты от тех, кто остается на Земле. Теперь его с ними связывает только радио. «Заря» — позывной Земли. С Гагариным будут говорить Главный конструктор С. П. Королев, Н. П. Каманин, И. Р. Попович. Оставалось два часа, когда Гагарин произнесет свое знаменитое «Поехали!».

7 час. 12 мин.

ГАГАРИН. Как слышите меня?
«ЗАРЯ». Слышу хорошо. Приступайте к проверке скафандра. Как поняли меня?

ГАГАРИН. Вас понял — приступать к проверке скафандра. Через три минуты. Сейчас занят.

«ЗАРЯ». Вас понял.

ГАГАРИН. Проверку скафандра закончил.

«ЗАРЯ». Вас понял. Проверьте УКВ связь.

ГАГАРИН. Как меня слышите? (Передано на фоне музыки.)

«ЗАРЯ». Слышу вас отлично. Как меня слышите?

ГАГАРИН. Вас не понял. Выключите, пожалуйста, музыку, если можно.

7 час. 28 мин.

«ЗАРЯ». Вас понял, сейчас. Слышу вас отлично. Как чувствуете себя, Юрий Алексеевич?

ГАГАРИН. Чувствую себя превосходно. Проверка телефонов и динамиков прошла нормально, перехожу на телефон.

«ЗАРЯ». Понял вас. Дела у нас идут нормально, машина готовится нормально, все хорошо.

ГАГАРИН. Понял. Я так и знал. Проверку связи закончил. Как поняли? Исходное положение тумблеров на пульте управления заданное.

7 час. 34 мин.

«ЗАРЯ». Понял вас отлично. Данные ваши все принял, подтверждаю. Готовность к старту принял. У нас все идет нормально. Шесть минуток будет, так сказать, всяких дел... Юра, как дела?

ГАГАРИН. Как учили (смех).

«ЗАРЯ». Ну добро, добро, давай. Ты понял, кто с тобой говорит?

ГАГАРИН. Вас понял. У меня тоже все идет хорошо, самочувствие хорошее.

7 час. 54 мин.

«ЗАРЯ». Юра, тебе привет коллективный от всех ребят. Сейчас был у них. Как понял?

ГАГАРИН. Понял вас. Большое спасибо. Передайте им самый горячий от меня.

«ЗАРЯ». Добро. Подготовка изделия идет нормально. Все отлично, Юра.

ГАГАРИН. Понял. Подготовка изделия нормально. У меня тоже. Самочувствие и настроение нормальное. К старту готов.

«ЗАРЯ». Юрий Алексеевич, как слышите меня?

ГАГАРИН. Слышу вас хорошо, знаю, с кем разговариваю.

«ЗАРЯ». Юрий Алексеевич, я хочу вам напомнить, что я не буду давать слово «секунды», а просто давать цифры...

ГАГАРИН. Понял, так я и думал.

«ЗАРЯ». Хорошо.

ГАГАРИН. Прошу «Двадцатого» на связь.

«ЗАРЯ». «Двадцатый» на связи.

ГАГАРИН. Прошу при надежной связи на активном участке сообщить время.

«ЗАРЯ». Понял вас, понял, ваша просьба будет выполнена, Юрий Алексеевич.

8 час. 00 мин.

«ЗАРЯ». Объявлена готовность часовая. Продолжайте осмотр оборудования. Как поняли?

ГАГАРИН. Вас понял. Объявлена часовая готовность. Все нормально,

самочувствие хорошее, настроение бодрое, к старту готов.

«ЗАРЯ». Проверяю связь. Как слышите?

ГАГАРИН. Вас слышу хорошо. Как меня?

«ЗАРЯ». Вас слышу отлично.

8 час. 10 мин.

«ЗАРЯ». Объявлена пятидесятиминутная готовность.

ГАГАРИН. Вас понял: объявлена пятидесятиминутная готовность. У меня все хорошо. Самочувствие хорошее, настроение бодрое.

8 час. 13 мин.

«ЗАРЯ». Ну, очень хорошо. Только что справлялись из Москвы о вашем самочувствии. Мы туда передали, что все нормально.

ГАГАРИН. Понял вас.

8 час. 14 мин.

«ЗАРЯ». Юра, ну, не скучаешь там?

ГАГАРИН. Если есть музыка, можно немножко пустить.

«ЗАРЯ». Одну минутку...

8 час. 17 мин.

«ЗАРЯ». Ну как, музыку дали вам?

ГАГАРИН. Пока не дали.

«ЗАРЯ». Понятно, это же музыканты: пока туда, пока сюда, не так-то быстро дело делается, как сказка сказывается, Юрий Алексеевич.

ГАГАРИН. Дали про любовь.

«ЗАРЯ». Дали музыку про любовь? Это толково, Юрий Алексеевич.

8 час. 20 мин.

«ЗАРЯ». Ребята все довольны очень

тем, что у тебя все хорошо и все нормально. Понял?

ГАГАРИН. Понял, сердечный привет им.

«ЗАРЯ». Герметичность проверена — все в норме, в полном порядке. Как поняли?

ГАГАРИН. Вас понял, герметичность в порядке. Слышу и наблюдаю: герметичность проверили.

«ЗАРЯ». Смотрели сейчас вас по телевидению — все нормально, вид ваш порадовал нас — бодрый. Как слышите меня?

ГАГАРИН. Вас слышу хорошо. Самочувствие хорошее, настроение бодрое, к старту готов.

«ЗАРЯ». Юра, ну сейчас не скучно?

ГАГАРИН. Хорошо, про любовь там поют.

«ЗАРЯ». Ну как дела, Юра? У нас все нормально, идет подготовка. Здесь хорошо идет, без всяких запинок, без всего. Ребята сейчас едут на «Зарю».

ГАГАРИН. Вас понял. У меня тоже все хорошо. Спокоен, самочувствие хорошее. Привет ребятам. Все время чувствую их хорошую дружескую поддержку. Они вместе со мной.

8 час. 32 мин.

«ЗАРЯ». Юра, тебе тоже тут все желают хорошего, все подходят и говорят, чтобы передать тебе счастливого пути. Все понял? Всего хорошего. Все желают тебе только добра. •

ГАГАРИН. Понял. Большое спасибо, сердечное спасибо.

«ЗАРЯ». Вашим здоровьем и самочувствием интересовались товарищи из Москвы. Передали, что вы себя хорошо чувствуете и, значит, готовы к дальнейшим делам.

ГАГАРИН. Доложили правильно. Самочувствие хорошее, настроение бодрое, к дальнейшей работе готов.

«ЗАРЯ». Займите исходное положение для регистрации физиологических функций.

ГАГАРИН. Исходное положение для регистрации физиологических функций занял.

«ЗАРЯ». Ну вот, все нормально: все идет по графику, на машине все идет хорошо.

ГАГАРИН. Как, по данным медицины,— сердце бьется?

«ЗАРЯ». Вас слышу отлично. Пульс у вас шестьдесят четыре, дыхание двадцать четыре. Все идет нормально.

ГАГАРИН. Понял. Значит, сердце бьется.

«ЗАРЯ». Пятнадцатиминутная готовность.

ГАГАРИН. Вас понял: пятнадцатиминутная готовность.

«ЗАРЯ». Объявлена десятиминутная готовность. Как у вас гермошлем,

закрыт? Закройте гермошлем, доложите.

ГАГАРИН. Вас понял: объявлена десятиминутная готовность. Гермошлем закрыт. Все нормально, самочувствие хорошее, к старту готов.

«ЗАРЯ». Готовность пять минут.

ГАГАРИН. Вас понял: объявлена пятиминутная готовность.

«ЗАРЯ». Все идет нормально. Займите исходное положение для регистрации физиологических функций.

ГАГАРИН. Вас понял. Все идет нормально, занять исходное положение для регистрации физиологических функций. Положение занял.

9 час. 02 мин.

«ЗАРЯ». Минутная готовность. Как вы слышите?

ГАГАРИН. Вас понял: минутная готовность. Занял исходное положение.

«ЗАРЯ». Понял вас.

ГАГАРИН. Понял вас. Настроение бодрое, самочувствие хорошее, к старту готов.

«ЗАРЯ». Отлично.

9 час. 07 мин.

«ЗАРЯ». ПОДЪЕМ!

ГАГАРИН. ПОЕХАЛИ!

Стрелки часов показывали 9 часов 7 минут по московскому времени. Начался исторический рейс к звездам.

9 час. 08 мин.

«ЗАРЯ». Прошло семьдесят секунд после взлета.

ГАГАРИН. Понял вас: семьдесят. Самочувствие отличное. Продолжаю полет. Растут перегрузки. Все хорошо.

«ЗАРЯ». Как себя чувствуете?

ГАГАРИН. Самочувствие хорошее, как у вас?

«ЗАРЯ». Все нормально.

Прошел сброс головного обтекателя. И вот «Восток» на орбите.

ГАГАРИН. Наблюдаю облака над Землей, мелкие, кучевые и тени от них. Красиво. Красота-то какая! Как слышите?

«ЗАРЯ». Слышим вас отлично. Продолжайте полет.

ГАГАРИН. Полет продолжается хорошо. Медленное вращение, все переносится хорошо, самочувствие отличное. В иллюминаторе наблюдаю Землю: все больше закрывается облаками.

«ЗАРЯ». Все идет нормально. Вас поняли, слышим отлично.

ГАГАРИН. Слышу вас отлично. Самочувствие отличное. Полет продолжается хорошо. Наблюдаю Землю, видимость хорошая: различать, видеть можно все. Некоторое пространство покрыто кучевой облачностью. Полет продолжается, все нормально.

«ЗАРЯ». Вас поняли, молодец! Связь отлично держите, продолжайте в том же духе.

ГАГАРИН. Все работает отлично, идем дальше.

9 час. 17 мин.

«ЗАРЯ». Как самочувствие?

ГАГАРИН. Самочувствие отличное. Машина работает нормально. В иллюминаторе наблюдаю Землю. Все нормально. Привет. Как поняли меня?

«ЗАРЯ». Вас поняли.

ГАГАРИН. Понял. Знаю, с кем связь имею. Привет.

«ЗАРЯ». Поняли вас.

ГАГАРИН. Полет проходит успешно. Чувство невесомости нормальное. Самочувствие хорошее. Все приборы, вся система работают хорошо. Что можете мне сообщить?

9 час. 48 мин.

ГАГАРИН. Как слышите? Передаю очередное отчетное сообщение: девять часов сорок восемь минут, полет проходит успешно (следуют конкретные данные о работе корабля). Самочувствие хорошее, настроение бодрое.

«ЗАРЯ». Вас поняли.

ГАГАРИН. Включилась солнечная ориентация.

«ЗАРЯ». Полет проходит нормально, орбита расчетная.

ГАГАРИН. Вас понял: полет проходит нормально. Нахожусь в тени Земли.

«ЗАРЯ». Вас поняли!

9 час. 57 мин.

ГАГАРИН. Настроение бодрое, продолжаю полет, нахожусь над Америкой.

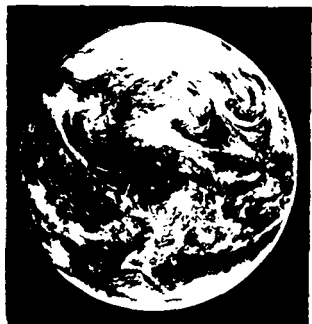
«ЗАРЯ». Вас поняли.

ГАГАРИН. Внимание. Вижу горизонт Земли. Такой красивый ореол! Сначала радуга от самой поверхности Земли, и вниз такая радуга переходит. Очень красиво. Все шло через правый иллюминатор. Вижу звезды через «взор», как проходят звезды. Очень красивое зрелище. Продолжается полет в тени Земли. В правый иллюминатор сейчас наблюдаю звезду. Она так проходит слева направо по иллюминатору. Ушла звездочка. Уходит, уходит...

ГАГАРИН. Внимание, внимание. Вышел из тени Земли. Через «взор» видно, как появилось Солнце. Работает солнечная система ориентации.

ГАГАРИН. Вот сейчас во «взоре» наблюдаю Землю. Наблюдаю Землю. Пролетаю над морем. Сейчас я примерно двигаюсь правым боком. Несколько облачностью закрыто. ГАГАРИН. Полет проходит успешно. Самочувствие отличное. Все системы работают хорошо. Продолжаю полет...

В 10 часов 55 минут «Восток», облетев земной шар, благополучно опустился в заданном районе на поле колхоза «Ленинский путь», юго-западнее города Энгельса, неподалеку от деревни Смеловка.

СВИДЕТЕЛЬСТВУЕТ ЧЕЛОВЕЧЕСТВО

*Из писем Ю. А. Гагарину **

День 12 апреля, будничный когда-то, празднуется теперь в мире ежегодно, начиная с 1968 года согласно решению 61-й Генеральной конференции Международной авиационной федерации (ФАИ), как Международный день авиации и космонавтики. А имя Гагарина стало его символом.

Попытаемся представить тот всеобщий восторг, который охватил всю планету после полета человека в космос. И пусть помогут нам в этом письма, пришедшие в Москву, Гагарину со всего света, бесценные свидетельства человеческой искренности.

По-разному обращались в письмах к адресату --- «товарищ», «сэр», «синьор», «господин», «уважаемый Юрий Алексеевич»...

В строчках тех писем сердечная благодарность первому социалистическому государству, давшему возможность воплотить в жизнь давнюю мечту людей о полете в космос, восхищение нашей страной, гражданским мужеством космонавта, отважившегося сделать первый шаг к покорению Вселенной.

Мы, старые большевики, с радостью и гордостью за нашу великую Родину, за нашу ленинскую партию, за наше

* Письма подготовили С. М. Егунов, И. В. Кузнецов.

Советское правительство узнали о первом в мире полете в космос советского космонавта, прославленного в веках всем человечеством, коммуниста Юрия Гагарина.

Шлем наше горячее поздравление Центральному Комитету КПСС, Советскому правительству, с величайшим достижением науки, техники, социалистического строя нашей страны.

Гордостью, счастьем и восхищением наполняет наши сердца замечательный подвиг коммуниста Ю. А. Гагарина, проложившего путь в космос.

В. Карпинский, член КПСС с 1898 года; В. Радус-Зенькович, член КПСС с 1898 года; Ф. Воеводин, член КПСС с 1899 года; Е. Стасова, член КПСС с 1898 года; С. Гопнер, член КПСС с 1903 года; М. Бублеев, член КПСС с 1906 года; И. Михеев, член КПСС с 1912 года; Д. Саликов, член КПСС с 1906 года; П. Заславский, член КПСС с 1905 года; И. Панкратов, член КПСС с 1906 года; И. Тихменев, член КПСС с 1907 года; Н. Землякова, член КПСС с 1905 года; М. Родионов, член КПСС с 1917 года; И. Терехин, член КПСС с 1912 года; В. Бублеева, член КПСС с 1915 года; Е. Штернберг, член КПСС с 1905 года; Н. Чейшвили, член КПСС с 1905 года; С. Калинин, член КПСС с 1910 года; Г. Андреев, член КПСС с 1905 года; М. Лотова, член КПСС с 1912 года.

С большим волнением и гордостью мы, ученые Объединенного института ядерных исследований, узнали о беспримерном, первом в мире полете человека в космос. Мы бесконечно счастливы, что этим человеком является гражданин Советского Союза Гагарин Юрий Алексеевич. Просим передать наши искренние поздравления первому космонавту и пожелать ему здоровья и новых больших успехов.

*Блохинцев, Боголюбов,
Векслер, Джелепов,
Флеров, Франк.*

Всю свою жизнь я посвятил авиации. Хорошо помню, как начинали мы создавать отечественные самолеты, как потом наши славные соколы завоевывали первенство в воздухе. Могучие крылья выросли у Родины за советские годы!

И вот теперь новый, такой блистательный подвиг! Гражданин СССР -- летчик майор Гагарин стал первым в мире космонавтом. Дерзновенная мечта превратилась в действительность. Эта весть гордостью наполняет сердце каждого советского человека. Какой большой путь должна была пройти наша страна, какую могучую промышленность она должна была создать, чтобы сегодня стал реальностью полет человека в космическое пространство!

Честь и слава советским ученым, конструкторам, рабочим, создавшим могучую ракету, при помощи которой выведен на орбиту первый в мире корабль-спутник «Восток» с человеком на борту! Честь и слава великой ленинской партии, под руководством которой наша Отчизна завоевывает все новые победы на фронтах науки и труда!

А. И. Туполев,
генеральный конструктор
по авиационной технике,
лауреат Ленинской премии.

Советский человек в космосе! Мы давно ждали этого момента. И вот он наступил. Это историческое событие явилось результатом той огромной заботы Коммунистической партии, Советского правительства, которой окружены у нас люди науки и техники. Все это делается для блага, прогресса человечества.

На корабле-спутнике наш товарищ, летчик майор Юрий Алексеевич Гагарин.

Безусловно, он человек беспримерной храбрости, готовый приложить все усилия, чтобы выполнить задание

партии, задание Родины. Это подлинный герой. Мне, летчику, награжденному Золотой Звездой Героя Советского Союза № 1, хочется от всей души, от всего сердца приветствовать пилота-космонавта.

Майор Ю. А. Гагарин продолжает славные исторические традиции советских пилотов, отличившихся в довоенные годы, в период Отечественной войны и теперь, в мирные дни. Это очень радостно, очень волнующе!

А. В. Ляпидевский,
генерал-майор авиации,
Герой Советского Союза.

Хочу выразить свое глубокое уважение подлинному герою майору Гагарину и тем ученым, благодаря достижениям которых оказалось возможным совершить этот выдающийся полет. Пусть этот успех в овладении космическим пространством будет способствовать более глубокому значению мира во всей Вселенной, что можно было ясно прочесть в глазах космонавта после его возвращения.

Джордж Линн,
США, Калифорния.

В честь Вашего подвига коллектив назвал Вашим именем строящееся на нашем заводе океанское сухогрузное судно водоизмещением 22 тыс. тонн, и просим Вас посетить завод в день спуска турбохода «Юрий Гагарин». Взяли повышенные обязательства построить и сдать судно в эксплуатацию досрочно.

Работники Херсонского
судостроительного завода.

Горжусь нашей партией, нашей наукой! Слава вам, наши дети, несущие вперед знамя мира! Слава тебе в веках, майор Гагарин!

Участник трех революций
и штурма Зимнего дворца *Гончаров.*

Дорогой Гагарин!

Коллектив редакции газеты «Балканско знаме» города Габрова сердечно поздравляет Вас с подвигом, который совершили. Вы первый космонавт в мире. Мы все гордимся Вашим успехом, потому что уверены, что он служит делу мира, счастью людей. Только Ваша страна могла достичь такого изумительного успеха.

Болгария.

Поздравляю Вас по случаю беспримерного подвига. Восхищаюсь и поздравляю советских ученых и техников. А за обещание, что это достижение будет служить только миру, интересам всего человечества, пусть Вам будут признательны все женщины.

Лили Вишнер-Ульхер,
ФРГ, Юриберг.

Ю. Гагарину!

Хочу отрекомендоваться Вам: я — индонезиец, меня зовут Гассан. Мне 61 год, и я старший преподаватель на курсах английского языка в Тазикмалайе.

Я всегда с удовольствием читаю и слышу о Вас и Ваших друзьях-космонавтах, прославившихся на весь мир и прославивших свою страну. Все мы желаем Вам и Вашим соотечественникам всего наилучшего и неизменной удачи.

У меня три внука, и они все время спрашивают у меня о Вас. Ваши имена, вся Ваша страна у всех сейчас на устах. А русский язык становится весьма популярным во всем мире. Неудивительно, ибо на этом языке говорил космос, на нем говорят люди Вашей замечательной страны.

Приходится сожалеть, что я не знаю этого языка и не могу учить ему юных индонезийцев.

Искренне Ваш *Гассан*.

Товарищу Юрию Алексеевичу Гагарину!

Я вынужден был проехать 300 километров и направиться в соседнюю страну — Францию, чтобы получить возможность отправить тебе это письмо с поздравлениями... Я выражаю самые лучшие пожелания и надежду на то, что полет первого в мире космонавта займет достойное место среди научных достижений, которых добились вы, коммунисты, в деле завоевания космоса...

Испанский народ, томящийся под игом тирана Франко, от всего сердца приветствует все великие свершения вашей страны, воплотившей в себе все чаяния трудящихся и играющей авангардную роль в развитии всего человечества. И эти достижения, которые вызывают чувства радости и гордости у людей Советского Союза, в равной степени радуют нас, наполняют глубокой верой в светлое будущее, несмотря на угнетение и нищету, которые претерпевает испанский народ.

Я уверен, товарищ Юрий, что если бы все испанские рабочие имели такую возможность, которой воспользовался я, уехав из Испании, то ты получил бы 10 000 000 таких писем, так как и ремесленники, и студенты, и простые, и квалифицированные рабочие все, кто живет на мизерное жалованье, направили бы тебе свои поздравления, исходящие от всего сердца.

Мы с большим удовлетворением еще больше будем крепить наши ряды в надежде на завтрашний день!

Да здравствует Коммунистическая партия!

Да здравствует СССР!

М. П. С.
Испания, Лерида.

Дорогой товарищ!

Я приветствую твой подвиг и посылаю тебе мои поздравления. Ты осуществил мечту миллионов людей, ты доказал силу и мощь социализма перед капитализмом. Ты был первым посланцем Земли на такой высоте. 12 апреля я встретил товарищей по партии. Я их поздравил, и они меня поздравили, ибо победа советского коммуниста также и наша победа, французских коммунистов. Я поздравляю также ученых и рабочих и всех тех, кто способствовал этой большой победе.

Дорогой товарищ, прими от французского коммуниста братские объятия за твой подвиг и твоё мужество. Да здравствует Коммунистическая партия.

Да здравствует первый космонавт.

Л. Ламбель, Париж.

Преклоняюсь перед Вашим мужеством, возвеличившим Родину.

Коломниченко, участница Великой Октябрьской социалистической революции, г. Севастополь.

Дорогой Юрий Алексеевич!

Много Вы получаете писем с поздравлениями за свой полет вокруг «шарика», но, я уверен, что у Вас нет ни одного письма, написанного человеком, у которого нет рук. Именно таким человеком являюсь я. У меня нет обеих кистей рук. К тому же у меня нет и обеих ног, но зато я имею 14 ран на теле и сильное желание жить.

Свою инвалидность я получил, защищая Родину от фашизма. В 1942 году, зимой, на полях Волгоградской области 17 декабря я в последний раз пошел в бой на своих ногах, держа винтовку в руках. И вот сейчас я инвалид, но это письмо пишу сам, без чьей-либо помощи, пишу Вам, открывшему новую эру, эпоху полетов в космос.

Спасибо Вам, прославившему нашу Родину навечно! Такое не забывается — это история и наша слава!

Спасибо Вашим родителям, воспитавшим такого героя. Спасибо Вашей жене, поддержавшей Вас в столь трудном деле.

Коротко о себе. После войны был депутатом райсовета в Перми, работал старшим счетоводом в собесе. Своим трудом приносил пользу Родине. В 1957 году мне присвоили звание персонального пенсионера РСФСР, имею хорошую квартиру с газом, горячей водой, отоплением и телефоном. Все есть у меня. Все! Ведь живу я в Стране Советов.

Антон Иванович Пустозеров.

ДЕТСТВО СЫНА

А. Т. ГАГАРИНА

Дети наши — Валентин, Зоя, Юра, Борис — родились в деревне. Сами мы с мужем моим Алексеем Ивановичем знали только крестьянский труд, и все-таки, думается, правильнее считать нашу семью рабоче-крестьянской. Потому что жили в ней традиции и крестьянские и рабочие, что пошли от семьи моего отца Тимофея Матвеевича Матвеева — рабочего Путиловского завода. Сам он родом был из смоленского села Шахматово, но с малолетства ушел в Петербург, работал на заводах. Женился на девушке из своей деревни — Анне Егоровне.

Муж мой — Алексей Иванович Гагарин — был родом из соседнего села Клушина, рос он восьмым ребенком в крестьянской бедняцкой семье. Начинали мы, как сейчас говорят, «с нуля»: домик, где жил Алеша со своей матерью Анастасией Степановной, был старенький, живности в хозяйстве не было. Но муж успокоил меня:

— Руки у нас с тобой, Нюра, работающие, голова на плечах есть, да и любим друг друга. Остальное — наживем. Не унывай!

Да, нелегко, но радостно работалось нам с Алешей. Усталости не замечали. Да и проходила она скоро. А хозяйство росло. Поженились — был только земельный надел да дом, а к 1933 году, ко времени создания колхоза, были у нас уже корова, лошадь, несколько поросят и овец,

гуси да куры. В колхоз пришли не с пустыми руками. Решили работать сообща, жить по-новому.

Наш первый дом строили мы, когда уже стали колхозниками. Раньше бы про такую стройку сказали, что строили всем миром, теперь говорили по-новому: строим всем колхозом.

Дом вышел хорошим, ладным. Все предусмотрел в нем Алеша: была застекленная терраска, под полом в сенях погреб. Первой в избе была кухня, тут и готовили, и ели. Русскую печь Алексей Иванович сложил так, что она во все комнаты выходила, зал, спальню своими теплыми боками обогревала. По зимам ставил еще временную маленькую печурку.

Как-то Юра, уже большим, спросил:

-- Мама! Чем у нас в доме так здорово пахло? Никогда большие такого запаха не встречал. Ты что-нибудь клала в избе?

Я посмеялась:

Ничего не клала. Чистой смолой он пахнул. Новый был.

...Валя появился на свет 30 июля 1925 года. Не меньше радости принесло рождение Зои.

Уезжали в поле, ребят забирали с собой. Были они привычные к этому. Побольше стали — за взрослыми тянулись, работали — то за водой сбегают, то сами навес к обеду соорудят.

В начале марта 1934 года отвез меня Алексей Иванович в родильный дом в Гжатск, а там пошутили:

— Ну, раз к женскому дню ждем, значит, будет девочка.

Но прошел день Восьмого марта, наступила ночь. Я-то ждала сыночка, даже имя ему заранее определили — Юрочка. Вот он и родился.

Через два года с небольшим, в июне тридцать шестого, родился и последний наш мальчик — Борис. Вот и вся наша семья.

...Однажды во время моего выступления перед родителями в школе пришла записка: «Расскажите подробнее, как строился ваш день, какое время вы уделяли воспитанию детей?» Прочитала, даже растерялась. Какое время уделяла? Не было такого отведенного часа. Что ж, думаю, выходит, мы детей и не воспитывали вовсе? Подумала-подумала и ответила: «По-моему, надо жить и работать так, чтобы дети гордились родителями. Это и будет главное воспитание. Выходит, все время ребятишек мы воспитываем».

...Вспоминаю нашу молодую жизнь. Мы с Алексеем Ивановичем заняты были так, что летом ни единой свободной минутки не было. А дети выросли хорошими, работающими да добрыми, отзывчивыми да внимательными.

Что же, само это, что ли, пришло? Думаю, что многое зависит от родителей. Вовсе не нужно следом за ребенком ходить и все ему подсказывать, поправлять да направлять. Так никакого времени у родителей не хватит. Ребенку такой опекун тоже быстро надоест. Другое дело, если ты сам ребенку своей жизнью, своими делами пример показываешь.

Алексей Иванович все своими руками сделал: буфет, стол, диванчик, качку, детскую кроватку. Дом сам строил, печь сам клал. Валенки подшить или ботиночки починить — тоже его работа была. Сколько ремонта дом требует, чтобы всегда был в порядке!

Думается, что и ребята наши, видя, что родители старательно работают, тоже тянулись за нами дружно. Каждый из них свою работу знал.

Валентин подрост — за ним было угнать скотину в стадо, а потом вместе с отцом плотничал, починкой дома занимался. Зоя маленьких нянчила, помогала по хозяйству. Даже большая субботняя стирка нам с ней была не в тягость. Младшие пасли гусей, огород пололи и поливали, в доме прибирали.

Зоя тоже постепенно в хозяйство входила. Вначале

немудрящес только могла приготовить, потом сама хлеб ставила, каравай выпекала, а это -- каждая хозяйка знает -- нелегкое дело. Так же и со стиркой, уборкой. Поначалу она как следует Юру целенать не могла, но времени немного прошло, стала Зоя такой умелой нянечкой, что я с легкой душой на нее малышей оставляла. Переоденет, накормит, спать уложит.

Юра и Борис ее слушались, выполняли, что она скажет. Младшие очень любили свою сестру. Мне кажется, они чувствовали — на девочке лежит большая забота — и потому старались ей помочь.

Как легко, приятно было возвращаться домой по вечерам! Придешь с Алексеем Ивановичем в избу, а дом убран, печка протоплена, обед сварен, ребятишки нас ждут: сидят за столом довольные, гордые, что все к нашему приходу успели.

Как складываются традиции? Из слов и дел. Надо, чтобы слово с делом не расходилось, чтобы оно вперед дела не убегало.

Мы были зачинателями колхозов, коллективного хозяйства, коллективной жизни.

Целым событием было, когда в колхоз пришел первый колесный трактор. Он остановился в самом центре Клушина, на скрещении двух деревенских улиц. Его окружили люди, все пришли как на праздник.

Скоро в село провели радио. Вначале в каждом доме были наушники. Послушать этот нехитрый прибор становились в очередь. Было любопытно, что в стране нашей, в мире происходит!

Наушники донесли до нас новости о челюскинцах, тревогу за их судьбу. Мы следили с замиранием сердца за борьбой героического экипажа, а потом с облегчением обсуждали, как спасали людей. Тогда впервые были произнесены слова: Герой Советского Союза.

На смену наушникам пришли репродукторы, похожие на картонные тарелки, а нам тогда казалось, что они

украшают дом. Через них мы узнавали о героическом труде Стаханова, Кривопоса, Пашки Ангелиной, Марии Демченко, о четверке папанинцев, о мужестве героев-летчиков Чкалова, Белякова, Байдукера, экипажа Михаила Громова, о смелых летчицах Гризодубовой, Осипенко, Расковой.

Для нас эти имена стали родными и близкими. Их подвиги обсуждались с ребятами особенно подробно.

Ребятишки есть ребятишки. Послушают-послушают да и скажут:

— Я буду, как Чкалов! А я буду, как Стаханов!

Алексей Иванович неизменно вмешивался:

— Ишь, Чкалов! До Валерия Павловича расти да расти! Стаханов... Работать надо на совесть.

В сороковом году, когда приезжала к нам погостить сестра моя Ольга с мужем и дочкой Лидой, в доме оказалось трое малышей: Юре было шесть, Лиде — пять, а Бориске — четыре года.

Придешь с работы, сразу — на скотный двор, тебя уж Зорька дожидается. Тут же малышовая команда с кружками в руках. Юра определенный порядок устанавливает, командует. Говорить он сразу стал чисто, хорошо, слова звонко раздавались:

— Сегодня первой — Лидочке, она помогала корову загонять, не побоялась.

Или:

— Бориска! Вперед! Он с Зоей избу мыл.

Сам последним подходит: старший, командир. Я через плечо гляну, до чего ж они хорошие ребятишки: волосы выгорели до белизны, у Лиды косички в стороны торчат, глаза у всех синеют, светятся.

Прямо в подставленные кружки дою, молоко туго звенит, стараюсь точно в кружку попасть.

Сейчас припоминаю: ну что такого особенного было в этом занятии? Значит, было, если не надоедало, если каждый вечер опять они меня ждали, подставляли кружки,

выслушивали Юрины похвалы да его командирские оценки. Радость была.

...Может, кто-нибудь скажет: приукрашиваю. Конечно, память старается отодвинуть неприятное, особенно, если это касается твоих детей.

Прихожу как-то вечером, а, кроме коровы, на скотном дворе никого нет. Подоила, в избу зашла, смотрю, стоят все трое в углу, носом в стенку уткнулись, лиц не видно, а руки-ноги все в свежих синяках да царапинах.

За столом сидят, ждут меня ужинать Алексей Иванович, Ольга с Николаем да старшие ребяташки, разговор ведет какой-то тихий, скучный.

— Что такое? — спрашиваю. — Что случилось?

Пусть твои молочные телята расскажут.

-- Рассказывайте! — подошла я к ним. Молчат. Тогда Алексей Иванович строгим голосом поясняет:

— Всю поленицу дров раскатали. Мы с тобой да с Валею складывали, складывали, чтобы аккуратно, ровненько да красиво было, а эти — раскатали.

-- Зачем же так? — укорила я ребят.

Юра не выдержал молчания, сказал:

— Дрова, как мотоцикл, трескали.

Я не поддержала:

Мотоцикл... Вредить-то зачем? Одни делают, другие портят. Нехорошо. Кто же теперь дрова соберет да сложит?

— Кто порушил, тот и сложит, --- определил Алексей Иванович и черту подвел: — Наказание получили? Получили. В углу настоялись? Настоялись. Ужин испортили? Испортили. Ладно, выходите. Играть-то надо с умом.

Дня три помогал Валентин младшим складывать поленицу, делал это «по секрету», мы вроде бы и не замечали. В эти дни парное молоко им не полагалось. Не приводил Юра свою команду до тех пор, пока порядок не восстановили.

Чуть исправились — новое приключение. Недалеко от

нашего дома стояла ветряная мельница. Одно время работал на ней колхозным мельником Алексей Иванович. Ребята любили прибегать и смотреть, как зерно заправляют, как тяжелые жернова ходят, как тонкой дымчатой струйкой мука течет.

Как-то услышал Алексей Иванович, что ребяташки очень близко от мельницы возятся. А они, оказывается, захотели на крыльях покататься. Тележку подкатили, примеряются — не достают. Соображают, чего еще подставить. Ну, Алексей Иванович и подставил... Сразу раз и навсегда поняли.

Так что были и шалости, и баловство, все было. Но все-таки ребяташки у нас росли хорошими. Больше радости приносили, чем огорчений.

Очень мы любили своих детей. Все нам с Алешей в их занятиях было интересно. Учеба, дела, разговоры. Да и им с нами было хорошо.

Соберутся они в большой комнате у стола под висячей керосиновой лампой, просят:

— Мама! Книжку почитай.

Я все новые книжки в избе-читальне брала. В Гжатске, когда туда по делам ездила, тоже старалась книжки купить. Потом Зоя стала ребятам читать. Однажды в магазине увидела я «Приключения Тома Сойера». Привезла. За чтением собиралась вся семья. Алексей Иванович просил Зою все дальше и дальше читать. Чтение закончим, а я про свое детство вспоминаю. Потом разговор на нынешний день перейдет.

Сейчас иные матери и отцы на отсутствие времени жалуются, а расспрашивать станешь — поймешь, что они все свободное время у телевизора проводят. А чем ребята заняты, какие у них интересы, с кем дружат — не знают. Да еще скажут: школа воспитывать обязана. Школа-то обязана, но кто и когда с нас, родителей, эту ответственность снял?

Мне всегда хотелось, чтобы ребятам праздники запо-

минались, чтобы дни эти выделялись из ряда других. Всегда хотелось их порадовать.

Постепенно вводили мы ребятшек во взрослую жизнь. Но дети есть дети, им и поиграть надо. Мы это чувствовали. Алексей Иванович, несмотря на то что мужских дел всегда было по дому много, не забывал о ребячьих забавах.

Лыжи он мастерил сам. С ними, случалось, дольше возились, чем с необходимой по хозяйству вещью.

Целый набор санок был у нас на дворе. Большие — хозяйственные, чтобы дрова из лесу возить, поменьше — ребятам с гор кататься.

К весне готовились загодя. Скворечники делали все мужчины нашей семьи. Всем дело находилось. Потом выставят их в ряд — любуются своей работой.

К школьным вечерам старшие готовились как к серьезному занятию. Стихи учили, песни. Скоро Юра стал участвовать в утренниках, хоть школьником еще и не был. Память на стихи у него была цепкая. Раз-два считаешь ему — он уже запомнил.

Юра вообще очень тянулся к книгам. Он даже стал ходить вместе с Зосей в класс. В деревенской школе правила помягче, да и учительница Анастасия Степановна Царькова нашу семью хорошо знала, потому и разрешала Юре находиться в классе. Даже иногда его вызывала, просила стихотворение прочесть.

Читал: «Я хочу, как Водопьянов, быть страны своей пилотом...»

А сколько потом радости было: он настоящий ученик.

В 1940 году Юру послали с группой клушинских школьников на смотр художественной самодеятельности в Гжатск. Уехали они на два дня. Сколько впечатлений у него было от этой поездки-праздника! И дорога на лошадах до города, и ночевка в Доме учителя, и большой торжественный концерт в Доме пионеров. Сопровождала Юру его главная наставница — Зоя. Больше всего поразили его автомобили — «полуторки» и «эмки», которые он увидел впервые.

Петр Алексеевич Филиппов, директор школы, который возил ребят на смотр, сказал, что Юра стихотворение читал очень хорошо, не смущался.

Семья наша была дружная. Каждый думал сначала о близких, потом уж о себе. Мне кажется, что не нужно бояться ласковости. У иных бывает, что и люди неплохие, добрые, но вот манера обращения друг к другу грубоватая. А ведь грубоватость может и в грубость перерасти, и в невыдержанность. Я старалась всегда приласкать ребятшек.

Так мы и жили. Ждали окончания 1940/41 учебного года. Готовились к вечеру в честь первого выпуска школы. Зоя радовала: в свидетельстве об окончании семилетки стояли сплошные «отлично». Получила она его в субботу, 21 июня 1941 года. Строили планы, куда она пойдет учиться дальше.

...Тот воскресный день июня сорок первого ворвался в нашу жизнь, как в жизнь всех советских семей, неожиданно.

Алексей Иванович по колхозным делам был с утра в сельсовете, оттуда пришел почерневшим: война!

Уже в первые дни отправились на фронт наши деревенские парни. Первыми ушли комбайнеры, трактористы, шоферы. Вскоре каждая семья стала семьей фронтовика. Ушел добровольцем на фронт мой младший брат Николай, были мобилизованы муж младшей сестры Ольги, муж старшей — Марии, братья Алексея Ивановича. Сам Алексей Иванович не мог вступить в ряды Красной Армии: еще с младенчества одна нога у него была короче другой. В мирной жизни это не особенно замечалось — Алексей Иванович мастерил себе сам специальную обувь, так что хромота не бросалась в глаза. Но ощущать он ее всегда ощущал: на здоровую ногу падала двойная нагрузка, и Алеша к концу дня уставал сильно. Замечала это только я по особенной тяжести походки, но жаловаться было не в его характере.

То обстоятельство, что не может он стать красноармейцем, очень на Алексея Ивановича подействовало. Всю жизнь он жил и работал, как все. А тут вдруг исключение. Он стал мрачным, угрюмым. В первые дни войны заболел тифом.

Пролежал Алексей Иванович в больнице около двух месяцев, вернулся похудевшим до измождения.

После первоначальной растерянности пришла особенная собранность. Нам, колхозникам, а точнее, колхозницам, нужно было кормить армию. Враг захватил Прибалтику, Украину, Белоруссию.

В то время я работала свинаркой. С фермы ушли на фронт все мужчины. Мы, женщины, работу поделили между собой. Свиноферма у нас в колхозе была знатная, а молодняка в том сорок первом было много. Нужно было сохранить поголовье, выполнить задание по поставкам мяса. Выполнили.

Наступил сентябрь. Старшие мои отучились. Теперь об учебе Зои и речи не шло. Она работала в колхозе. Валентин остался на селе, не пошел в школу, не уехал в Москву на завод, как задумывали. В колхозе каждая пара рабочих рук была на вес золота. Военная пора, забравшая мужчин, требовала работы от подростков.

Но все-таки один школьник у нас был. Хоть тогда учиться ребята начинали с восьми лет, а Юре только шел восьмой, он, мечтавший о школе уже давно, 1 сентября 1941 года отправился в первый класс. Даже в тот военный сентябрь мы постарались все-таки отметить такой день. Я с утра пораньше побежала на ферму, а к восьми была уже дома. Провожали Юру братья, Зоя и я. Он шел гордый, в наглаженной матроске, с Зоиним портфелем, в котором лежал аккуратно обернутый в газету его первый учебник — букварь.

Война не давала о себе забыть ни на минуту. Дни и ночи шли через деревню беженцы. Люди рассказывали, как фашисты уничтожают наши города, села, как

бросают бомбы на мирных граждан. С запада в сторону Москвы пролетали немецкие бомбардировщики.

«От Советского Информбюро...» Вести были страшные. Фашисты двигались к Ленинграду, а потом в сводках замелькали и совсем близкие названия: Ельня, Смоленск.

В село пришли первые «похоронки»...

Слово «мобилизация» вошло в наш деревенский быт. Мы тоже считали себя мобилизованными, потому что работали для фронта.

Однажды мы услышали нарастающий шум мотора. Казалось, что самолет идет прямо на нашу ферму. Все свинарки выскочили во двор. Это был наш, советский самолет, ясно было, что с ним что-то случилось. Летел он так низко, что казалось, вот-вот врежется в землю. Но он все тянул в сторону от построек, а потом упал недалеко от нашей избы. А тут в небе показался еще один краснозвездный самолет, он сделал круг, другой и приземлился на сухом, твердом пригорке. Пришла домой — младших нет, сразу догадалась: побежали к самолету.

Чуть спустя прибежал Юра. Глаза горят от возбуждения, хочет поскорее мне все рассказать, сбивается. Но я все-таки поняла. Первому летчику удалось выпрыгнуть из кабины над самой землей. Он даже не поранился. Ругался на гитлеровцев, кулаком им грозил. Подбежал летчик с другого самолета. Они расстегнули плоские кожаные сумки, а там карты. Юра пересказывал каждую мелочь: «Летчик спросил: «Как ваша деревня называется?» Летчик сказал: «Ну, гады, ну, фашисты,— заплатите!» Потом удивился: «Вы почему с портфелями?» И сказал: «Молодцы! Надо учиться!» Летчик расстегнул кожаную куртку, а на гимнастерке у него — орден. Летчики — герои. Они сражались в Испании. А орден называется «Красного Знамени». А еще он мне дал поддержать кожаную сумку. Она планшеткой зовется. Мама! Вырасту тоже буду летчиком!»

— Будешь, будешь! — говорила я ему, а тем временем поставила в кошелку крынку молока и положила хлеб.

— Отнеси им, сынок! Да пригласи в дом.

Но летчики не покинули машины. Дотемна не возвращались и ребяташки. Только поздно ночью пришли они домой. Юра все повторял фамилию, которую назвал ему первый летчик.

В ту сентябрьскую ночь летчики остались у боевых машин. Утром мы слышали рев взлетевшего с пригорка самолета, увидели, как на болоте горит первый истребитель. На втором летчики улетели восвать дальше.

...После космического полета Юрий получил письмо из города Горького. Бывший военный летчик Ларцев писал, что он хорошо помнит тяжелый воздушный бой в сентябре 1941 года, вынужденную посадку у смоленского села, помнит и группу ребяташек, которые рассматривали боевую машину, а потом принесли поесть. И еще он писал: ему кажется, что он припоминает мальчишку, который все повторял: «Я буду летчиком, дядя!» Мог ли он, пилот военных лет, предположить, что на деревенском лугу в тяжелом сорок первом повстречался с будущим первым космонавтом Земли.

...Фронт приближался. Однажды, как по тревоге, в школу собрали молодежь, военный из Гжатска сказал, что фашисты забрасывают на нашу землю десантников. Их надо выявлять. Предложил создать из молодежи, комсомольцев оперативные группы по пять-шесть человек, которые должны патрулировать по селу и ближайшим окрестностям.

На эти ночные дежурства из нашей семьи ходили Зоя и Валентин. В первый вечер наострились пойти с ними и младшие. Но Алексей Иванович прикрикнул:

— Нешутное дело!

Юра пытался возразить:

— А Зоя?

— Зоя комсомольское поручение выполняет! Зоя большая.

Пока ходили они дозором, я все прислушивалась: не будет ли где стрельбы, судьбу молила, чтобы все обошлось. В школе с 1 октября прекратились занятия. Погас последний огонек мирной жизни.

...Недавно принесли мне номер «Правды» от 7 апреля 1943 года. Развернула я пожелтевшие листы. Во всю первую страницу: «Сообщение Чрезвычайной Государственной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников и причиненного ими ущерба гражданам, колхозам, общественным организациям, государственным предприятиям и учреждениям СССР».

«О злодеяниях немецко-фашистских захватчиков в гг. Вязьме, Гжатске и Сычевке Смоленской области и в гор. Ржеве Калининской области.

Поставив своей целью уничтожить Советское государство, лишить советских людей крова и национальной культуры и превратить их в немецких рабов, германское военное командование приказало своим воинским частям беспощадно расправляться не только с военнопленными, но и с мирным населением сел и городов Советского Союза».

В газете только перечисления, но прочтите их!

«23 февраля 1943 г. немецко-фашистские изверги согнали в дом № 57 по Набережной улице больных тифом жителей Сычевки, якобы для оказания медицинской помощи, заперли их там и дом подожгли».

«Фашистские власти заподозрили жителей деревни Корбутовки в связи с партизанами и сожгли деревню дотла. Колхознице Барановой, протестовавшей против такого разорения, немцы разрезали живот, изрезали лицо пожаром, а детям ее выломали руки и проломили череп».

«При отступлении немцев из деревни Драчево Гжатского района в марте 1943 г. помощник начальника не-

мецкой полевой жандармерии лейтенант Бос согнал в дом колхозницы Чистяковой жителей из деревень Драчево, Злобино, Астахово, Мишино, закрыл двери и поджег дом, в котором сгорели все. Среди них были старики, женщины, дети: Платонов М. П., 63 лет, Платонова П. Л., 59 лет, Платонов Василий, 35 лет, и его дети Вячеслав, 5 лет, Александр, 3 лет...» Много имен в этом списке.

«В доме обнаружена замученная немецкими солдатами семья Садова: отец и мать расстреляны, дочь Рая, 12 лет, заколота штыком, сын Валентин, 15 лет, убит выстрелом в правый глаз, дочь Зина, 18 лет, изнасилована и задушена, дочь Катя, 5 месяцев, застрелена в висок».

«2 марта 1943 г. угнали в Германию двух дочерей гражданина гор. Вязьмы Виноградова — Веру, 20 лет, и Надежду, 16 лет. В ответ на просьбу Виноградова пощадить его дочерей и не угонять их фашисты сожгли его дом».

«В Сычевском районе из 248 деревень немецкие оккупанты сожгли дотла 137 деревень».

Сейчас читать-то страшно, а каково нам было пережить это?

...Память вернула те дни, когда фашисты пришли на нашу землю, вошли в наше село. Пушки грохотали где-то совсем рядом. Мы с Алексеем Ивановичем собрали всех ребятишек в одной комнате — опасались, как бы не выскочили, не угодили под шальную пулю, осколок.

Наступил вечер. А наутро в село вошли солдаты в серо-зеленых шинелях. Они врывались в дома, везде шарили, кричали:

— Где партизаны?

Партизан не находили, а вот вещи уносили, хватали кур, гусей, еду. Через три-четыре часа в доме не осталось ничего.

В один из первых дней оккупации вбежал в дом Юра.

— Пожар! Школа горит!

Алексей Иванович схватил ведра, вилы, только выбе-

жал из дома, как в центре села слышались автоматные очереди. Стало ясно: гитлеровцы подожгли школу, теперь не подпускают жителей тушить огонь.

Алексей Иванович вернулся в избу, сел на лавку, в тишине звякнула дужка ведра.

Ночью в избе слышались детские всхлипывания. Что сказать? Как успокоить?

Мы старались узнать, как обстоят дела на фронте, уловить малейший луч надежды. Газеты не доходили, радио молчало. Вот в сторону Германии пролетели эскадрильи наших самолетов — значит, есть силы у нашей армии! Вот повезли от Гжатска на запад раненых и обмороженных фашистов — значит, идут бои.

Живший в нашем доме немец по имени Пауль стал спешно собираться.

На другой день советский самолет разбросал листовки с вестью о разгроме фашистов под Москвой.

Но мы оставались «под немцем» долгих полтора года: с 12 октября 1941 года по 6 марта 1943 года. Каждый из этих дней оставил тяжелую отметину на сердце.

Едва наступило лето сорок второго, прибывшие на постой гитлеровцы повыгоняли население из домов.

Алексей Иванович вырыл на огороде землянку. Она была глубокая, крыша в три наката.

Уже после освобождения узнала я, Юра да Борис поделились, что они вместе с другими ребятами старались вредить гитлеровцам: разбрасывали по дорогам старые гвозди, битые бутылки, в выхлопные трубы машин затапливали камни, куски глины.

В Клушине стояла эсэсовская часть. Наш дом занял фашист Альберт. Он заряжал аккумуляторы для автомашины. На досуге любил развлекаться. То на глазах у голодных ребят скармливал собаке консервы, то начинал стрелять по кошкам, то принимался рубить деревья в саду.

Детей наших он ненавидел. Однажды Юра ворвался в землянку с воплем:

— Альберт Бориску повесил!

Я кинулась наверх. На дереве, подвешенный за детский шарфик, висел мой младшенький. А рядом, уперев руки в бока, закатывался от смеха фашист. Ему было интересно наблюдать за судорогами ребенка. Я подлетела к яблоне, сдернула с дерева удавку, подхватила Бореньку на руки. Ну, думаю, если Альберт проклятый воспрепятствует, лопатой зарублю! Пусть потом будет, что будет. Не знаю, какое у меня лицо было, только Альберт глянул на меня, повернулся, в дом зашагал — сделал вид, что его кто-то окликнул. А я мигом в землянку. Раздели мы с Юрой Бореньку, уложили на нары, стали растирать: смотрим — порозовел, глаза приоткрыл. Когда он в себя пришел, я увидела, что с Юрой творится неладное. Стоит, кулачки сжал, глаза прищурил. Я испугалась, поняла — отомстить задумал. Подошла, на коленки к себе сына посадила, по голове глажу, успокаиваю:

... Он же нарочно делает, чтобы над тобой тоже поиздеваться, чтобы за пустяк убить. Нет, Юра, мы ему такую радость не доставим!

Думала, убедила сыночка. Прошло несколько дней, слышу, Альберт с мотоциклом своим возится, завести не может. Вышла из землянки, наблюдаю издаലെка. А уж когда он из выхлопной трубы мусор какой-то выковырял, сразу же поняла. Альберт ругнулся, к нам зашагал. Я к нему навстречу вышла, он мне на ломаном русском и говорит:

— Передай твой щенок, чтобы мне на глаза не попадаться.

На большее не решился. Фронт тогда уже дрогнул, артиллерийская канонада не умолкала. Всем было ясно: немцам здесь долго не продержаться.

Несколько дней Юра не ночевал дома — устроила я его у соседей, подальше от ненавистного Альберта. Когда Юра вернулся домой, я все наказывала ему:

— Не подходи ты к немцам. Держись подальше! Да и за братом следи.

Припоминаю: в конце лета это было, пошла я со старшими детьми на соседний луг покосить травы. Вдруг послышался гул самолетов. Глядим — наши летят. Складно так, враз разворачиваются и пикируют на село. Прикинули: метят в немецкий склад. Фашисты ответный огонь открыли, подбили один бомбардировщик, огонь на нем вспыхнул, он летит низко, над крышами. Весь в огне, как большой костер, а сам стреляет и стреляет, развернулся и опять вдоль улицы летит. Там фашистской техники, войск полно было. Валентин вскочил, руками размахивает, кричит:

— Так их! Бей гадов!

А я думаю: как там Юра с Бориской, небось, из землянки высочили, бой наблюдают?

Раздался страшный взрыв — самолет врезался в самую гущу немецкой техники на деревенской площади. Мы побежали к селу. Ребята встретили нас у крайних изб, перебивая друг друга, захлебываясь, о бое рассказали. Как я и предполагала, они с первыми взрывами на улицу выбрались, залегли на огороде. Я их ругать стала, говорю, что убить их могло, ранить, а они мне в ответ:

— Так это же наши самолеты были. Они своих убить не могут...

Я старалась спрятать младших, непокорных и непослушных. А беда пришла с другой стороны. 18 февраля 1943 года поутру раздался стук прикладом в дверь нашей землянки. Я открыла. Гитлеровец, остановившись на пороге, обвел вокруг взглядом. Глаза его задержались на Валентине:

- - Одевайся! Выходи!

Я пыталась протестовать, но он замахнулся на меня автоматом. Так согнали на площадь молодых парней, построили, окружили и повели. Угоняли в неизвестность, в неволю.

Через пять дней снова стук в дверь. Фашист внимательно всех оглядел, в Зоину сторону пальцем ткнул:

— Девоншка! На плошат! Одевайся.

Я на колени хотела перед фашистом броситься, дочка ко мне кинулась, не дает!

— Мамочка! Не надо! Мамочка! Не поможет! Мамочка! Не унижайся!

К мальчишкам, отцу обернулась:

— Берегите маму! Маму берегите! — Глаза у нее сухие, не плачет, только дрожит вся. — Прощайте!

Шла я за колонной наших девушек до околицы. А там на нас, матерей, фашисты автоматы направили, не пустили дальше. Стояла я, глядела вслед удалявшейся колонне.

Не помню, как домой добрела. Сына забрали — было тяжело, а дочку увели — стало вовсе нестерпимо. Какие только мысли в голове не бились! Пятнадцатилетняя девочка да в неволе, на тяжелейшей работе, в полной власти фашистов, у которых человеческих понятий-то нету совсем...

До освобождения оставалось всего несколько дней, нарастал гул боев. Через деревню потянулись отступавшие части гитлеровцев. Теперь это были уже не те нахальные мерзавцы, которые полтора года назад входили в село. Укутанные в обрывки одеял, тряпье, в грязных повязках, с обмороженными лицами. Но мы-то знали, что они еще на многие мерзости способны.

Я видела, что Алексей Иванович теперь старается почаще быть на улице, у дороги. Он наблюдал за всеми передвижениями фашистов. Под вечер обычно засыпал недолгим сном, а потом, как на дежурство, опять выходил. Как-то вернулся с тремя советскими автоматчиками — встретил их Алексей Иванович на мясоедовской дороге. Ребятишки лежали тихо на нарах, но я почувствовала: проснулись, наблюдают.

Разведчики стали расспрашивать о расположении немецких батарей, огневых точках, о сосредоточении фашистов. Алексей Иванович точно да толково все рассказывал. Не зря, значит, он часами ходил да все высматривал!

Солдаты наши на карте отмечали. Я глядела на бойцов и наглядеться не могла: ладные, здоровые, полушубки у них сивые, валенки аккуратные. А лица-то родные, милые!

Засиживаться бойцам было некогда. Уходя, сказали: — Ждите, скоро будем.

Поутру Юра спросил у отца, кто приходил. Алексей Иванович глянул на него с хитринкой, сказал: «Да это сон тебе приснился». Юра спрашивать больше не стал, но видела я: все понял.

В одну из первых ночей марта я услышала, как Алексей Иванович осторожно сполз с нар, стараясь не скрипнуть дверью, вышел из землянки. Отсутствовал долго. Возвратился, увидел, что я не сплю, тихо, едва губы разжимая, сказал:

— Последние немцы ушли. Дорогу заминировали. Если со мной что случится, запомни: мины напротив нашего дома, да у дома Беловых и еще около сушкинского дома. Запомни, Нюра, и предупреди наших.

Сам погрелся немного и опять пошел на свое добровольное дежурство. Утром я разыскала в хозяйстве две дощечки, вывела на каждой крупно: «Мины». Эти знаки Алексей Иванович укрепил в начале и конце заминированного участка.

Вскоре в наше село вошли части родной Красной Армии. Какой это был праздник! Все, кто остался жив, вышли на улицу, кричали «ура!», звали бойцов в избы.

Командир части, которая вступила в наше село, сразу же разыскал Алексея Ивановича, сказал, что благодарит его от имени бойцов и командиров за точные сведения, за предупреждение о минах. При всех обнял и расцеловал. Ребятинки очень гордились отцом. Юра даже спросил:

— Мама! Полковник расцеловал папу как солдата, правда? Ты слышала, как он сказал: «Благодарю за службу!», слышала?

Еще грохотали близкие бои, а в селе возрождалась

наша, советская жизнь. Пора было думать об урожае. Командир части, расположившейся в нашем селе, распорядился, чтобы саперы осмотрели поля, очистили их от мин, перазорвавшихся снарядов. Собрались мы, посчитали свои силы... Грустные это были смотрины: мужики на фронте, молодых парней и девушек фашисты угнали в Германию. Но что делать: трудиться надо. От хлебороба жизнь зависит.

9 марта, в Юрин день рождения, был ему сделан самый желанный подарок: снова открылась школа.

Накануне учительница Ксения Герасимовна Филиппова обошла все деревенские дома, извещала, чтобы завтра к 9 часам все собрались в доме Веры Дмитриевны Клюквиной --- там будет школа. Изба у Веры Дмитриевны была большая, а она осталась одна, вот и попросила Ксения Герасимовна разместить классы у нес. Школу-то нашу, которой колхоз до войны гордился, немцы сожгли. Вера Дмитриевна охотно согласилась, избу всю почистила и полы помыла, у соседей лавки заняла, старалась как можно лучше все устроить.

Я разыскала Юрин портфель. А положить в него было нечего: букварь и другие учебники пошли у гитлеровцев на растопку, ни одной тетради не осталось. Но ученик есть ученик, должен быть с портфелем. Проводили мы Юру на уроки с пустой сумкой.

Вернулся он возбужденный, стал делиться впечатлениями. Учебников в классе не было, но командир полка передал Ксении Герасимовне «Боевой устав пехоты». По нему-то и овладевали грамотой. В одной комнате располагалось по два класса: сначала первый и третий. Заканчивались у них занятия - начинали учиться второй и четвертый. Ксения Герасимовна сразу же дала задание набрать гильз, чтобы по ним учиться счету, поискать в домах бумагу.

Многого в школе не хватало. Даже так скажу: ничего не было. А учила Ксения Герасимовна ребят хорошо. Да

и воспитывала по-настоящему. Даже самодеятельность организовала. Участвовал Юра в хоре, поначалу пели ребятишки довоенные песни, а потом стали услышанные по радио разучивать. Поставили спектакль «Встреча с Героем Советского Союза». Я ходила на этот утренник. Показывали, как в освобожденное от фашистов село возвращается раненый летчик - Герой Советского Союза. Его встречают родные, односельчане. Он расспрашивает, как они жили, рассказывает о боях, в которых отличился. Тут по радио сообщается: «Победа!» Все кричат: «Ура!» И мы, зрители, тоже закричали: «Ура!»

Юре очень хотелось сыграть Героя, но он был еще маленьким, выпало ему играть одного из колхозников, который встречает летчика и рассказывает о жизни в оккупации. Юра все повторял:

— Подрасту, и я Героя сыграю. Так, мама?

Юра сразу учиться стал старательно. Он понимал: учительнице нелегко приходится одной обучать ребят четырех классов, да еще нет учебников, школьных пособий. Юра всегда был добрым, отзывчивым. Вот он и стремился не расстраивать учительницу и мне поменьше доставлять беспокойства. Ведь в семье у нас жила тревога за судьбу угнанных в Германию Валентина и Зои. Каждый из нас сдерживал себя. Алексей Иванович, Юра, Борис старались не говорить о горе. Да и я дома держалась. Только по дороге на ферму, в поле, когда вокруг никого не было, давала волю слезам.

Алексей Иванович сразу же по освобождении попросился на военную службу. Поначалу ему отказали: невоеннообязанный. Но он ходил к командирам, настаивал, добился, чтобы его взяли хотя бы в охрану, в Гжатск.

В 1944 году почтальонша принесла сложенный треугольником листок бумаги — письмо от Валентина; я узнала, что он сумел бежать из неволи, перейти линию фронта. Он стал танкистом, башенным стрелком. Юра и Борис в тот

день всю деревню обегали, сообщали всем о письме Валентина, о том, что его часть героически сражается с фашистами, бьет гитлеровцев.

Потом от Вали пришло еще письмо, а в нем — фотография, маленькая такая. Сколько времени прошло, а строчки те все перед глазами.

А следом новое сообщение — от Зои. И ей удалось вырваться из фашистской неволи. Она тоже стала помогать Красной Армии. Поскольку годами не вышла, в действующие на переднем крае части ее не записали, тогда она пошла в ветеринарный военный госпиталь. «Мне оченьгодились мои деревенские знания, — писала дочка. — Я ухаживаю за ранеными лошадьми. Мы возвращаем их в строй, чтобы наши кавалеристы могли громить фашистов, могли отплатить за горе советских людей».

Уже в первую весну по освобождении увидела я, как Юра и Бориска на скотном дворе раскопали из-под рухляди плуг.

— Зачем? Это не игрушка, — говорю.

А Юра мне в ответ:

— Пахать надо.

А как пахать? Во всем колхозе ни одной лошаденки.

— Так мы ж за коней будем!

Попытались. Конечно, сдвинуть плуг было не под силу мальчишкам. Вскопали поле вручную, но уж бороновать решили предложенным ими способом.

В один из приходов в Гжатск рассказала я Алексею Ивановичу о нашей затее.

— Нет! И борону вам не сдвинуть! — прикинул он. — Тяжела.

На другой день рано утром смотрю — идет мой Алексей Иванович. Оказывается, удалось ему на день взять увольнительную. Много успел он в тот день в нашем клушинском доме сделать по хозяйству, смастерил и легонькую борону, которой мы потом не один год с ребятами

бороновали. Хотя это так говорится — «легонькая», работать-то не так уж легко было, но все-таки можно.

Отцову борону опробовали мы сразу же, на другой день. Впряглись сыновья, от усилий к земле пригнулись и двинулись. Я иду «коренником», а сама плачу: ребят жалко. До конца поля они дошли, оглянулись — пот по лицам течет, а улыбаются. У Юры улыбка широкая, задиристая:

— Мама! Ты плачешь или устала?

Мне даже совестно стало своей слабости: дети малые не сдаются, а я духом пала. Отвечаю:

— Не плачу и не устала, солнце припекло.

Огород весь вскопали, только тогда мальчишки побежали играть: палки, как автоматы, схватили, начали свои бесконечные бои, которые неизменно оканчивались «нашей победой». Игр этих я остерегалась. Но что скажешь? Не будешь же постоянно предупреждать: с палками поосторожней, со «стрельбой» поосмотрительней. Побаивалась-то не зря. Однажды пришли Юра с Бориской в дом, я глянула — ахнула: лица у них черные от копоти, а у Бориса и брови опалены. Я поняла: самострелом баловались. В те годы ребячьи карманы так и распирали от гильз, осколков снарядов, патронов. Случались трагические истории, от взрывов дети гибли, становились калеками, слепыми. Хотела я наказать сыновей так, чтобы на всю жизнь запомнили, но поглядела в Юрино лицо, вижу: сам все понял. Только одно и сказала:

— Понял, что брат чуть глаз не лишился? Нельзя так!

Это еще в те дни было, когда Валя с Зоей не нашлись, поэтому я с горечью и добавила:

— Или у меня и без ваших игр горя мало?

Надо сказать, что после этого младшие мои ребята с патронами не баловались.

Весна сорок пятого выдалась ранняя. Сеять мы начали еще перед майскими праздниками. Торопились, а силенок

было маловато. Рассчитывали каждый час, учитывали каждую пару рабочих рук.

По снегу еще прибыл в колхоз трактор. График ему был составлен чуть ли не на круглые сутки, обслуживали его три трактористки, чтобы в простое «стальной конь» не был.

Утром 9 мая позвали меня и Анну Алексеевну Дербенкову в правление колхоза. Председатель Иван Васильевич Бурдин говорит:

Горячее для трактора на исходе, поезжайте-ка, женщины, в Гжатск.

Запрягли мы буренку, на телегу закатали железную бочку, поехали. Подъезжаем к селу Затворову — людей на улице полно, песни поют, нас окружили:

— Куда едете?

— За горячим для трактора в Гжатск.

Никого там на складах не найдете. Победа!

Мы с Анной посовещались, решили вернуться. Но все-таки местного председателя в Затворове разыскали, займы горячего попросили. У них у самих запас небольшой был, но поделились.

Вернулись в Клушино — там тоже ликование. Ребята по улицам носят, плакаты самодельные развесили на домах: «Ура! Победа!»

Юра ко мне подбежал, глаза горят:

— Мам! Я на нашем доме флаг вывесил!

Где же, — спрашиваю, — материю взял?

— А я из бумаги. Но все равно здорово получилось. Красиво!

У правления колхоза женщины собрались, смеются, переговариваются, планы строят, думают: когда теперь мужья домой вернутся? Это, конечно, те, кто «похоронки» не получил.

Председатель на крыльцо вышел, поздравил всех с великим праздником, а потом тихо добавил: «Товарищи, время не ждет!»

Мы с Аней поехали в поле, к трактористкам, а потом объехали и другие бригады. Весть-то надо было донести до всех.

Когда говорят о Дне Победы, мне видится, как деловито в этот день идет по полю наш колхозный трактор, как сноровисто пахут на коровах клушинские женщины.

Урожай, что заложили в победном сорок пятом, собрали богатый. Но раны, нанесенные вражеским нашествием, затягивались трудно — уж очень много их было!

Алексей Иванович после окончания войны остался работать в Гжатске. В городе присмотрелись, что он на все руки мастер, пригласили плотничать в квартирно-эксплуатационную часть. Решили мы с ним дом в город перевести.

Под новый, 1946 год перебрались мы в Гжатск.

В середине учебного года привела я своих мальчиков в начальную базовую школу при гжатском педучилище. Заведовала ею Елена Федоровна Лунова, которую я еще по деревне знала. Она прикинула, что мальчики мои деревенские могут заработать перед гжатскими городскими ребятами, поэтому сказала:

— Я как раз в третий класс собираюсь, идемте вместе.

Пошли в класс. Ученики Елену Федоровну увидели, сразу же примолкли. Я почувствовала: уважают, вольничать при ней себе не позволяют. Раздался звонок, ученики вмиг по местам разошлись.

— Садитесь, — спокойно сказала Елена Федоровна. Я привела к вам новенького. Юра Гагарин.

Осмотрела класс и подошла ко второму ряду, потом к Юре обернулась, позвала его:

— Тут будешь сидеть. Наша Дешин — человек серьезный.

Юра мой прошел, сел. Я еще поглядела, как он под

столом руку товарищу протянул, по губам поняла, имя назвал. Так они с Дешиным познакомились.

Потом мы Бориса во второй класс определили.

После уроков дети пришли, я приглядываюсь: городские ребята их не обидели? Нет, все хорошо. Радостные, возбужденные, о порядках в школе, об учителях рассказывают.

Учительница Юрина мне сразу же понравилась. Нина Васильевна Лебедева весной 1946 года закончила наше гжатское педучилище, Юрин класс был у нее первым. Она была совсем молоденькая, но к работе своей относилась с большой ответственностью.

Особенности послевоенной учебы представить трудно. В школе не хватало самых необходимых вещей. А возраст? Те третьеклассники очень отличались от нынешних. Война, оккупация, разруха, переезды ни одному ученику не позволили своевременно начать учиться. Юра-то всего год пропустил. Были в третьем классе ребята по тринадцать-четырнадцать лет. А учительнице — восемнадцать! Вот поди справишься с такими переростками! Но тут, правда, мы, родители, помогали: внушали своим детям уважение к учителям.

Ребята Нину Васильевну очень любили. Это сразу же замечаешь. О любимом учителе ребята постоянно говорят. Вот Юра часто повторял: «Нина Васильевна сказала, Нина Васильевна объяснила, Нина Васильевна рассказывала...»

Рассказывала она им много и о многом. Как-то Юра прямо с порога поспешил поделиться: «Мама! Я учусь в историческом доме!»

Оказывается, базовая школа располагалась в доме, принадлежавшем когда-то одному купцу. Именно сюда был приглашен гжатчанами Кутузов, когда он, назначенный главнокомандующим, ехал через Гжатск к войску в Царско-Займище. В Отечественную войну 1812 года принял на себя наш смоленский край немало ударов, как

немало славных страниц вписал он и в историю Великой Отечественной войны. Тут, под Гжатском, начали действовать партизанский отряд Дениса Давыдова, отряды крестьян, которые немало досаждали французам. В отместку наполеоновские войска сожгли Гжатск и окрестные селения.

Но более всего Юре запали в душу рассказы учительницы о Владимире Ильиче Ленине, о его детстве, семье, родителях, старшем брате, о ленинской справедливости и доброте, которые формировались еще в детские годы. Помню, как однажды Юра сообщил: «Нина Васильевна читала книжку о детских годах Володи Ульянова, там была фотография табеля с отметками. Сплошные пятерки».

Юра и до того дня занимался хорошо, а тут стал особенно стараться. Пока все на дом заданное не выполнит, спать не ложился. Тетрадки у него были аккуратные. Учебников тогда было мало, выдавался один на несколько человек. Юра и других ребят приучал обращаться с книгами бережно.

Немало Юра рассказывал о своих одноклассниках. Уже окончилась война, но раны ее навечно остались во многих советских семьях. Вот и в рассказах Юры часто звучало: «У такого-то отца убили», «У такой-то брат не вернулся с фронта», «Тот-то — сирота».

Послевоенная жизнь стала приносить и радости.

Однажды весенним вечером глянула я в окошко, вижу — идет к нам девушка. Еще и сообразить не смогла, кто же это пожаловал, а сердце застучало радостно. Девушка уверенно толкнула дверь, вошла — Зочка! Бросилась я к ней, от радости слезы льются, все-то ее потрогать хочу: живая, целая, невредимая. Потом отстранилась, чтобы получше рассмотреть, а у нее у самой все лицо мокрое. Ребята за столом сидели, уроки готовили. Смотрю, Юры нет. А он вмиг за печку бросился, где его школьная форма висела, оделся, даже галстук повязал.

И вот он тут как тут стоит принаряженный. Хотел своей сестре-наставнице во всей красе показаться, похвастаться, что уже в пионеры принят. Зоя глядит на них, глаза сияют.

— Неужели Юрка так вырос?! А Бориска-то взрослый стал! Отец...

Смотрю на Алексея Ивановича, он просто помолодел от счастья. Но, чтобы слез не заметили, отвернулся, сглотнул комок, говорит:

— Вот и еще подмога прибыла.

Усадили мы Зою за ужин, а ей есть некогда, все рассказывает. Как удалось им бежать из плена, как скрывались девушки на польском хуторе, где их освободила Советская Армия. Как предложили им вернуться домой, но девушки ни в какую: воевать! Годами они не выжили, Зоя к тому времени еще и семнадцати не было. Как направили их в ветеринарный госпиталь. «Военный госпиталь?» — спросили девушки. «Военный!» — «Тогда пойдем». Как лечили в госпитале лошадей, отправляли на фронт.

Зоя рассказывала, что видела по дороге домой. С печалью слушали мы о разорении, с удовлетворением — что идет везде стройка и восстановление. Засиделись за полночь. Ту ночь я впервые с начала войны спала спокойно.

Юра в школе освоился быстро. С Нашей Дешиным подружился, хотя разница в возрасте у них была три года. Оба учились хорошо. Друзья часто приходили в школу пораньше.

В те годы школьники сдавали экзамены после четвертого класса. Юра получил за годовые контрольные по арифметике и диктанту «отлично», перевели его в пятый класс с похвальной грамотой.

Я пришла на утренник, посвященный окончанию учебного года. Грамоты, которыми ребят за учебу поощряли, вручали родителям, благодарили за помощь школе. Выз-

вали и меня. Я к Елене Федоровне подошла, руку мне она пожала, слова торжественные сказала. После утренника еще раз подошла, говорит:

— Нюра, сын весь в тебя: читать любит, памятливый. Очень нас радует.

Ночами мы обсуждали с Юрой важные вопросы. Больше всего он любил помечтать: «Мама! Когда я вырасту, кем буду?» Юра любил, чтобы я отвечала: «Летчиком». К тому времени он, как все мальчишки, различал типы самолетов даже по звуку.

Юра рос компанейским, учился хорошо, в этом ему память помогала. Он раз-два прочтет — уже чуть ли не наизусть помнит. Знаниями любил делиться, поэтому частенько занимался с отстающими. Вообще чувство долга у сына, у товарищей его было развито сильно. Оно сказывалось во всем, даже в том, как следил Юра за своим внешним видом. Пионер должен быть примером! Товарищи выбрали его председателем совета отряда. Каждый вечер он наглаживал свой пионерский галстук. Сейчас мне думается, что в это он вкладывал особый смысл. Ребенок, пережив оккупацию и повзрослев, особенно ценил все завоевания Советской власти, гордился ими, считал себя приобщенным к борьбе за свободу и независимость Отчизны.

К концу учебы в четвертом классе заболел Паша Дешин, его ближайший товарищ. Тогда многие ребята малярией мучались. Высокая температура, озноб так выматывали, что человек силы терял. Юра ходил к другу каждый день. Когда приступ у Паши закончится, станет уроки объяснять, вчерашнее задание спрашивать. Подбадривает.

Через месяц Дешин вернулся в класс. Вызвала его учительница к доске, задание дала, он все примеры, задачи решил. При всех учительница Юру поблагодарила. Потом даже на родительском собрании отметила, что Гагарин — настоящий товарищ.

Экзамены за четвертый класс Юра сдал на отлично, а Паша — на хорошо и отлично.

Но это все серьезные дела. Было и другое. Озорство, увлечения, игры. Об одной Юриной проделке узнала я не сразу. Как-то незадолго до окончания урока вошел в учительскую пожилой человек, был он явно чем-то рассержен, в руках держал какие-то покореженные деревянные детали. Протянул их Елене Федоровне, с гневом заговорил:

— Это что же такое происходит? Иду мимо — и вдруг из углового окна прямо на голову вот это падает.

Елена Федоровна разглядела «это» и увидела модель планера. Взяла заведующая школой «это» и пошла в класс. Ребята поднялись и, рассмотрев в руках Елены Федоровны модель, затихли.

— Чей это планер?

Минуту висела в классе напряженная тишина, а потом вперед выступил мальчишка.

— Хорошо, Юра Гагарин, что сознался,— сказала Елена Федоровна,— но завтра приходи с мамой.

— Я и сам все понял,— упрямо сказал Юра.— Маму вызывать не надо.

После окончания начальной школы Юра поступил в гжатскую среднюю. Появились у него новые товарищи. Жалел, что Дешин, с которым за два года учебы и жизни сдружился, не пошел в школу. Паша поступил работать в промкомбинат столяром, учиться стал в вечерней школе. Нет-нет да забегали ребята друг к другу.

В пятый класс Юра пошел в 1947 году. Средняя школа разместилась в двух больших жилых домах на Советской улице. В школу они были превращены в силу необходимости: в Гжатске после фашистского нашествия оставшихся пригодными зданий было наперечет. Уцелевшие дома, требовавшие небольшого ремонта, сразу же были отданы под школы, Дом пионеров, детские сады, ясли, больницы.

Сейчас, восстанавливая в памяти события, хочу, чтобы и читатели представили себе те условия, в которых учились и жили ребята военного детства. Классы — бывшие жилые комнаты — были небольшими, парт в них не было, а стояли сколоченные из досок длинные столы и скамьи. Пришла я на первое родительское собрание, еле протиснулась за стол, думаю, как же ребята к доске выходят отвечать? Скамьи и столы стояли почти вплотную к стенам. Юра на мое недоумение рассмеялся, объяснил: — А мы под столом пролезаем!

Отапливались классы недостаточно — дров и для детских садов не хватало. В школу каждый ученик должен был принести по полону дров, но все равно в классах было холодно, сидели ребята в пальто. Чтобы писать, приходилось им пузырьки с чернилами отогревать на груди.

Но они не унывали. Ребята, пережившие оккупацию, познавшие издевательства врагов, рады были малейшей возможности учиться. Надо сказать, что и мы, взрослые, не считали все мною перечисленное трудностями или какими-то особенными сложностями. Так жили все советские люди. Преодолевая разруху, восстанавливали заводы и фабрики, строили школы, МТС, деревни, больницы и собственное жилье.

Тогда ребята на такие условия даже внимания особого не обращали, не обсуждали их.

У меня такое впечатление, что Юра старался охватить все. Участвовал он и в художественной самодеятельности. В школе они задумали сделать театр теней — сколько же рассказов было о спектакле «Сказка о попе и его работнике Балде»! Ребята сами вырезали из картона фигурки действующих лиц, прикрепляли их к лучикам, учились водить за натянутым полотном. Юра исполнял роль Балды, слова учил по вечерам. Его друг Лева Толкалин был главным осветителем. Юра рассказывал, как тот умело использовал большой трофейный карбид-

ный фонарь. Декорации, афиши ребята тоже рисовали сами. Конечно, они были не такие красивые, как рисунки настоящих художников, но детям они были дороги и очень нравились. В день после спектакля Юра так подробно рассказывал дома о представлении, о реакции зала, так выразительно изобразил действующих лиц, что мы все будто побывали на этом спектакле. Интересный был вечер, радовались все — и я, и Алексей Иванович, и Борис, и Зоя, и ее муж Дима Бруевич, который тоже жил у нас.

Увлекались они слевой и фотографией. Лева где-то нашел старенький фотоаппарат, напоминающий нынешний «Любитель». Целыми вечерами они его разбирали, чистили, что-то вытачивали, замесняли какие-то детали. Но фотоаппарат никак не поддавался. Потом заработал. Ребята задумали приладить приспособление, чтобы он «щелкал» через несколько секунд и можно было бы самому фотографу запечатлеться на снимке. Задуманное удалось. Ребятишки сфотографировали для стенгазеты своих товарищей на занятиях в классе и на уборке моркови. Стенгазета привлекла внимание всей школы. Юра и Лева гордились этим. С фотоаппаратом не расставались. Именно этим нехитрым аппаратом сделаны почти все детские снимки Юры в Гжатске.

Казалось, Юре везде хотелось поспеть. Объявили, что в Доме пионеров создается духовой оркестр. Он туда записался. Да так упорно стал заниматься, что отец раз не выдержал:

— Марш из дома! Уши болят.

Юра трубу прихватил, пошел на улицу, примостился на дровах, что у задней стены дома были сложены, стал играть. В те дни пастухи по утрам коров в стадо дудочкой собирали. Наша Зюмка знакомый звук слышала, заволновалась, мычит — в поле просится.

Алексей Иванович послушал-послушал, рассмеялся, за Юрой пошел:

— Нечего скотину нервировать. Ладно уж, возвращайся в дом, потерпим.

— Пап! Я постараюсь играть потише.

Но разве на трубе потише получится? Ничего, потерпели. Я-то даже и не замечала рева, наоборот, радовалась, что у сына получается.

В школе Юра в технический кружок записался. Ученики под руководством наставников сделали летающую модель самолета, смастерили бензиновый моторчик и как-то отправились на пустырь запускать свою модель. Разговоров о том, как эта машинка — «проворная, как стрекоза», — взяла и полетела к солнцу, было не на один вечер!

— Хочу быть летчиком! — заявил Юра.

Тогда к его словам мы отнеслись как к детскому лепету: кто из тогдашних ребят не мечтал летать!

В школе прочел Юра книгу о жизни Циолковского. Любовь к этому человеку, восхищение его одержимостью, страстностью, бескорыстным служением идее космических полетов пронес сын через всю жизнь.

Все опасаясь, как бы не представить Юру неправильно. Будут люди читать, вопросом зададутся: что, Гагарин идеальным рос?

Соберутся, случается, у меня его учителя, я свое беспокойство высказываю. Ведь Юра был, как все мальчишки в его возрасте, шаловливым, непоседливым, шустрым.

Бывало, убегут они с Борисом на рыбалку — нет их и нет. Забеспокоюсь: мало ли что приключилось. Однажды так долго не возвращались, что искать пошла. Все берега Гжати исходила, до собора добежала. Нету! Домой совсем по темноте пришла, а они дома. Сидят за столом такие чинные, такие притихшие, что я сразу поняла: набедакурили.

Юра сразу же ко мне.

— Мама! Борискины ботинки пропали. Только он не виноват. Мы все берега облазили. Украли их.

У меня ноги подкосились. В послевоенное время это была большая потеря. Ботинки только что по ордеру купили. Как же, думаю, он в школу пойдет? Мне ребят жалко и как положение поправить — не знаю. Юра нашелся:

— Мы уж придумали. На носки галоши Зоины надем — хорошо будет.

И эдак тихонечко да ласково:

— Ты, мам, носки потолще свяжешь?

Ругать настроения не было. Видно же, ребята сами мучаются и переживают.

На уроках, случалось, Юра то кому-то подскажет, то все время руку тянет отвечать хочет. Не без этого.

«Не было в шалостях Юры вредности, грубости, рассказывала мне учительница географии Антонина Васильевна Иванова.— Деликатным он был».

«Почему вспоминается другое? — говорила Елена Федоровна Лунова.— Конечно же, потому, что мы знаем, кем стал наш ученик. Потому что память человеческая сохраняет главное. Потому что Юра был шаловливым, но честным, открытым, добрым. Однажды проводил их отряд сбор, посвященный песне. Пели «Три танкиста». Я чувствую вот-вот расплачусь: сын у меня танкистом был, погиб он. Ребята знали о моем горе, как-то я с ними поделилась. Когда запели про экипаж машины боевой, я всего Валентина вспомнила, а чтобы слез ребята не видели, ушла. Стою в коридоре у окна, слышу: дверь скрипнула — несколько ребят подошли ко мне. Юра остался рядом. Вижу — утешить хочет, а слов нет. Вот так мы постояли-постояли... Успокоилась я, вернулись мы на сбор».

Деликатность с опытом жизненным приходит. Человек как бы ставит себя на место другого человека, боль

чужую как свою ощущает. Отсюда рождается желание помочь.

Учителя рассказывали, что Юра не то что выделялся своей добротой, а скорее, к доброму других призывал. Не словом, а делом. Он не стеснялся быть внимательным, вежливым, отзывчивым. А ведь обычно ребята в этом возрасте любят показаться грубее, чем есть на самом деле.

Юра с детства был чутким, умеющим распознавать, что человек чем-то обеспокоен, расстроен. Хоть был ребенком — знал: взрослый тоже теплоты ждет. Я, во всяком случае, теплоту эту ощущала. Оказывается, другие тоже замечали.

Однажды (было это уже после космического полета) Ольга Степановна Раевская меня спросила:

— А помните, Юра однажды на вечере, посвященном Международному женскому дню, читал отрывок из «Молодой гвардии» про мать, руки ее?

Я помнила.

— Мне кажется, что Юра читал о вас. Я даже уверена в этом. Потому что как-то во время репетиции он застенчиво сказал: «Ольга Степановна, Фадесв как будто в нашем селе бывал». От мальчика большей откровенности не дождешься.

Мне тогда казалось, что, когда Юра учил этот отрывок, он как-то по-особенному взглядывал на меня. Теперь я часто перечитываю это место книги, вспоминаю те далекие вечера, детский голос сына, со скрытым волнением и теплотой произносящий:

«...Мама, мама! Я помню руки твои с того мгновения, как я стал сознать себя на свете. За лето их всегда покрывал загар, он уже не уходил и зимой,— он был такой нежный, ровный, только чуть-чуть темнее на жилочках. А может быть, они были и грубее, руки твои,— ведь им столько выпало работы в жизни, — но они всегда казались мне такими нежными, и я так любил целовать

их прямо в темные жилочки. Да, с того самого мгновения, как я стал сознавать себя, и до последней минуты, когда ты в изнеможении, тихо, в последний раз положила мне голову на грудь, провожая в тяжелый путь жизни, я всегда помню руки твои в работе».

В 1947 году вернулся из армии Валентин. Ребята как замороженные слушали его рассказы о танках, о боях, о победе. Валя привез с собой шлем и в знак особого поощрения разрешал то одному, то другому братишке пощеголять в нем.

Теперь вся наша семья была в сборе.

Наступила весна сорок девятого. Юра окончил шестой класс, как всегда, на «отлично» и вдруг ни с того ни с сего заявил:

— Поеду в Москву, буду поступать в ремесленное училище.

Мы с отцом старались его отговорить. Казался он мне еще совсем мальчиком. Очень уж не хотелось отпустить от себя. Наконец-то семья вся собралась, а тут опять кто-то из детей будет не со мной.

Но Юра, оказывается, все продумал. Рассуждал он, как взрослый, говорил, что хочет учиться дальше, образование думает получить, в то же время понимает, что нам с отцом трудно. Вот он овладеет какой-нибудь профессией, встанет кренком на ноги, учиться будет по вечерам. К этому времени и многие его одноклассники, которые были старше Юры, поступили в ремесленное.

— Пасчет учебы, мама, не беспокойся, говорил Юра.— Вон Паша Дешин работает и в вечерней школе учится. Да еще на «отлично»!

Конечно, свою роль сыграло и то, что в ремесленном училище выдавали форму, полностью обеспечивали учащихся. Мальчишки наши заглядывались на аккуратно одетых в форму сверстников. Многие мечтали поступить в суворовское училище. Но таких еще было мало. Тогда-то и задумались о ремесленном.

Мне не хотелось соглашаться. И Алексей Иванович тоже насупился, молчит, несогласен. Юра не отступает, примеры приводит. Но сразу сразил меня, когда заявил:

— Ты, мам, столько про своего отца рассказывала, почему же сейчас противишься? Разве не хочешь, чтобы я, как дедушка, стал рабочим?

Брат мужа, Савелий Иванович, еще до войны переехал в Москву, работал на заводе имени Войкова. Списались мы с ним, он Юрины планы одобрил, пригласил остановиться у них в семье. Собрала я Юре все необходимое. Попросила Валентина отвезти в Москву, да не уезжать, пока окончательно брата не устроит...

Из писем Ю. А. Гагарину

Дорогой наш сын, герой Юрий Алексеевич Гагарин!

Разреши мне, матери-старухе 68 лет, с большим и горячим материнским чувством обнять и крепко поцеловать тебя, мой сын и сын всего народа. Ты прославил нас в веках. Я счастлива, что дожила до той поры, когда люди совершают такие подвиги, а о подвигах мечтали и мои дети, и они их совершали в годы Великой Отечественной войны. И хотя мне сейчас очень тяжело вспоминать своих трех сыновей: Володю, Антона и Сашу, погибших на фронтах, но я горжусь, ибо они внесли свой вклад в завоевание для нас счастливой жизни, такого времени, когда люди достигли таких высот науки, при которых совершаются подвиги, подобные Вашему, дорогой Юрий Алексеевич.

Пусть Ваше имя прославится в веках.

Крепко обнимаю и горячо, по-матерински целую Вас, мой сын Юрий Гагарин.

Мать троих погибших сыновей, подвигом своим Вы почтили их память.

Большое спасибо Вам.

*Александра Васильевна
Довиденко, Киев.*

Праздник 1 Мая мы праздновали в г. Требони. Мы шли на параде через город и стали кричать: «Да здравствует Советский Союз! Да здравствует Гагарин!» И через минуту весь парад стал кричать: «Да здравствует Гагарин!» Все были веселые, и было всем очень хорошо.

*Ученицы 7-го класса
Анна, Ива, Милуна, Чехословакия.*

Дорогой Гагарин!

Сердечно Вас поздравляю. Все хорошо, что хорошо кончается. Ура! Вас поздравляют все шведы и датчане (я датчанин).

Вы открыли новую эпоху. Поздравляю Вас, Вашу жену и детей — Елену и Галю.

*Рабочий фабрики Эйгил Кристенсен,
г. Мальмё, Швеция.*

Уважаемый товарищ!

Прежде всего передаю мой революционный привет Вам и славному советскому народу, героизмом которого и теми достижениями, каких он в короткое время достиг после Октябрьской социалистической революции, я восхищаюсь. Советский народ борется за мир, благосостояние и счастье всех народов мира.

Поздравляю Вас с замечательным геройским подвигом, образцом героизма, открывшего путь в космос,

являющегося величайшим триумфом науки и всего человечества.

Мне бы очень хотелось познакомиться с Вами лично, и я надеюсь, что вы отметите день 26 июля вместе с нашим великим вождем Фиделем Кастро и нашим народом, для которого это будет большой честью.

Родина или смерть!

Мы победим!

Да здравствует наша социалистическая революция!

Эмилио Ластре Арриета, Куба.

Дорогой Юрий!

Норвежский рабочий приветствует тебя и поздравляет с твоим подвигом 12 апреля. Твое имя будет всегда светиться в истории.

Желаю тебе и твоим близким всего хорошего в будущем. Сердечный привет.

Яльмар Нильсон, Норвегия.

Дорогой мистер Гагарин!

Примите, пожалуйста, мои самые теплые поздравления в связи с Вашим удивительным достижением и Вашей храбростью. Вы стали первым человеком, который облетел земной шар и благополучно вернулся на Землю.

Я желаю Вам здоровья, долгой жизни и счастья.

Искренне Ваш друг по духу

А. И. Икэним, Нигерия.

Дорогой Юрий Алексеевич!

Сердечно поздравляю тебя с величайшим подвигом в истории человечества — первым полетом в космос. От этого полета у меня у самого как бы выросли крылья, на которых я лечу к тебе и ко всему советскому народу,

чтобы сказать своему брату: родной, горжусь трудом твоим и достижениями!

Мы знаем, что этот подвиг стал возможным благодаря развитию советской науки и техники, благодаря труду советских рабочих, инженеров и техников, точнее говоря, благодаря советскому социалистическому строю. Это блестящее доказательство преимуществ социализма перед капитализмом. Со времени Октябрьской социалистической революции созданная Лениным Страна Советов достигла небывалых успехов, хотя перенесла страшные военные бури.

Да здравствует нерушимая дружба братских народов Югославии и СССР!

Да здравствует мир во всем мире!

Шимпрага Мирко, Югославия.

Прославленный пилот майор Гагарин!

Я, шведская женщина, поражающаяся Вашим мужеством, посылаю Вам горячие приветствия и поздравления в связи с Вашим первым космическим полетом вокруг Земли. Я смотрела телевизионную передачу из Москвы. Мне хотелось бы самой побывать в Москве и лично приветствовать Вас вместе со всем русским народом.

Брита Меллер.

С восхищением узнали о вашем героическом подвиге. Приветствуем вас — пионера космического полета. Горячо поздравляем с осуществлением извечной мечты человечества.

Семья Циолковского.

Калуга, 13 апреля.

Аплодирую великолепному выражению духа русского народа, который сегодня, дав уже нам все наилучшее

в литературе и музыке, осуществляет первый полет человека в звездные просторы.

Прошу принять мои наилучшие поздравления с Вашим блестящим достижением.

*Амедео Пьерагостини,
Италия, Бергамо.*

Дорогой Юрий Алексеевич!

Вы видели, с какой радостью и любовью мы встречали Вас. В этой радости была и гордость за Ваш успех, и умиление, вызванное воспоминаниями. Увидев Вас, улыбающегося, в море цветов, в буре ликования, я вспомнила тех, кого 16 лет тому назад цветами сирени приветствовала расстрелянная, но счастливая Прага, тех, кто спас ее от уничтожения, простых советских солдат-освободителей. Тогда Прага приветствовала советских людей, победивших фашизм, теперь приветствовала советского человека — победителя космоса.

Иво Бартоне, Чехословакия, Прага.

Поздравляем, ликуем, целуем!

Полярники дрейфующей
станции Северный полюс-8.

Счастье, безмерное счастье, восторг, радость переполняют сейчас сердца людей всего мира, всего земного шара. И мы, советские люди, счастливы вдвойне. Как музыка, звучат знаменитые строки Маяковского: «Я радуюсь, Я — этой силы частица! Что общие даже Слезы из глаз...»

Но это слезы гордости за наш народ, за нашу Родину, за Вас, Юрий Гагарин, дорогой Вы наш человек. Спасибо, огромное спасибо за Ваш беспримерный подвиг. Вся

история человечества преклонила перед Вами свою гордую голову.

Ленинград скандирует: слава Гагарину!

Студенты филологического
факультета ЛГУ им. Жданова.

Когда мы слышали это известие, у нас дыхание остановилось, как у каждого человека, интересующегося наукой. Те несколько часов, когда Вы были в космосе, мы очень волновались, и, когда Вы приземлились, мы прыгали, кричали и чуть не плакали от радости. И конечно, поздравляли всех вокруг. Вы сейчас самый счастливый человек в мире!

Нететх Магдольна,
Уйвари Шари, Венгрия.

Просим Вашего разрешения называться гагаринцами.

Ученики 8-го «А» класса
школы № 12, г. Куйбышев.

Телеграмма Юрию Алексеевичу Гагарину от американских космонавтов:

«Шлем свои поздравления по случаю сделанного Вами важного шага в области исследования человеком космоса. Мы надеемся, что нам представится возможность получить всю имеющуюся информацию о Вашем полете...

*Малькольм С. Карпентер, Лерой Гордон Купер мл.,
Джон Г. Гленн мл., Вирджил Л. Гриссом, Уолтер
М. Ширра мл., Алан Шепард мл., Дональд К. Слэйтон».*

Дорогой мой товарищ!

Приветствую Вас по случаю свершения Вами подвига и весь героический советский народ.

Я от души рад этому. Мне как ветерану-большевику было особенно приятно узнать о Вашем подвиге. Ведь в 1918 году я плечом к плечу с моими русскими товарищами боролся за Советскую власть. И вот наступило то время, о котором говорил дорогой товарищ Ленин. Я могу сказать, что мы не напрасно боролись. В мире будет господствовать не буржуазия, а трудящийся народ. Пусть здравствует и процветает дружба между нашими народами!

Да здравствует герой майор Гагарин!

С приветом

Дьюла Матюш, Венгрия.

Я плакала от радости, когда узнала из газет, что Юрий Гагарин невредимый вернулся на землю после того, как завершил полет. Я смеялась, пела, танцевала, мне казалось, что, выиграв я сто миллионов, я не была бы так довольна.

Елена Рицца, Италия.

...Рады сообщить Вам, что улица, по которой мы едем в школу, названа сегодня Вашим именем...

Рижская ШРМ № 12.

Мы гордимся нашей Родиной, ее народом, нашей Коммунистической партией, которая дала крылья человеку, научила мыслить, творить. Восхищены тем, что наша Родина первой вышла на просторы космоса.

Экипаж парохода «Циолковский».

Дорогой Юрий Алексеевич Гагарин, мы, учащиеся специального ремесленного училища № 28, затаив дыхание, слушали о беспримерном в истории человечества подвиге, совершенном Вами. Мы восхищаемся и гордимся тем, что первым космонавтом является именно воспитанник трудовых резервов. Мы клянемся родной Коммунистической партии, Советскому родному правительству, Вам, родной Юрий Алексеевич, что будем еще лучше учиться, жить и работать по-коммунистически. Станем достойным пополнением героического рабочего класса.

Брест.

СТРАНИЦЫ ИЗ БИОГРАФИИ

Приехав в Москву, Юрий хотел поступить в Люберецкое ремесленное училище на токарное или слесарное отделение, но туда принимали с семилетним образованием, и он, сдав экзамены, стал учиться на литейщика — на это отделение брали ребят с шестиклассным образованием. Вскоре его определили к станку — учили специальности формовщика. Работа Юрию нравилась, он с удовольствием ходил на завод.

В ремесленном училище одновременно проходили теоретическую подготовку и практику.

Но это образование не удовлетворяло Гагарина, ему хотелось учиться дальше, окончить техникум, поступить в институт... И вместе со своими товарищами он поступает в седьмой класс люберецкой вечерней школы № 1.

Было трудно. Проучился Юрий всего один учебный год — 1950/51. Заметив его тягу к учебе, учителя предложили Гагарину поступить в Ленинградский физкультурный техникум, поскольку среди рабочих завода он зарекомендовал себя неплохим спортсменом, получал призы на соревнованиях. Юрий прошел отборочные испытания в Мытищах, на пятерку сдал последний экзамен и вернулся в Люберцы, где узнал, что можно поступить в Саратовский индустриальный техникум по его специальности.

Вместе с друзьями Юрий попросил у директора ремесленного училища дать им направление в этот техникум. Директор отнесся к просьбе ребят с пониманием, и с направлениями в руках друзья в августе 1951 года приехали в Саратов. Экзаменов в техникум сдавать не надо было — Гагарин окончил семилетку на «отлично». После сдачи пробы по производственной практике он был зачислен в техникум.

Юрий быстро завоевал авторитет у товарищей, его избрали членом бюро комсомольской организации. Общественной работы было много: он исполнял еще обязанности секретаря местного спортивного общества «Трудовые резервы».

После третьего курса, чтобы немного заработать, Гагарин поехал физруком в пионерский лагерь.

Наступил последний год учения в техникуме. Производственную практику Юрий проходил сначала в Москве на заводе имени Войкова, а потом в Ленинграде на заводе «Вулкан».

Одним из любимых предметов Гагарина была физика, в техникуме организовался физический кружок, участники которого выступали с докладами. Как-то Юрий взялся за тему «К. Э. Циолковский и его учение о ракетных двигателях и межпланетных путешествиях». И может быть, тогда, еще неосознанная, появилась у него тяга к небу.

Юрий знал, что в Саратове есть аэроклуб, но, чтобы поступить туда, требовалось среднее образование. Однажды стало известно, что в аэроклуб принимают четверокурсников техникума — и Гагарин в тот же день отправляется туда и подает заявление. Он прошел все комиссии. Начались занятия в аэроклубе — сначала теория полета, знакомство с устройством самолета и авиационного двигателя.

Очень напряженными были первые месяцы 1955 года: днем — занятия в техникуме, вечером — в аэро-

клубе. А тут еще подоспела защита дипломных проектов.

Гагарину досталась сложная тема — разработка литейного цеха крупносерийного производства. Кроме того, он должен был разработать технологию изготовления деталей и методику производственного обучения в ремесленном училище по изготовлению деталей.

Работая над дипломом, Юрий старался не пропускать занятий в аэроклубе. Там уже заканчивали изучение теории, сдавали экзамены. Очень хотелось поскорее начать учебные полеты.

Но до начала этих полетов нужно было совершить хоть один прыжок с парашютом. И вот — первый прыжок. В тот же день летчик-инструктор предложил полетать с ним на «яке», Юрий с радостью согласился. Так он впервые поднялся в небо.

Через несколько дней в техникуме прошла защита дипломов. Гагарин получил диплом об окончании Саратовского индустриального техникума с отличием. Государственная экзаменационная комиссия присвоила ему квалификацию техника-литейщика.

Теперь можно было идти на производство или учиться дальше. Юрий не знал, на что решиться. Его товарищи уезжали, а он никак не мог расстаться с аэродромом, бросить начатое дело. И когда в аэроклубе сказали, что курсанты отправляются в лагеря, Гагарин согласился туда поехать.

В лагерях — почти каждый день полеты. Наступил июль. В один из дней инструктор сказал Юрию:

— Пойдешь один. По кругу.

А на следующий день о полете Гагарина написали в газете саратовских комсомольцев «Заря молодежи», поместили его фотографию.

Юрий научился летать на «Як-18». В это время у него появилась мечта стать военным летчиком.

Осенью сдавали выпускные экзамены, Гагарин получил

все оценки «отлично». Ему дали направление в Оренбургское авиационное училище. От вступительных экзаменов в училище, как отличник, он был освобожден. Началась военная жизнь летчика Юрия Алексеевича Гагарина.

Из писем Ю. А. Гагарину

Горячо поздравляем с знаменательным событием в Вашей жизни. Ваши однополчане — авиаторы Оренбургского училища летчиков просили нас передать, что Ваш подвиг будет служить для них примером в овладении боевым мастерством.

Ваши бывшие летчики-инструкторы
капитан А. Колосов, Я. Акбулатов.

Восхищены беспримерным подвигом советского человека. Гордимся, что являемся гражданами СССР.

Студенты Тульского пединститута.

Первому хозяину космоса!

Вы настоящий человек. Не только настоящий человек, но и настоящий коммунист, герой нашего великого века... Подвиг, который Вы совершили, стал вечной гордостью всех советских людей, всего социалистического лагеря, в том числе нашей республики, всего прогрессивного человечества.

Вдохновленный Вашим героическим подвигом, наш народ с новой силой будет строить социализм в своей стране.

Учитель десятилетней школы
Шаравын Чукурн,
Монгольская Народная
Республика, г. Цецерлык.

12 апреля 1961 года является днем подлинного героизма в деле борьбы за мир. Полет майора Гагарина наполняет нас непоколебимой верой в великое будущее человечества, в победу добра в мире и дает нам новые силы для движения вперед. Сердечно поздравляем Вас и Ваш народ, гордимся тем, что наши народы связывает дружба.

Педагогический состав средней школы
повышенного типа, ГДР, Остенбург.

От имени Жюля Верна я, его племянница, высказываю восхищение вашим подвигом. Вы осуществили мечту Жюля Верна. Если бы он был в этом мире, несомненно, разделил бы радость вашей страны. Bravo! — от всего сердца. Я Вам желаю самого большого счастья.

Кристина Аллотт де ла Тюиж, Париж.

Вы научили нас, как каждый честный человек должен любить Родину, потому что только человек, который беззаветно любит Родину, мог совершить такой героический подвиг.

Мы, молодое поколение, благодарим советских людей за все их победы, потому что эти победы делаются во имя мира, счастья и прогресса всего человечества.

Такие дела способны совершать только советские люди под руководством Коммунистической партии Советского Союза.

Пионеры школы им. Вануарова,
Болгария, Пловдив.

Я полз по мерзлой земле от деревни Большая Береза до лесу — один километр — восемь часов. И за это время стал седым. Это нужно было для Родины, для победы.

Я склоняю свою седую голову перед тобой, Юрий!

Майор Дубровин Валентин Иванович,
пенсионер, г. Львов.

Мы думаем, что поздравить Вас и выразить Вам благодарность - это слишком мало, а поэтому в честь этого грандиозного подвига мы решили создать коллектив «Бригада социалистического труда» — это наша благодарность за Ваш подвиг. Одновременно мы, товарищ Гагарин, обращаемся к Вам с просьбой: разрешите нам наш новый коллектив назвать Вашим именем. А мы Вам обещаем, что Ваше светлое имя будет для нас образцом. Мы будем честно выполнять все обязательства, которые мы взяли на себя в этот исторический день.

Коллектив завода «Элите», ЧССР.

Герою космоса Юрию Алексеевичу Гагарину.

Я восторгаюсь Вашим подвигом и шлю Вам мои сердечные поздравления.

Ваш невиданный успех показал, что Советский Союз неоспоримо является ведущей страной мира.

Сердечный привет Вам, Советскому Союзу и его людям от одного из Ваших горячих поклонников.

Александр фон Винтхофен, Дания.

Горжусь подвигом моего бывшего пионера, ставшего пионером космоса. Желаю здоровья, счастья, новых успехов в покорении космических далей.

Бывшая вожатая школы № 1 города Гжатска
Надежда Ефимовна Писемская.

Трудно передать словами те чувства, которые охватили нас, когда услышали мы, что советский человек покинул нашу Землю с тем, чтобы открыть новую страницу в истории человечества, прославить нашу Советскую Отчизну.

Поздравляем тебя, Юрий, с беспримерным полетом!
Мы гордимся тобой.

Бывшие твои «одноклассники» по училищу.

ОН НЕ ПРОСТО МЕЧТАЛ

В. И. ГАГАРИНА

Идут годы. Время неумолимо. Но оно не властно над прошлым, затушевывать воспоминания... Вечер в авиационном училище. Музыка, кружащиеся в танце пары. И вдруг появляется группа военных курсантов-первогодков, стриженных, суетливых, возбужденных своим первым выходом «в свет».

Тогда мы впервые и встретились. Он пригласил меня танцевать. Вел легко, уверенно и сыпал бесконечными вопросами: «Как вас зовут? Откуда вы? Учитесь или работаете? Часто ли бываете на вечерах в училище? Нравится ли это танго?..»

Если откровенно, то первое впечатление от знакомства с Юрой складывалось как-то не в его пользу. Низкий, худощавый, голова большая, короткий ежик волос... Говорит быстро, после каждой фразы как-то двигает припухлыми губами, будто припечатывает слова. Очень подвижен. Кажется, будто он одновременно находится в разных местах.

Потом был другой танец, третий... В десять часов музыка смолкла. Он проводил меня до выхода (выходить за проходную училища им тогда не разрешали) и, словно мы уже обо всем договорились, сказал:

— Итак, до следующего воскресенья. Пойдем на лыжах.

Я промолчала: на лыжах так на лыжах. Уже дома подумала: «А почему я должна идти с этим «лысым» на лыжах? И вообще, почему он держится так уверенно? Знакомы мы всего один день...»

На лыжах мы не пошли. Не было самих лыж, не было и погоды. Пошли в кино. Не помню, какой фильм смотрели, но наши взгляды на него разошлись. Сначала спорили, доказывали друг другу свою точку зрения. Потом спор перешел на другую тему и тоже как-то не получился. Долго шли молча. Около нашего дома он, так же как и в тот первый вечер, сказал:

— Итак, до следующего воскресенья. Пойдем...

Вот тут он замолчал и посмотрел на меня. Посмотрел и добавил:

— Пойдем в гости.

— Это к кому же? удивилась я.— К нам, что ли?

— К вам.

Сказал он это просто, словно я сама пригласила его, словно мы давным-давно знаем друг друга.

Позднее, когда я лучше узнала Юру, мне стало ясно, что это одно из самых примечательных свойств его характера. Он легко и свободно сходилась с людьми, быстро осваивался в любой обстановке, и, какое бы общество ни собралось, он сразу же становился в нем своим.

В ту пору нам было по двадцать. Далеко идущих планов мы не строили, чувства свои скрывали, немного стеснялись друг друга. Сказать, что я полюбила его сразу, значит сказать неправду. Внешне он не выделялся среди других. Напротив, ребята-старшекурсники выглядели более степенно, прически их делали более привлекательными, девчонкам они нравились больше. Ну а мой кавалер?

Не сразу я поняла, что этот человек если уж станет другом, то станет на всю жизнь. Но когда поняла... Много было у нас встреч, много разговоров по душам, долго мы приглядывались друг к другу, прежде чем, объяснившись в любви, приняли решение связать навеки свои жизни.

Как он сказал о своей любви? Очень просто. Не искал красивых слов, не мудрил. Но такая безоглядность, такая окрыленность были в его объяснении и признании...

Мы стали встречаться чаще, думать о будущем.

— Любовь с первого взгляда — это прекрасно, — говорил Юра, — но еще прекраснее — любовь до последнего взгляда. А для такой любви мало одного сердечного влечения. Валя, — продолжал он, — давай действовать по пословице «Семь раз отмерь, один раз отрежь».

Я понимала, что такое его серьезное отношение к решающему жизненному шагу не имеет ничего общего с расчетливостью. Юре был чужд эгоизм. Он думал обо мне: не пожалею ли я, не спохвачусь ли, когда будет уже поздно передумывать?

Юра вообще больше думал о других, чем о себе. Это его душевное качество открылось мне еще задолго до того, как мы стали мужем и женой.

Среди наших семейных реликвий есть альбом для фотографий, который я подарила когда-то Юре. Многие журналисты цитировали слова, написанные на его обложке. Слова о том, что кузнецы своего счастья мы сами и что перед судьбою не надо склонять головы. Только почти никто не объяснил, почему появилась такая надпись.

А случилось так: в училище стали поговаривать о продлении срока учебы еще на год. Юра ходил хмурый. Для него этот год значил очень много.

Родителям его жилось тяжело, они едва сводили концы с концами. Но чем им мог помочь Юра, получавший курсантскую стипендию. Лучше бы, говорил он, после техникума вернуться к родителям в Гжатск, поступить там работать по специальности.

Юру утешали товарищи, утешала и я. Мы убеждали его, что время учебы пролетит быстро, а там он станет офицером и тогда сможет помогать родителям. Убедили мы его с трудом. Вот так появилась надпись на

альбоме, который я подарила ему в день его рождения, 9 марта 1957 года. Юра очень хотел стать летчиком, но ради близких ему людей он готов был пожертвовать даже любимым делом.

Таким он был в большом и в малом. Ему предлагали после окончания училища остаться в Оренбурге летчиком-инструктором, а он попросился на Север. Причуда? Нет. Он хотел стать настоящим летчиком, пройти через трудности, научиться летать в сложных погодных условиях. Север был самым подходящим местом для этого.

Решение правильное, логичное, но для Юры оно не было легким и простым. Ему очень хотелось, чтобы я поехала с ним, а это означало бы, что я не получу диплома фельдшера. Я уже решила для себя, что оставлю медицинское училище и поеду с ним, но он уговорил меня не делать этого.

Как он любил небо!

Небо... Необъятное, бездонное. Когда я впервые увидел небо с высоты птичьего полета, дрогнуло мое сердце. Открылась необозримая картина, которой я еще никогда не видел в своей жизни. Все было так неожиданно красиво. Я понял — это мой путь.

Так он говорил.

Впереди у него были еще сотни учебных полетов на Севере. Ему предстояло обрести свою небесную «походку» и свой «почерк» в воздухе, постигать различные науки, но уже в тот самый первый полет он понял, что выбрал верную дорогу. Авиация стала для него смыслом и содержанием всей жизни.

Юра учился в Оренбурге, когда и слово «космос», и сделанное на этом пути уже не воспринимались как нечто далекое, фантастическое. Когда запустили первый спутник, он восторженно сказал:

— Надо же! Вот штуку придумали...

Он считал витки спутника вокруг Земли, читал статьи в газетах и журналах, спорил с товарищами о том, что же

будет дальше. В училище космос стал предметом особых разговоров:

- Раз собачка полетела, то и человек скоро полетит.

— Скоро? Больно ты быстрый. Лет двадцать пройдет. Мы уж и летать перестанем, на пенсию уйдем...

-- А при чем тут мы? Первыми полетят ученые.

— Ученые учеными, а управлять надо пилоту...

Говорили о врачах, что им лететь первыми, говорили о водолазах-подводниках. Споры становились еще жарче, а мальчишки выглядели этакими фантазирующими знаатоками.

Юра тоже спорил, обосновывая свое мнение, и даже рисовал космический корабль.

Мечтал ли он тогда о полете на таком корабле? Не знаю. Вслух об этом не говорил. Много позже он скажет: «Да, мечтал. Но тут же гнал эти мысли: ведь в стране найдутся многие тысячи людей, подготовленных к этому лучше, чем я. Стоило ли думать о том, что совершенно нереально для меня, курсанта...»

После года теоретических занятий в классах и учебных полетов на винтовых самолетах курсанты стали летать на реактивных «МиГах». И снова восторг:

— Красивый, удобный, стремительный и маневренный! Отличная машина. Я ощущаю, как растут и крепнут мои крылья...

На Север он уехал один, а точнее, с товарищами по училищу. Так уж случилось, что расставались мы с ним в Москве, на Казанском вокзале. Мой поезд в Оренбург уходил чуть раньше, и Юра провожал меня.

- Не грусти, Валюша. Я буду очень ждать тебя. Скоро мы снова будем вместе...

А я волновалась: как там ему будет, как устроится, как начнет летать?

Служба на Севере — особая страница в нашей биографии.

Север стал испытанием для нас обоих. Приехала я

туда, к Юрию, после окончания своей учебы. Жить негде. Дом, в котором Юре обещали комнату, еще достраивался. Помогла одна знакомая учительница: она уезжала в отпуск и на это время предложила нам свою комнату. В ней и поселились, радуясь, что свет не без добрых людей.

Что сказать о нашем жилье? Все маленькое, все крохотное, все на виду, и все под руками. С вечера топится печка. За ночь тепло все-таки выдувает, и первым делом Юра отправлялся за дровами. В прихожей и того хуже: дыхни — в воздухе появится белое облачко.

Заголодев на морозе, Юра почти бегом возвращался в дом и брался за растопку. Как только занимался слабый огонек, печка сразу оживала, и скоро наша комната наполнялась веселым гудением, которое обещало вернуть тепло.

Юра поудобнее устраивался у печки и начинал листать какую-нибудь книгу, принесенную им с работы. Я садилась рядом и смотрела на пляшущие язычки огня. Казалось, что во всей Вселенной только два живых существа — он и я. За окном бушевала метель, в ледяном мраке виднелись неясные очертания таких же домов, как и наш. Похоже, что по такой погоде полетов не будет, но городок просыпался, оживал. Юра захлопывал книгу и говорил короткое: «Пора».

...Мы ждали ребенка. Юре очень хотелось, чтобы родилась девочка. В отпуске мы даже поспорили, какое купить «приданое»: розовое или голубое. Я хотела мальчишку и уже выбрала, как полагается для мальчика, голубое одеяльце, а Юра стал возражать: «Обождем, чтобы потом не менять». Когда меня положили в родильный дом, он звонил туда по нескольку раз в день. Надоел всем ужасно. Его узнавали по голосу, подшучивали над его нетерпением.

Однажды он позвонил очень поздно. Не успел задать свой «стандартный» вопрос, а ему говорят: «Ждете мальчика?» — «Нет, нет,— заторопился Юра,— девочку». — «Тогда поздравляем с исполнением желания: вы отец девочки весом семь с половиной фунтов». Юра стал благодарить. А через некоторое время он снова позвонил. «А что это такое, семь с половиной фунтов? Много это или мало?» — «Достаточно!» — ответили ему.

Он примчался в роддом. Возбужденный, счастливый. Хотел прямо в палату пройти, посмотреть на меня и на дочку. Очень огорчился, когда его не пустили. Немного успокоился, узнав, что подарки его и записку мне передадут.

А как он нас встречал! Дома навел образцовый порядок. Все приготовил, все предусмотрел...

С трепетом и величайшей осторожностью купал Леночку первый раз. Беспокоился: нормальная ли вода, теплые ли пеленки? Сам пеленал маленькое существо, носил на руках, укачивал, нашептывал тут же придуманные колыбельные песни...

Никогда не забуду жизнь в заполярном, далеком гарнизоне. Военная служба отнимала у Юры очень много времени, но и тогда, когда мы были молодоженами, и позже, когда родилась Леночка, он старался выкроить час-другой для меня, для семьи. Придет вечером домой и, какой бы ни был тяжелый день, весело кричит с порога:

— Принимай помощника!

И если не надо наколоть дров, сбегать за продуктами в магазин или принести воды, сразу направляется к детской кроватке. А только Леночка заснет, Юра за книгу. Читал он обычно вслух. Ему было приятно, когда я смеялась вместе с ним, слушая веселые чеховские рассказы, когда вздыхала, узнавая его и себя в героях «Ночного полета» Антуана де Сент-Экзюпери.

На Севере было время, когда Юра загрустил. Нет, не потому, что суровость этого края, лютые морозы, не-

проглядная ночная тьма и глубокий снег делали все, чтобы затруднить жизнь тех, кто служил здесь. Все это Юра воспринимал весело и не терял свойственного ему бодрого настроения. Удручало другое. Молодежь к полетам не допускали. Летали те, кто был постарше, опытнее. Молоденьких лейтенантов заставляли заниматься теорией, сдавать зачеты и ждать появления солнца, а вместе с ним и весны.

В марте полярный день стал теснить надоевшую темноту длинной зимней ночи. Еще звенел мороз по ночам, но уже чувствовалась близкая весна. Ребята начали летать. Юру словно подменили. Небо для него — это все.

Там, на Севере, пришла первая беда. Неожиданная, горькая. Погиб его тезка и друг Юрий Дергунов. Юра сильно переживал эту утрату. Они подружились еще в училище и, когда пришло время распределения, настояли, чтобы их направили в один и тот же авиационный гарнизон — на Север. Их просьбу удовлетворили, и вот... Несколько недель Юра ходил как потерянный, не спал целыми ночами напролет. Я понимала, что ему не помогут ни валерьянка, ни снотворное, и если предлагала лекарства, то лишь для того, чтобы хоть на минуту отвлечь его от тяжелых мыслей.

Но отвлечь его могло только небо. Наша авиационная часть жила полетами. Полеты днем, полеты ночью. Звнящий гул турбин, казалось, не смолкал ни на минуту. Юра уходил рано и возвращался домой лишь к концу дня.

Однажды он пришел озабоченный:

— Вызывают в Москву.

Из командировки Юра возвратился воспрянувший духом.

— Знаешь, Валюша,— сказал он,— мне предлагают новую работу.— И тут же добавил: — Правда, это пока неточно...

О новой работе он ничего не рассказывал, на мои вопросы отвечал односложно, а чаще вообще старался уйти от этого разговора.

— Зачем говорить об этом, когда нет определенности. Подождем...

Прошел еще месяц. Юру снова вызвали в Москву. А когда он вернулся, стоило ему открыть дверь, как я догадалась по его виду: пора собираться в путь-дорожку дальнюю.

Что же он делал в московской командировке? Что узнал? Что так воодушевило его, окрылило, подняло настроение? Задавать вопросы я не решалась: если можно, расскажет сам. Но, как каждое незнание, это рождало тревогу и, конечно, желание хоть немножко быть в курсе его дел и планов.

Промелькнуло недолгое северное лето, и наступила скоротечная арктическая осень. Солнце день ото дня все ниже склонялось к бугристому горизонту, укорачивая светлое время суток, словно напоминая о том, что очень скоро придет зима, суровая и затяжная, с колючей многодневной пургой и многомесячной ночью.

Наконец пришел вызов, которого Юра очень ждал. Было это как раз 8 марта. Назавтра уезжать, а у Юры день рождения. 26 лет исполнилось ему.

Собрались мы быстро — нехитрую наню мебель роздали соседям, а вечером сошлись друзья. Попрощаться.

— Буду летчиком-испытателем, — как бы оправдываясь, говорил Юра товарищам, — налетаюсь вволю!..

Я знала, это его давняя мечта — как можно больше летать.

— Пойду к морю, — сказал он, когда все уже было собрано. — Попрощаюсь с нашими местами. И с Юрой тоже...

На берегу было пустынно. Белая пена прибоя кружевом оплетала волну. Белые птицы с гортанным криком кружились над каменными выступами, садились на воду, снова взлетали, и казалось, этому движению моря, крику птиц и серому небу не будет конца.

Юра стоял молчаливый. И немножко грустный. Он вообще не любил расставаний.

Потом мы пошли на кладбище, к могиле Юрия Дергунова.

— Не знаю, когда приду к тебе еще,— сказал Юра тихо. Он сломал ветку сосны и положил ее на маленький холмик.

И вот Москва, маленькая комната в помещении казарменного типа, почти без мебели... По утрам подъезжал автобус и увозил ребят. Мы, жены, знали лишь то, что ехали они в научные учреждения слушать лекции. Какие и для чего, тогда не было известно. Постепенно мы стали понимать, что все их занятия, тренировки, прыжки с парашютом, другие упражнения преследуют определенную цель: кто-то из них станет первым человеком, который полетит на ракете.

Только тогда мне открылась его «тайна», которую он скрыл от меня.

Никто из ребят не знал, кто полетит первым, кто вторым, кто третьим. Все работали и учились дружно и настойчиво, помогая друг другу.

Юра занимался много. Сейчас и не перечислить, сколько ночей провел он за столом над книгами, конспектами, что-то выписывая, что-то просчитывая. Как-то раз он принес из библиотеки томик Циолковского. Читал увлеченно. Удивлялся: как можно было в начале века предвидеть и описать то, чем они занимались сейчас? Юру это восхищало. Он старался проследить путь развития космонавтики на годы вперед, как и Циолковский. Мечтал, фантазировал. В каждой проблеме он подмечал такие тонкости, о которых в ту пору даже не говорили. Словом, дотошности его можно было только позавидовать.

И в этом тоже черта его характера. Он понимал, что на новой работе его ждут не увеселительные звездные прогулки, увлскательные путешествия, а тяжелый труд,

который потребует напряжения всех его духовных и физических сил. И, отдавая себе в этом отчет, он упорно занимался. Не загадывая, он твердо хотел быть первым в учебе. Хотел и был им.

Вот в этом вся его натура. Ему везде одинаково интересно. Он охотно шел, куда бы его ни направили, чтобы найти там интересное дело для себя и крайне полезное дело для всего отряда.

В жизни каждого человека бывают дни и часы особых событий. Они становятся главными, их хранит память. Таким было для Юрия вступление в партию.

Готовился он к нему давно, еще когда был курсантом и учился в авиационном училище. Кандидатом в члены КПСС его приняли в полку, когда он служил на Севере. Помню, пришел домой гордый, сияющий и прямо с порога:

— Поздравь, все проголосовали «за».

— За кого? — спрашиваю.

— За меня. За то, чтобы принять старшего лейтенанта Гагарина кандидатом в члены Коммунистической партии Советского Союза.

— И никто не воздержался?

— Никто.

— А почему раньше не сказал, что это случится сегодня? — продолжаю допытываться.

— Сюрприз готовил, — отвечает.

...Прошел год. Мы уже жили в Подмосковье, когда у Юрия истек кандидатский стаж. Аккуратно вырвав из ученической тетради листок, не торопясь он стал писать: «В партийную организацию... Заявление...» И тут остановился. Задумался. Были у него нужные слова, родились они в его сердце, а сел за стол и засомневался: «Может быть, проще надо, короче?» Потом написал: «Прошу партийную организацию принять меня в члены КПСС... Хочу быть активным членом КПСС, активно участвовать в жизни страны и укреплении Вооруженных Сил СССР...»

Рекомендации ему прислали с Севера. Командир эскадрильи, в которой раньше служил Юрий, Владимир Михайлович Решетов писал: «На протяжении всей службы Ю. А. Гагарин являлся передовым офицером части. Политически развит хорошо. Принимал участие в общественных и спортивных мероприятиях. Взятые на себя социалистические обязательства выполнял добросовестно...»

Анатолий Павлович Росляков, он был секретарем партийной организации, которая принимала Юру в кандидаты, тоже хорошо сказал о нем: «Знаю Ю. А. Гагарина как исполнительного, дисциплинированного офицера. Летает грамотно и уверенно. Являлся членом комсомольского бюро части. Партийные поручения выполнял своевременно и добросовестно...»

Порадовалась я за Юру. Подумала: оценка тех, кто прошел испытание суровым северным небом, не может быть ошибочной. Наверное, заслужил он эти добрые слова.

В отряде космонавтов шли ежедневные занятия. Юра приходил домой поздно, порой задерживался в библиотеке, много читал. Как-то полунамеком обмолвился, что предстоит встреча с очень интересным человеком. Позднее узнала, что речь шла о Сергее Павловиче Королеве, Главном конструкторе.

16 июня 1960 года состоялось партийное собрание отряда, на котором обсуждался вопрос о приеме Гагарина в члены КПСС. Как ждал он этого события, как волновался! И я волновалась вместе с ним, ждала его возвращения, его слов: «Поздравь, все проголосовали «за».

Так оно и получилось.

...Вечером мама испекла пирог, и мы втроем пили чай. У Юры глаза светятся, и чувствуется, что этот день, это событие стали особыми в его жизни.

В этот же день Юра написал письмо отцу. Алексей Иванович давно мечтал, чтобы сын его стал коммунистом. И вот мечта обоих сбылась.

Мне он сказал:

— Отныне я частица многомиллионного авангарда советского народа.— Подумал и добавил: — Член великой партии Ленина.

...Как давно и как недавно все это было. В музее Звездного городка оставлена на вечное хранение красная книжечка с портретом Ильича и номером 08909627 — партийный билет коммуниста Гагарина.

Временами мне начинало казаться, что служебные дела в Звездном все больше и больше отнимают у меня Юрия. Я старалась делать вид, что не замечаю этого. И все же странная тревога порою овладевала мной, особенно когда он на недели совершенно неожиданно уезжал в командировки. Удивляло и то, что иногда он возвращался с работы неожиданно рано, в середине дня, но настолько усталый и вымотанный, что тут же валился на диван и мгновенно засыпал.

Сначала я не понимала всей сути его новой работы, не понимала, что скрывается за словами, которые слышала в его разговорах с другими ребятами, и очень уж абстрактными казались эти самые «сурдо», «невесомость», «вестибулярный», «шарик»... Но постепенно стало ясно, что все это имеет самое непосредственное отношение к нему, а стало быть, и ко мне, и к Лене.

Однажды совершенно случайно у него вырвалась фраза:

— Белка и Стрелка слетали неплохо. Скоро кому-то из нас...

Он не продолжал, но я поняла: значит, скоро пошлют человека. На мгновение стало страшно: «Может быть, его, Юру?»

Мне не хотелось расспрашивать его об этом. Не знаю почему, но я чувствовала каким-то шестым чувством, что и он не расположен к многословным разговорам о том, кто, когда, зачем. У него была работа. Напряженная. Трудная. И наверно, он просто не имел права рассказывать о ней в семье.

И все-таки я не сдержалась и однажды прямо спросила:
— А кто полетит первым? Ты?

Юра сперва отшучивался, а потом очень внимательно посмотрел на меня и сказал:

— Не знаю. Может быть, и я.

Его неопределенность меня немного успокоила: «Их двадцать в отряде. Почему именно он?»

На другие вопросы Юра тоже отвечал неопределенно, с шуточками.

Меня его тон стал злить. Я никак не могла понять, где тут шутка, а где правда. Но тревога не прошла. «Не хочет говорить, не надо,— подумала я про себя.— Может быть, все это лишь отдаленные планы». Само сочетание «человек и космос» в те годы представлялось далеким и фантастическим.

Первая встреча с «Востоком»...

Это было летом 1960 года. В один из дней Юра возвратился особенно возбужденным. Улыбка с губ не сходит, но молчит, а я чувствую, что ему не терпится поделиться своей радостью. Спрашиваю спокойным тоном, стараясь не проявлять любопытства:

— Сегодня что-нибудь интересное было или как обычно?

— А у нас все обычное интересно,— отвечает.

Я пожала плечами: ну ладно, мол, надо ужинать садиться. А он не отходит от меня. И те же огоньки в глазах. И счастье в них, и нетерпение.

--- Юра, что с тобой? Что было у вас сегодня? — стараюсь быть строгой.

— Ездили смотреть корабль.

— Какой корабль?

-- Космический. Тот самый, на котором полетит кто-то из нас.

Ноги у меня подкосились. Села на краешек стула и чувствую, что озноб начинается.

— Когда полетит? — едва выдавила из себя.

— Наверное, скоро.

— Ты? — спрашиваю.

— Не знаю... Об этом потом. Ты послушай, что я тебе расскажу. Мы были в конструкторском бюро, у Сергея Павловича Королева. Это Главный конструктор. Познакомились с производством. Оно идет полным ходом. А корабль — это не корабль, а шарик. Правда, большой... Главный конструктор с каждым за руку здоровался, знакомил со своими помощниками. Их много... Нас называли испытателями новой техники. Интересно рассказывал о развитии космонавтики, ее достижениях, о том, как к планетам полетим... Мы сидим, слушаем, а он все дальше и дальше поднимает нас к звездам... Потом прервался и говорит: «Ну ладно, вернемся с неба на Землю. Пока все будет очень скромно: полетит только один человек, и только на трехсоткилометровую орбиту, и только с первой космической скоростью, то есть всего лишь в восемь раз быстрее пули. Зато полетит кто-то из вас». Мы слушаем и молчим. А он обвел взглядом всех и сказал: «Первым может стать любой...»

Когда спросили, кто хочет взглянуть внутрь и посидеть в кабине, я попросил: «Разрешите мне».

— Разрешили?

— Разрешили. Всем разрешили...

И все-таки он полез в кабину первым.

Когда в размеренную, обыденную жизнь врываются минуты, до предела насыщенные событиями, переживаниями, человеку вдруг приоткрывается то, что люди называют смыслом жизни. И главное, он узнает цену себе и другим. Настоящую цену. Так было, когда отбирали группу для непосредственной подготовки к полету. В нее включили и Юру.

То был сложный для Юрия период. Сказывалось напряжение, физическое и умственное, а «второе дыхание» еще не наступило. И ведь знал, что будет нелегко, и, делая выбор, не устрасился трудностей, но поди ж ты: стоило

подумать, что его признают негодным для первого старта, и заколотилось сердце нетерпением. И сомнения рождали грусть. Но Юра не поддавался этим настроениям и не расслаблялся.

Чем дальше уходит от нас весна 1961-го, тем острее память. Мы, свидетели начала космической эры, интуитивно ощущаем необходимость воссоздать в деталях, в хронометрической последовательности события того времени. Не для себя, точнее, не только для себя, для последующих поколений. Юру окружали талантливые конструкторы, прославленные герои, прошедшие через суровые испытания войны с фашистами. Как много могли бы они рассказать мне, многое раскрыть, многое передать! Почему я не записывала их суждений, воспоминаний, не интересовалась подробностями их будней, не расспрашивала о том, что их волновало, тревожило, вселяло надежду, помогало работать и жить. Было время, я даже стеснялась заводить с Юрой разговор о его служебных делах: и там, на Севере, и здесь, в Звездном.

Так уж устроены все мы: рано ушедших из жизни видишь во времени, видишь ясно, теряя границу между «до» и «после». И жадно собираешь каждое новое слово о них, каждую подробность их прошлой жизни. А когда они были рядом, многое казалось таким несущественным, сугубо личным. Сейчас все воспринимается острее, значимее.

Он был неотделим от других ребят, шел одной с ними дорогой, делал одно с ними дело. В чем-то все они были похожи, эти непохожие люди, прибывшие в Звездный из разных мест, разные по возрасту, с разными судьбами.

Крутой поворот в их жизни наступил с приходом в Звездный. В сердце каждого была другая мечта, одна на всех. И требовала она от каждого упорства, мужества, воли и, конечно же, терпения. Умения ждать. Последнее было для них самым трудным.

Однажды Юра пришел домой позже обычного. Что-то сказал с порога, улыбнулся, снял тужурку и пошел мыть руки. Так было всегда. От чая отказался. «Зачем только грела?» — подумала про себя. За окном непроглядная темень осенней ночи. Ветер. По стеклам бьет дождь. Где-то тоскливо скрипит оторванное железо или это дверь в подъезде скрипит от порывов ветра. В такую ночь дети долго не спят, и я присела у Лениной кровати. Покачиваю, а думы уносятся в завтра: и стирка подоспела, и обед надо приготовить, и с ребенком погулять... Попрекаю себя, эту свою вечную спешку, занятость. От переезда в Москву ждала чего-то особенного. А были обычные будни.

Ближе к полуночи, когда Леночка так сладко посапывала во сне, вдруг вспомнила: «А где же Юра, почему не слышно его? Обиделся на что-то?..»

— Юра, что с тобой? Почему молчишь весь вечер? — спрашиваю.

В ответ молчание, и какой-то рассеянный взгляд, и мрачность на лице, и еще что-то, чего я не могу уловить.

— Не молчи,— прошу.— Тяжело мне, когда ты такой.

— Сегодня приезжал Королев,— начал он свой рассказ.— Был на лекции. Сел сзади и рассматривал каждого. О чем-то шептался с Карповым. Думаю, что о нас. Когда закончилось занятие, вышел вперед, сказал, что мы многое уже успели сделать. Хвалил начальство, хвалил нас. Сдержанно, но хвалил...

Юрий замолчал, отвел взгляд к темному окну.

— Значит, все хорошо,— говорю ему.— Отчего же настроение у тебя такое?

Он вздохнул:

— Настроение нормальное. Знаешь, что Сергей Павлович еще сказал? Скоро начнется главная наша работа, и уже пора подумать, кто полетит первым на космическом корабле.

Меня всегда охватывал страх, когда разговор о его работе переходил на подробности.

— Ну и кто? — не могу сдержать дрожь в голосе.

— Не знаю, — отвечает. — Он хотел услышать наше мнение. Назвал нас ореликами, каждого насквозь просветил глазами и спросил: по каким признакам будем выбирать первого?

— И какие же это признаки? — тороплю его.

— Разные, — ответил Юра. — Самые разные...

...В маленьком подмосковном городке продолжалась своя жизнь. Осень уступила свои права зиме, снежной и прохладной, но совсем не похожей на ту, к которой мы привыкли на Севере. Юра был очень доволен, что в поликлинике Звездного нашлась работа и для меня. По утрам мы выходили из дому вдвоем. Отводили Леночку в ясли, и каждый шел к себе на службу.

Юра приходил домой поздно, часто уезжал в командировки. О своих делах он по-прежнему не очень-то распространялся, а если я проявляла женское любопытство, отшучивался. Так и прошла зима: в работе, в тренировках, в домашних заботах.

Из командировок Юра писал не реже чем раз в неделю. Я нет-нет и перечитываю его давние письма, в которых что ни строка, то напоминание о Юриной заботливости. «Если тебе нравится платье, купи его. Вернусь домой — рассчитаемся с долгом...» «Больше учи Лену быть самостоятельной». «К одному из наших товарищей приехала жена. Я с Лешей Леоновым ездил на их встречу. А вообще-то лучше бы не ездил. Только расстроился, завидуя. Ну ничего, наша встреча будет лучшей, правда?» И под каждым письмом неизменное: «Ваш папа и Юра».

Недавно, перебирая старые бумаги, нашла Юрино письмо. Последнее. «Больше уж он нам не напишет». Страшная мысль, страшное мгновение... Юрий был для меня не только муж, отец моих детей, а друг, единомышленник, понимавший меня по одному слову, даже по выражению лица.

Впрочем, я о другом. В тот год все шло своим чередом.

Юра больше бывал на работе и меньше дома. В свободное время мы ходили гулять в лесопарк или смотреть кино, пристроив Лену кому-нибудь из знакомых или соседей. Вечерами Юра нянчил дочку, иногда, взяв спортивный чемоданчик, ходил на баскетбол. Был он спокойный, ровный, веселый. Как и прежде, предпочитал книги телевизору. По праздникам любил принимать гостей. Слушая веселые истории, смеялся звонко и заразительно. Ребята тянулись к нему и добродушно звали Гагарой.

Однажды (не помню сейчас, какой это был день и по какому поводу собрались у нас Юрины товарищи по работе) я невольно стала свидетелем вот такого разговора:

— Теперь уже скоро... Пойдет, наверно, Юра. А может, Гера или кто другой...

Это говорил один из ребят, кажется, Борис Воынов. Отвечал Юра:

— Ну и что же? Кого пошлют, тот и полетит...

Дрогнуло мое сердце. Молнией сверкнула мысль: «Что-то уж очень спокойно он об этом говорит. Наверное, уже все решено».

Нет, я больше не спрашивала его ни о чем. С работы он приходил все чаще, когда мы с Леночкой уже спали. Он тихонько открывал дверь, бесшумно раздевался, умывался холодной водой, с нежностью прислушивался к посапыванию дочурки, поправлял одеяльце и садился за учебники. Он готовился к государственным экзаменам. Я не мешала ему. В последнее время я заметно уставала: ждала второго ребенка. Лежала тихо и слушала, как шуршат страницы его конспектов...

Ночью он подходил к холодильнику, доставал что-нибудь поесть, закручивал кран на кухне, из которого капала вода и который он все время собирался починить, но... В то время его мысли были заняты другим.

Пришла весна 1961 года, 7 марта родилась Галочка. В родильный дом меня отвез Юра, возвращалась я с дочкой без него. Меня встретили Анна Тимофеевна и Светла-

на Леонова. Юра снова был в командировке. А когда прилетел, весь так и светился от радости.

— Весна, и имя дадим ей весеннее — Галчонок, — говорил Юра. — Согласны?

Он таскал ее на руках и напевал: «Галя, Галинка, милая картинка...»

Я догадалась, что радует его не только встреча с нами, но и нечто другое.

В конце марта 1961 года Юра улетел в командировку. Куда — не сказал. Объяснил только, что будет отсутствовать недолго — день или два. 25-го числа я услышала по радио, что состоялся запуск пятого корабля-спутника с собачкой по имени Звездочка. Подумала: наверное, он там.

Слово «космодром» я воспринимала как нечто абстрактное: что там и как, представить не могла. Не знала я тогда, что этим контрольным пуском подготовка к полету первого космонавта была практически закончена.

Юра вернулся возбужденным. Настроение у него было приподнятое. Но на вопросы мои он старался не отвечать. Все переводил разговор на другое, отшучивался. И только спустя полгода я узнала всю правду о том дне. Узнала от него.

— Целый день я ходил под впечатлением увиденного, — говорил Юрий. — Корабль уже успел облететь вокруг планеты и вернуться в заданный район. Уже специалисты — биологи и медики хлопотали над Звездочкой, великолепно перенесшей полет. А я все раздумывал над тем, что произошло на моих глазах и скоро, теперь уже совсем скоро должно было произойти со мной. В моих ушах все еще оставался услышанный на старте грохот, перед глазами все еще вздымались высокие волны пламени, в котором взлетела в небо ракета. Но это не пугало меня, а восхищало...

В Звездном городке работа шла своим чередом, но чувствовалось, что все живут в ожидании чего-то большо-

го, важного, значительного. Что это будет? Об этом не говорили. Юра томился каким-то нетерпением, никогда, казалось, ожидание не было для него так тягостно. Пробовал читать и откладывал книгу. Что-то писал в уединении. И только забавы с Леной и Галей отвлекали его от дум. С ними он шутил, придумывал разные игры. Несмотря на напряжение, в котором Юра находился все последние дни, он был собран, контролировал себя.

Неожиданно, очень неожиданно пришел тот последний вечер. Он должен был прийти. Юра ждал его. Подсознательно и тревожно ждала его и я.

Тот вечер... Мы пораньше уложили спать девчонок и после ужина долго разговаривали. О чем? Обо всем, но только не о полете. Вспоминали. Строили планы. Говорили о наших девчонках. Я понимала, точнее, чувствовала, куда и зачем он едет, но не спрашивала его. Он шутил, говорил о разном, но тоже сознавал всю нелепость этих «прятков». Ему трудно было скрывать свою причастность к предстоящему событию.

Странное дело, когда решалась его судьба о переводе в Звездный, о включении в отряд так называемых «испытателей», он волновался и переживал больше. А тут был спокоен, хотя и немножко рассеян.

— Береги девчонок, Валюша,— сказал он тихо и вдруг как-то очень по-доброму посмотрел на меня.

Я поняла: все уже решено и изменить ничего нельзя. Ком подступил к горлу. Казалось, не смогу сдержаться и расплачусь. Но я сдержалась. Даже улыбнулась, хотя улыбка получилась, наверное, очень грустной. Юра это уловил и быстро перевел разговор на другую тему.

Был вечер, потом ночь, потом утро, а мы все говорили, говорили и не могли наговориться.

Не помню, звонил будильник или мы встали без него. Утром он еще раз осмотрел свои вещи — не забыл ли чего? — щелкнул замком своего маленького чемоданчика. В соседней комнате проснулась и заплакала Галка.

Юра закрыл альбом и пошел к детям. Он осторожно и нежно перепеленал крохотное розовое существо с маленьким вздернутым носиком, и Галка опять безмятежно заснула. Я подумала: «А ведь неплохо у него это получается. Научился. Когда родилась Леночка, он долго не решался взять ее на руки. Боялся уронить».

Мои мысли прервал сигнал машины, которая остановилась под окном. Пора! Сердце сжалось в комочек и вдруг забилось сильно-сильно. Стало даже больно. Скрыть волнения я уже не могла. Это было выше моих сил.

Он отвернулся, подошел к окну и стал смотреть во двор. За окном было холодно. Он смотрел, растерянно щурил глаза, устало, невпопад переставлял на окне цветы и молчал. Потом стал говорить о погоде, о планах на лето, о каких-то покупках.

И вдруг обернулся и посмотрел на меня так, будто не понимал, о чем я тревожусь.

В комнате было тихо. Очень тихо. Дети спали. Пахло теплым молоком и глаженными пеленками. А за окном падал мокрый снег...

Юра нежно поцеловал девочек. Крепко обнял меня. На столе лежала вынутая из альбома фотография «с северного периода» с надписью: «Моей дорогой, моей родной Валечке от крепко любящего Юры. Пусть эта фотография в дни разлуки чаще напоминает обо мне и заменит меня. Пусть она хоть немного поможет тебе в трудную минуту».

Снова загудела машина. Я вдруг почувствовала какую-то слабость и торопливо заговорила:

— Пожалуйста, будь внимателен, не горячись, помни о нас...

И еще что-то несвязное, что сейчас трудно вспомнить.

Юра успокаивал:

— Все будет хорошо, не волнуйся...

И тут меня словно обожгло. Не знаю, как это получилось, но я спросила о том, о чем, наверное, не должна была спрашивать:

... Кто?

— Может быть, я, а может быть, и кто-нибудь другой...

— Когда?

Он на секунду задержался с ответом. Всего на одну секунду:

— Четырнадцатого.

Уже потом я поняла, что он назвал это число только для того, чтобы я не волновалась в канун действительной даты.

Юра шагнул к двери и остановился. На меня смотрели его чистые-чистые глаза. Смотрели очень ласково, очень тепло. В них не было ни смятения, ни сомнений.

Я приподняла его фуражку и легонько провела ладонью по высокому Юриному лбу.

— Все будет хорошо, Юрок! Ведь верно? Ты мне обещаешь?

Глаза молча ответили: «Обещаю».

...Необъятное, непостижимо огромное вмещает и обнимает человеческое сердце, и самое необъятное в нем то, что охраняется любовью. Он любил Родину нашу. Людей любил. Любил работу. Очень любил свою семью. И эти чувства не прятал в себе. Ведь радость тогда радость, когда ее дарят.

Для иных это, быть может, слова, а для Юры оставаться честным в своей жизни, не изменять себе, не лукавить и не лгать — необходимость, оплаченная всей судьбой. Подтверждением тому и это его письмо.

«Здравствуйте, мои милые, горячо любимые Валечка, Леночка и Галочка!

Решил вот вам написать несколько строк, чтобы поделиться с вами и разделить вместе ту радость и счастье, которые мне выпали сегодня.

Сегодня правительственная комиссия решила послать меня в космос первым. Знаешь, дорогая Валюша, как я рад, хочу, чтобы и вы были рады вместе со мной. Простому человеку доверили такую большую государственную задачу — проложить первую дорогу в космос!

Можно ли мечтать о большем?! Ведь это история, это новая эра. Через день я должен стартовать. Вы в это время уже будете заниматься своими делами. Очень большая задача легла на мои плечи. Хотелось бы перед этим немного побыть с вами, поговорить с тобой. Но увы, вы далеко. Тем не менее я всегда чувствую вас рядом с собой.

В технику я верю полностью. Она подвести не должна. Но бывает ведь, что и на ровном месте человек падает и ломает себе шею. Здесь тоже может что-нибудь случиться. Но сам я пока в это не верю. Ну а если что случится, то прошу вас, и в первую очередь тебя, Валюша, не убиваться с горя. Ведь жизнь есть жизнь, и никто не гарантирован, что его завтра не задавит машина. Береги, пожалуйста, наших девочек, люби их, как люблю я. Вырасти из них, пожалуйста, не белоручек, не маменькиных дочек, а настоящих людей, которым ухабы жизни были бы не страшны. Вырасти людей, достойных нового общества — коммунизма. В этом тебе поможет государство. Ну а свою личную жизнь устраивай, как подскажет тебе совесть, как считаешь нужным. Никаких обязательств я на тебя не накладываю, да и не вправе это делать. Что, слишком траурное письмо получается? Сам я в это не верю. Надеюсь, что это письмо... ты никогда не увидишь и мне будет стыдно перед самим собой за эту мимолетную слабость. Но если что-то случится, ты должна знать все до конца. Я пока жил честно, правдиво, с пользой для людей, хотя она была и небольшая.

Когда-то еще в детстве прочитал слова В. П. Чкалова: «Если быть, то быть первым». Вот я и стараюсь им быть и буду до конца. Хочу, Валечка, посвятить этот полет людям нового общества — коммунизма, в которое мы уже вступаем, нашей великой Родине, нашей науке.

Надеюсь, что через несколько дней мы опять будем вместе, будем счастливы. Валечка, ты, пожалуйста, не забывай моих родителей, если будет возможность, то помоги в чем-нибудь. Передай им от меня большой привет, и

пусть простят меня за то, что они об этом ничего не знали, да им и не положено было знать. Ну вот, кажется, и все. До свидания, мои родные. Крепко-крепко вас обнимаю и целую, с приветом ваш папа и Юра».

Далее следовала дата «10.04.61 г.» и подпись «Гагарин».

Я прочитала это письмо спустя много лет. Читая, решала про себя сложную задачу из высшей человеческой арифметики: что же стоит за этими словами? Минуты напряженности в тысячи вольт? Сомнения? Нет! Честность.

Честность... Да, пожалуй, это и есть то единственное, то незаменимое слово, которым можно наиболее емко и точно охарактеризовать Гагарина.

Уже потом, после полета, на отдыхе в Сочи, Сергей Павлович обронит фразу: «В решительные минуты жизнь находит наилучшего исполнителя своих замыслов» — и расскажет мне вот такую историю:

--- В своей жизни я повидал немало интереснейших людей. Гагарин — особо замечательная, неповторимая личность. В дни подготовки к старту, когда у всех хватало и забот, и тревог, и волнений, он один, казалось, оставался спокойным, даже веселым. Сиял как солнышко... «Что ты все улыбаешься?» — спросил я его. «Не знаю. Видимо, несерьезный человек». А я подумал: побольше бы на нашей земле таких «несерьезных» людей... Один случай меня особенно изумил. В то утро, перед полетом, когда Юрий одевался в свои космические доспехи, я заглянул в «костюмерную» и спросил: «Как настроение?» — «Отличное, — ответил он и, как обычно, с ласковой улыбкой произнес: — А у вас?» Он пристально вглядывался в мое сероватое, уставшее лицо — не спал я ночь перед стартом, и его улыбка разом погасла. «Сергей Павлович, вы не беспокойтесь, все будет хорошо», — сказал он тихо, но как-то «по-свойски»...

Профессор К. Д. Бушуев, работавший многие годы с

Главным конструктором, так рассказывал о тех апрельских днях:

— Когда выбор был сделан, я поймал себя на мысли, что Юрий Алексеевич еще задолго до возникновения планов разработки «Востока» словно был судьбой предназначен для первого космического полета, настолько он всем своим обликом соответствовал представлению о том, каким должен быть советский космонавт. Хотя несомненно, что и Титов, и другие стоящие рядом будущие космонавты сумели бы столь же успешно совершить этот исторический полет.

В дни непосредственной подготовки на космодроме корабля к полету как-то мало оставалось времени на раздумья о величии события, к которому мы приближались. И только в день пуска стало нарастать тревожное напряжение, особенно в последние часы, когда только члены стартовой команды еще не прекратили своей работы. Тревога не вызывалась какими-либо сомнениями в технике: корабль готовился долго и тщательно, и за это время у нас, участников разработки и подготовки корабля, укрепилась вера в него. Было глубокое убеждение, что Юрий Алексеевич сумеет сделать все, на что способен человек, чтобы выполнить возложенную на него задачу. И все-таки до сих пор подобное происходило лишь в сказках. Должен был совершиться «прыжок в неизвестное». Нервное напряжение охватило всех, никто не старался его скрывать, оно дошло до своего апогея к моменту команды «Ключ на старт!»...

Да, до той весны 1961-го подобное происходило лишь в сказках.

Для меня 12 апреля началось как обычно. Лену отправила утром в ясли, занялась Галочкой. Потом пришла Светлана Леонова. Она ждала ребенка и ко мне, «двухдетной» матери, приходила перенимать опыт.

Неожиданно стук в дверь. Открываю — соседка. Раскраснелась, захлебывается словами:

— Валюша, включай радио! Юра в космосе!

У меня голова пошла кругом — смотрю на соседку и никак не могу вспомнить ее имени, метнулась к приемнику и не могу его включить.

А потом началось в нашей квартире невообразимое, неопишемое. Прибежал Володя Комаров, нагрянули друзья, сослуживцы, соседи. Спрашивают, советуют, поздравляют. Сразу же приехали журналисты. Первым, помню, Василий Песков.

Поминутно открывалась дверь, входили какие-то люди, что-то говорили, жали мне руку. Не помню, что я им отвечала, что говорила. Я не могла разговаривать.

Голос диктора сообщал:

— Полет продолжается. Пилот-космонавт Юрий Гагарин чувствует себя хорошо.

Я крутила ручку приемника, чтобы увеличить громкость, но вместо этого сбивала настройку, снова крутила, утирала ладонью слезы и чувствовала, как сердце сжалось.

— Полет продолжается...

Хватаю тетрадку, карандаш, пытаюсь записать часы и минуты, его самочувствие, другие данные. Рука не слушается. Карандаш падает на стол. А люди что-то говорят, говорят...

Прошло двадцать пять лет. Подумать только: четверть века! А в нашей семье этот апрельский день каждую весну воспринимается так, как будто все это было лишь год назад.

Признаюсь, не сразу я поняла, что же сделал наш Юра, наш папа в тот день, 12 апреля. «Впервые в мире», — писали в газетах. «Впервые в мире», — говорили по радио. И всюду называли его имя.

Я вновь увидела его 14 апреля.

Как мы встретились? Что он говорил? Каким он был в тот день? Не помню. Все в тумане.

Я видела его со стороны: когда он спускался по трапу самолета, шел по ковровой дорожке, докладывал правительству. Он все время был в окружении, возбужденный, счастливый.

Да, тот день был ослепительно радостным: встреча во Внукове. Красная площадь. Кремль. Промелькнул он как одно мгновение. Вечером, когда мы наконец остались вдвоем, Юра, помню, подошел к зеркалу, окинул себя быстрым взглядом, дотронулся пальцем до Золотой Звездочки и смущенно сказал:

— Понимаешь, Валюша, я даже не предполагал, что будет такая встреча, ну слетаю, ну вернусь... А чтобы вот так... не думал. Вот посмотри.— И он протянул мне телеграфный бланк. На нем значилось:

«Высшая правительственная.

Советскому космонавту, впервые в мире совершившему космический полет, майору Гагарину Юрию Алексеевичу.

...Весь советский народ восхищен Вашим славным подвигом, который будут помнить в веках как пример мужества, отваги и героизма во имя служения человечеству. Совершенный Вами полет открывает новую страницу в истории человечества, в покорении космоса и наполняет сердца советских людей великой радостью и гордостью за свою социалистическую Родину...»

Уже дома, вглядываясь в его лицо, я старалась увидеть следы пережитого, следы, которые иногда говорят больше, чем может сказать сам человек. Но на лице Юрия, разве только немного обветренном и потемневшем от солнца Байконура, таких следов не было. Я думала, вот человек, который жил обычной и в чем-то размеренной жизнью, ходил на аэродром, возвращался домой, растил детей, если выпадало свободное время, уезжал на рыбалку, жил, не помышляя ни о каких приключениях. Они сами нашли его.

Впрочем, нет. Он конечно же помышлял.

И уж потом, когда все сбылось и успело отодвинуться в прошлое, когда самый первый, а потому, навсрное, и самый трудный космический маршрут был пройден, Юрий вдруг как-то остро почувствовал, что ему будет очень не хватать этого делового напряжения, постоянной готовности к чему-то очень важному.

...Наконец-то эта трудная неделя — неделя торжеств, приемов, митингов, встреч позади. В наш дом пришел по-настоящему семейный, веселый и интересный праздник. Об этом дне у меня осталось много добрых воспоминаний. Впервые мы собрались вчетвером: Юра, я, Леночка и совсем еще маленькая Галя. Сидим рядком, малышка на руках. Ничего-то она не понимает. Не понимает и Леночка. Неведомо им, что произошло. И у меня голова идет кругом. Все мысли сходятся на одном: вернулся, живой. Та же улыбка, те же озорные глаза. Шутит, смеется. Счастливый безмерно.

Меня радует, что мы одни. Только мы и больше никого. Как хорошо нам сейчас! И как хорошо, что все уже успокоилось. В воскресенье поедem в лес, будем пить березовый сок, собирать первые цветы, слушать щебетание птиц. Сажу рядом с ним и думаю о том, что у нас впереди. И еще о том, что иной раз была мрачна и сердита, нервна и ворчлива, трудно воспринимала людей, не разделяла их устремлений. И его, своего самого дорогого и близкого человека, порой не могла понять. Чего хочет он? Что ищет? К чему стремится в жизни?

На следующий день мы поднялись спозаранку. Тихонько, чтобы никто не видел и не увязался за нами, ускользнули из дома и — в лес. Весна. Налились земными соками почки берез, ели шуршат колкими лапами, бежит прозрачный ручей, и маленькая птичка порхает у воды. Голосок тоненький, как стебелек травинки...

— Земля... — мечтательно произносит Юрий. — Наша родная Земля...

Все у него вызывает радость, по лицу вижу, что в

любую минуту готов рассмеяться. Просто так, без причины. Ему хорошо в лесу.

— Знаешь, о чем я думаю? — вдруг поворачивает голову, а глаза полны восторга. — Хочу каждый день открывать мир заново.

Открывать мир... Порой мы много рассуждаем о прекрасном, хотя где-то в глубине души считаем его привычным. И этим обедняем себя. Красивое становится привычным лишь для тех, кто разучился удивляться. Юра не утрачивал эту способность.

— Послушай, — останавливался он и прикладывал палец к губам. — Тишина! До самых звезд...

Мы без усталости бродили по лесу, по полянам, тащили детскую коляску через трясины, сидели на пеньках, хмельные от весенних запахов и птичьих перезвонов, и блаженно шурились на солнышко.

— А тебя никто не ищет? — спросила и испугалась своего вопроса.

— Ищут, наверное, — ответил Юра.

— Тогда пойдем, — затормозила я.

Стараясь не ступать на слабые травинки, едва торчащие из земли, мы шли назад. Юра не искал кратчайшего пути. Встряхнувшись от зимнего сна деревья словно шептались ему: «Не уходи, не торопись».

Каким коротким был тот день! Уже тогда я испытала еще неясную, смутную тревогу от нашей незащищенности. От чего? От всего того, что свалится на его, да и на мои плечи.

И снова воскресенье. Утро. Подхожу к окну. Улица пуста, еще горят фонари, бросая на асфальт бледно-желтые круги. Юра уже уехал. У него рабочий день. Я крепко зажмуриваюсь и представляю весенний лес. И Юру, держащего Лену на плечах, и Галю в коляске, и прохладу ручья, и нежно-зеленые листочки... Как хочется, чтобы скорее пришел «наш» воскресный день!

Какое это, оказывается, сложное дело — быть первым

космонавтом. Я гоню грустные мысли. Стараюсь, чтобы, вернувшись, Юрий не заметил моего настроения. Я знаю: все будет хорошо. Впереди у нас целая жизнь.

Миллионы восторженных лиц, улыбок, объятий... Всюду, где его встречали люди, была прежде всего благодарность за то, что он всем землянам, всем живущим на разных континентах нашей планеты по-новому показал истинное величие духа советского человека.

Нет, он не считал этот подвиг своим. Я это знаю точно. И если бы даже такая мысль пришла к нему, он казнил бы себя за свою слабость. Никто никогда не видел границы, которая могла бы отделить его от тех, кто готовил и осуществлял полет «Востока», от людей, с которыми он жил и работал. Но этим бесконечно мало сказано, потому что редко кому так чуждо, как ему, было самолюбование.

Гагаринские 108 минут и многие (хотя мне они кажутся удивительно быстротечными и короткими) годы небывалого, ни с чем не сравнимого испытания славой. Она подстергала его всюду, не подкрадывалась, таясь, а обрушивалась многоголосым шквалом, парадным блеском, аккордами торжественных маршей. От вездесущих мальчишек, для которых он сразу же стал кумиром, до монархов и президентов – все были рады его рукопожатию, его автографу, его слову. С ним фотографировались, обнимались, ему дарили цветы, вручали ордена, провозглашали почетным гражданином больших и малых городов. Гагарин прошел через все эти испытания без головокружения, с той доброй и искренней русской улыбкой, которой он запомнился навсегда.

Слава, тщеславие... Взвесьте, легко ли в двадцать семь лет оказаться на виду у всей планеты?

«Почему все твердят: Гагарин! Гагарин! Гагарин!.. А Королев? Келдыш, Бушуев, Тихонравов, Воскресенский, Карпов? Тысячи людей работали на этот старт.

Тысячи. Рабочие, инженеры, конструкторы, медики. Я не знаю всех поименно, не всех видел — их очень много. Российская это слава, всего нашего Отечества», — говорил он мне. Но я знаю, что и себе он говорил то же самое.

Он должен был (иного права у него не было) всегда быть собранным, принимать верные решения, действуя одновременно стремительно, точно и, главное, осмысленно. Он знал, что на встречах, приемах, в ликующей толпе, журналистской аудитории по ту сторону океана могли быть те, кто не упустит случая придрататься к неточному слову, по-своему истолкует заминку с ответом, исказит смысл им сказанного. Юрий с честью выходил из трудных ситуаций. Не уклонялся от острых споров, не уходил от хитро заданных вопросов, умел поставить на место суетливого лихача. Без грубости, не теряя достоинства.

— Вы княжеского рода? — спрашивали его на пресс-конференциях.

— Нет, батрацкого, — отвечал Юрий и добавлял: — Для вас это неожиданно?

— Ваша цель? — новый вопрос.

— Служение Родине, народу, — следовал ответ.

— Пропаганда, — кричали ему из зала.

— Расскажите о вашей цели, я с удовольствием послушаю. Признайтесь, что вы космополит, что интересы соотечественников вас не волнуют... — не давал спуска Гагарин, и зал поддерживал его овацией и возгласами одобрения.

— Вы коммунист?

— Да, и горжусь этим.

— Сколько вам заплатили за полет, за риск?

— Скажите лучше, сколько бы запросили вы, если бы вам предложили первому полететь в космос?

И снова буря восторга. «Молодец, Гагарин! — кричали ему. — Bravo!»

— Всему, что я знаю и умею, меня научили другие, — говорил Юрий. — Мать учила ходить, отец — строгать дос-

ки, старший брат — колоть дрова и запрягать лошадь, сестра — читать и выводить первые буквы, учителя — терпению, инструктор — управлять самолетом, Маресьев — мужеству и стойкости, Пушкин и Горький — любви к России...

«Мы никак не можем, — говорил Юра, — позволить себе остановиться, расслабиться, почить на лаврах. Лавры прибережем для супа. А нам надо работать все больше и больше. Слишком много страна в нас вкладывает, и она вправе требовать от нас полной отдачи. И конечно, скромности».

Много было у него встреч. Очень много. Запланированных и случайных, неожиданных. И здесь раскрылась еще одна грань его личности — необыкновенный дар общения с людьми. С кем бы ни сводила его судьба, он был умным и интересным собеседником, внимательным и полемичным, порой ироничным, всегда собранным, умеющим парировать иные не очень доброжелательные высказывания в адрес нашей страны.

Награды, которых удостоили его, коммуниста, многие государства, были данью его подвигу. Ведь подвиг века — он и подвиг будущих веков.

Каким он стал потом, после полета? Для меня остался таким же, каким и был: добрым, чутким, непоседливым, веселым, обязательным. Именно обязательным. Не знаю почему, но от знакомых и близких, от сослуживцев и однокашников, от товарищей детства и даже совершенно незнакомых людей ему часто приходилось слышать не то напутствие, не то пожелание: «Не зазнавайся! Не поддайся славе!»

Вначале он воспринимал это с улыбкой, простодушно и спокойно. Потом стал недоумевать: «Почему слава и зазнайство обязательно должны идти рядом? Иль уж так свойственно зазнайство всем людям, которых слава коснулась своим крылом?» Я очень много наблюдала Юру со стороны, в общении с другими, на приемах правительст-

венного ранга и за маленьким столом в сельской избе, во время вручения наград и в душевных беседах с самыми простыми людьми. Для него не было этих разделений. Всюду, где бы он ни бывал, он был прост, держался естественно, непринужденно. Он не допускал и мысли, чтобы кто-то действительно мог упрекнуть его в зазнайстве.

Для всех, кто знал Юру до полета, он оставался прежним. А для тех, кто с ним впервые познакомился после 12 апреля 1961 года, он был точно таким, каким предстал перед всем миром в тот весенний апрельский день в первых газетных корреспонденциях, первых передачах по телевидению, на пресс-конференциях и в выступлениях, которых с каждым днем становилось все больше.

Поездки по стране, поездки за рубеж... Мне не всегда удавалось бывать с ним в этих путешествиях: оставить Лену и Галю на долгое время было нельзя. Вот и ждали нашего папу, следили за его маршрутами по газетам. В такие дни я часто размышляла о его полете: что же все-таки было с ним там? Что ощутил и пережил он на орбите?

— А страшно было, Юра? — спросила я как-то чисто по-женски.

— Страшно?.. Не знаю. Не думал об этом. Времени не хватило. Ведь всего 108 минут.

Сто восемь минут... Я часто пытаюсь соразмерить их с тридцатью четырем годами его жизни. Не знаю, можно ли сопоставлять события, которые отличны друг от друга, как, скажем, движение и покой? Но так или иначе, а день или год, прожитый человеком, не равен другому дню или году. Они равны вложенным в них человеческим усилиям.

Юрий всегда был там, где кипение жизни. Вычитанные у Горького слова о том, что есть только две формы жизни: гниение и горение, трусливые и жадные изберут первую, мужественные и щедрые — вторую, стали для него своего рода критерием поступков и дел.

Не знаю, не могу объяснить, как он успевал переделывать все то, за что считал себя в ответе. Он был членом

школьного родительского комитета и возглавлял техническую комиссию Федерации воднолыжного спорта, он был членом ЦК ВЛКСМ и президентом Общества советско-кубинской дружбы, он писал книги и выступал по радио, выполнял нелегкие депутатские и партийные обязанности...

Он учился, много читал, любил возиться с детьми, был внимателен к друзьям, он был очень занят работой. У него на все хватало времени, но не было этого — «от» и «до».

Домой он приезжал поздно: то заседания, то встречи, то выступление на каком-нибудь торжественном собрании. Юра поудобнее усаживался в кресле, потирал веки, как бы снимая этим усталость, и еще с минуту молчал. Он унаследовал мудрую привычку селян — взвешивать каждое слово. Семья и традиции, которые в ней сложились, выплывали его характер: научили ценить человеческую гордость, уважать старших, быть щедро гостеприимным. А мать Анна Тимофеевна подарила ему доброе сердце.

Были ли у него минуты, когда с высоты сделанного он оглядывал свой путь? По-моему, нет. По-моему, потому он и остался таким, каким был до полета, что не оглядывался. Он больше любил заглядывать вперед. И рассуждать.

— А что, если и правда когда-то человечество создаст мир, лишенный забот и необходимости? Будем ли мы, люди, счастливы, лишив себя нашего тяжелого и сладкого «земного груза»? Будет ли у нас стимул рваться в небо творчества, если снять с наших ног гири «земного притяжения»? Не иссякнет ли наша человеческая сила, если мы вытравим из своей жизни чувство причастности ко всему и ответственности за все? Омут оттого и покрывается ряской, что стоит. Нет, надо презирать тех, кто пусть молча, но проповедует «хату с краю»... И вообще я за коллектив, спаянный и прочный. Ведь это единственное место, где нас до конца понимают такими, как мы есть, и перед ним мы в ответе за каждый всплеск души...

Он любил книги. И в доме у нас их немало. Он покупал их при первой же возможности. Нет, не для «коллекционирования» и не для того, чтобы «смотрели» с полок красивые переплеты. Почти всю нашу домашнюю библиотеку он перечитал. Читал ночами или по воскресеньям. Делал закладки или отчеркивал места, которые ему особенно нравились, выписывал их.

Как-то прочитал у Паустовского в «Повести о жизни» такие слова: «С тех пор я окончательно убедился, что способность ощущать печаль — одно из свойств настоящего человека. Тот, кто лишен чувства печали, так же жалок, как и человек, не знающий, что такое радость...»

— Валя, послушай.— Перечитал мне вслух.— Интересно, правда?

И после паузы:

— Мне кажется, что человек, упражняющийся в остроумии, в осмеивании окружающих, лишает себя способности ощущать как настоящую печаль, так и настоящую радость...

— Это ты о ком? — спрашиваю.

— Есть такие. Они отчасти и сами это понимают. Но только отчасти. Они еще далеки от истинного понимания своей ограниченности, своего невежества. Согласись: чем умнее, культурнее, интеллигентнее человек, тем снисходительнее, мягче, добрее к людям.

— О ком ты? — повторяю вопрос.— Что случилось?

— Как-нибудь потом. Я просто хотел сказать, что интеллигент и интеллеktуал — это понятия разные.

Юрий впитывал в себя много и жадно. Не все. То, что он считал нужным.

Он знал историю легендарного партизана-разведчика Николая Кузнецова и ту надпись, которую он сделал на запечатанном письме перед выполнением задания, возвратиться после которого он не рассчитывал. Письмо это теперь широко известно. Помните: «Я люблю жизнь, я еще очень молод. Но если для Родины, которую я люблю, как

свою родную мать, нужно пожертвовать жизнью, я сделаю это. Пусть знают фашисты, на что способен русский патриот и большевик. Пусть знают, что невозможно покорить наш народ, как невозможно погасить солнце».

Читая, Юра не просто вбирал в себя информацию. Людские судьбы его трогали и волновали, заставляли задумываться, о чем-то грустить, чему-то радоваться. Но не это, пожалуй, главное. Книги рождали в нем чувства, которые он не мог хранить в себе. Ему нужен был собеседник, чтобы поделиться тем, что его удивило, показалось неожиданным, восхитило или открыло вдруг что-то новое.

Юра очень был привязан к Сергею Павловичу Королеву. При встречах, на которых обычно решались чисто служебные вопросы, Юра всегда находил момент, чтобы расспросить Сергея Павловича о том, как он пришел в космонавтику.

— Представляешь, Валюша,— говорил он мне,— какие бывают удивительные совпадения в истории. В год моего рождения вышла книга Королева «Ракетный полет в стратосфере». Тогда же состоялась конференция, на которой ученые обсуждали эти проблемы. Я беспомощно улыбался в своей колыбели, а Королев в этот момент говорил о перспективах полета человека на ракете.

Мне тоже доставляли огромное удовольствие встречи с этим замечательным человеком, у которого Юра многому учился: работоспособности, собранности, требовательности к себе и окружающим.

Сергей Павлович Королев иногда говорил возвышенно, цитируя кого-нибудь из великих. Скажет и посмотрит внимательно, словно спрашивает: ну-ка назови, кто это сказал.

— В искусстве, Валечка, как и в религии, тот будет, анафема, проклят, кто, видя грех и заблуждение другого, не захочет его остановить, образумить... Это не мои слова. Щепкина. Это он изрек: «Остановить и образумить...» А значит это быть озабоченным судьбой своего товарища,

Группа гирдовцев
у ракеты «ГИРД-Х».
С. П. Королев в верхнем
ряду крайний слева. 1933 г.

С. П. Королев выступает
в Московском энергетическом
институте. 1963 г.
Публикуется впервые.

Домик С. П. Королева
на космодроме Байконур.

Перед стартом
космического корабля «Восход».
1964 г.

С. П. Королев с летчиками-
космонавтами А. Г. Николаевым
и К. П. Феоктистовым. 1963 г.
Публикуется впервые.

С дочерьми Леной и Галей.
1968 г.

На пресс-конференции
в Доме ученых.
Москва, 1961 г.

Юрий Гагарин дома
в Гжатске среди родных.
1965 г.
Публикуется впервые.

Ю. А. Гагарин с группой
космонавтов. 1964 г.

В период подготовки
к полетам кораблей
«Союз-4» и «Союз-5».

Юрий Гагарин и Алексей Леонов
во время летной подготовки.
1967 г.

Ю. А. Гагарин в Центре
подготовки космонавтов.
1965 г.

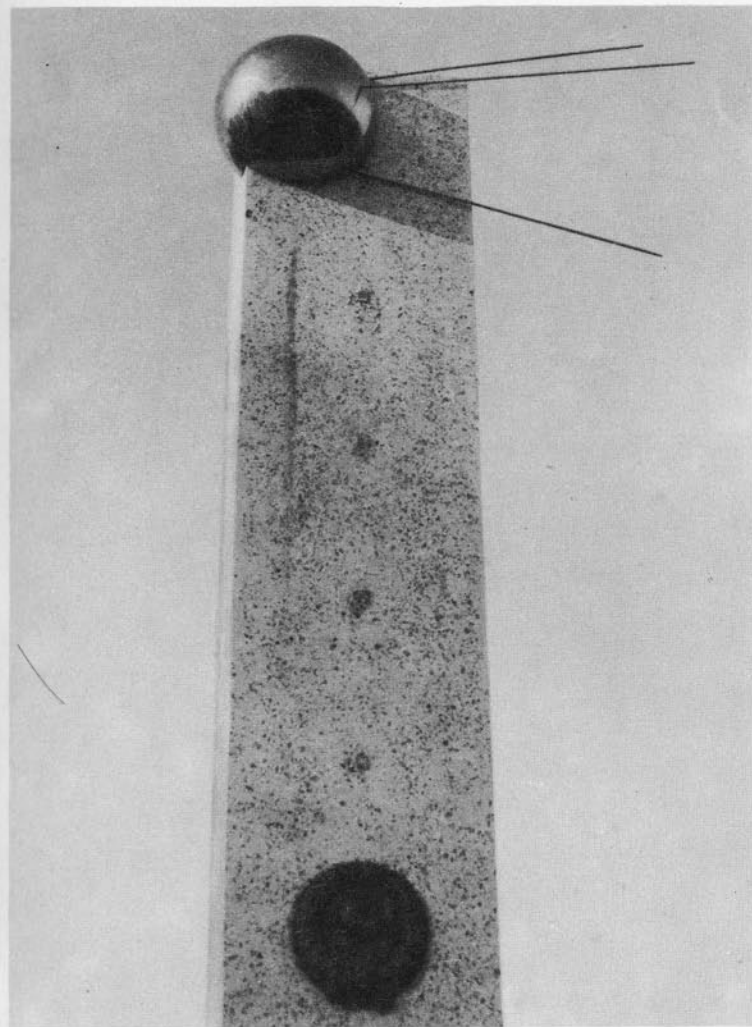

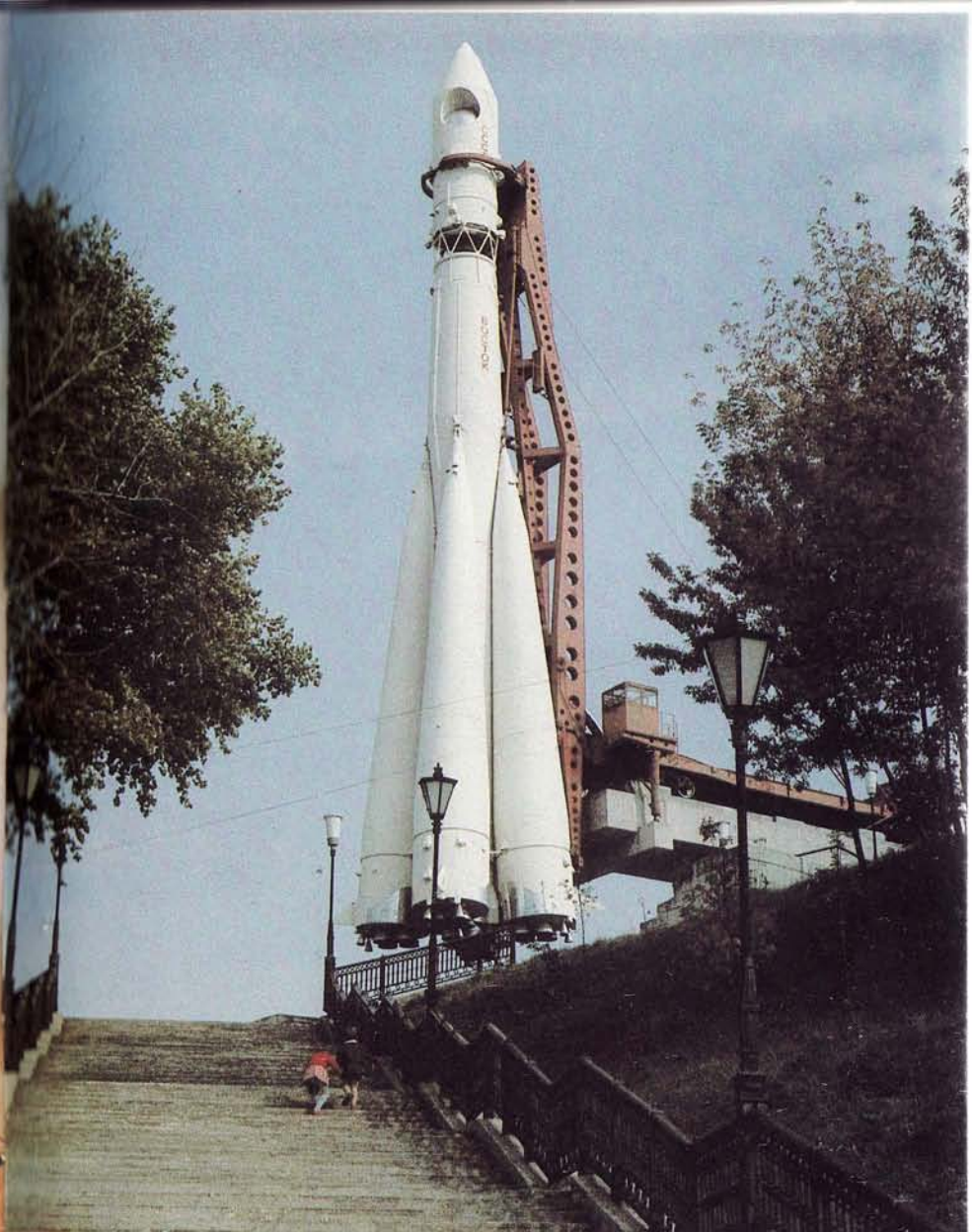

Ю. А. Гагарин в своем кабинете.
1968 г.

Аллея космонавтов.
Цветы Королеву и Гагарину.
12 апреля 1977 г.

Памятная стела
в честь запуска первого
искусственного спутника Земли.

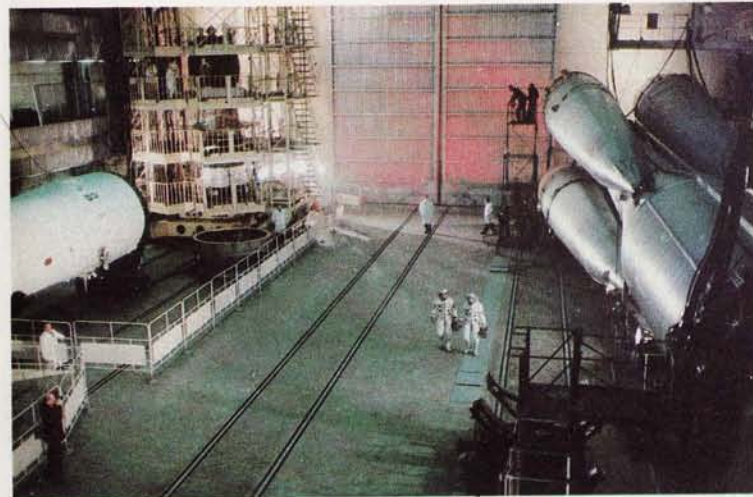

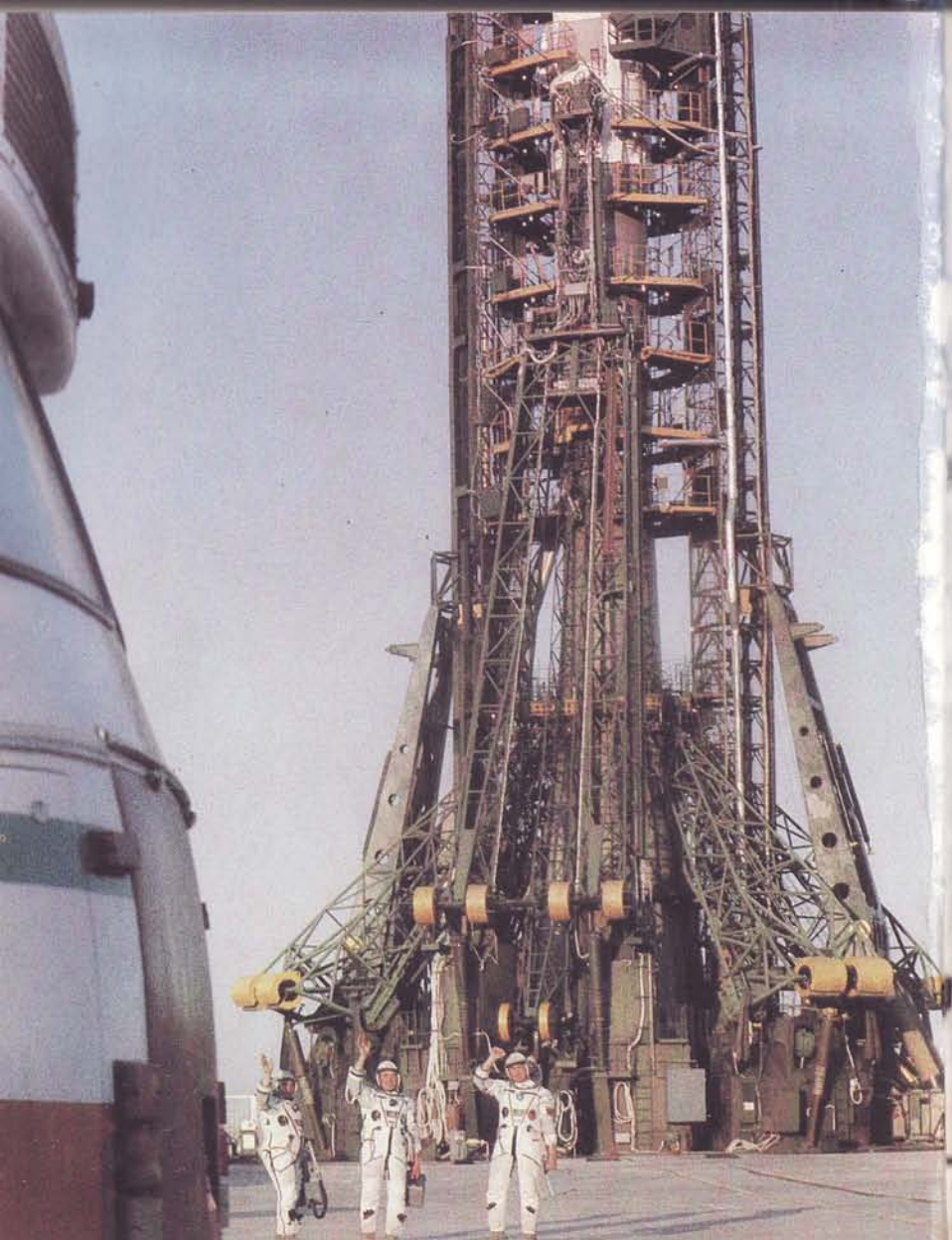
Подготовка к полету
ракеты-носителя с кораблем
«Союз».

Выход в открытый космос.

В монтажно-
испытательном корпусе.

друга, близкого человека, стараться уберечь его от ошибок, заблуждений, вовремя помочь добрым советом, критикой. Таковы бессмертные заветы великого учителя сцены. А обращены они ко всем нам. Ко всем и к каждому. Таков сокровенный смысл человеческих взаимоотношений, святая святых их добропорядочности...

Иносказательность Королева нетрудно было понять. Я промолчала, но потом спросила:

— У вас есть к Юре какие-нибудь претензии?

— Нет, — ответил он строго. — И надеюсь, что не будет. Человек он с головой.

Каждый день почтальон доставлял нам увесистую пачку писем. Писали дети и взрослые, школьники и студенты, солдаты и рабочие... Поздравляли, приглашали в гости, задавали вопросы, просили прислать автограф... Прошел месяц после Юриного полета, прошел год, два, а письма все шли и шли: с Дальнего Востока, с Камчатки, из Ленинграда и Харькова, Новосибирска и Томска, Риги и Таллина, Саратова и Ярославля... Из Италии и Франции, из Голландии и Бельгии, из Греции и Дании, из США и Индии...

Искренний восторг где-то соседствовал с завистью, мудрость — с ненавистью, удивление — с простодушием, гордость — с верой в будущее... Юрий любил читать эти письма. За ними стояли и судьбы, и нравы, и жизненные проблемы, и человеческие души...

Признаюсь, у меня не всегда хватало времени выполнять функции Юриного секретаря. Гале исполнился всего годик, Лена была старше, но тоже требовала внимания. Накормить, обстирать, погулять, убрать дома, множество других дел — ведь постоянно у нас кто-то бывал, кто-то приезжал на час-два, а кто и оставался ночевать. Словом, быть постоянным помощником по части Юриной корреспонденции я не могла. Но все письма Юра мне показывал или читал вслух. Советовался, что ответить.

Встречи с ним жаждали многие тысячи людей. Они

хотели услышать правду о Советском Союзе, о стране Ленина, наших достижениях в освоении космоса. Они хотели понять, почему русский человек стал первым покорителем Вселенной.

Однажды Юра признался:

— Я понимаю, что во мне видят нечто большее, чем я есть, и это большее — моя Родина, Советский Союз, наша борьба за мир, за дружбу всех народов планеты, за лучшую жизнь для каждого человека здесь, на Земле...

Европа, Азия, Африка, Америка, Англия и Франция, Япония и Цейлон, Канада и США, Бразилия и Куба, Индия и Швеция... И встречи, встречи, встречи... Тысячи вопросов, самых неожиданных, самых разных.

Кто знает, на скольких фотографиях и открытках оставил автографы Космонавт-1? Сколько деревьев посадил он на разных меридианах планеты? Сколько крепких рукопожатий ощутили его руки?

Гагарин открыл миру характер русского человека и такие его качества, как искренность, простота, человечность, интеллектуальное богатство, оптимизм... Н. П. Каманин рассказывал, как во время поездки по Великобритании (это было в Манчестере) к ним с трудом пробился сквозь толпу пожилой англичанин и спросил:

— Сэр, у вас все такие? — Он кивнул в сторону Гагарина.

— Какие? — спросил Николай Петрович.

— Как этот, — англичанин вновь показал на Юру и добавил: — Красив, умен, обаятелен, скромн...

Ответ был утвердительный, но кто-то из нашей делегации не удержался и добавил:

— Он коммунист...

Пожилой англичанин улыбнулся.

— Судя по всему, коммунисты замечательные люди. Во всяком случае, лучше на этой земле я не встречал. Ваша партия знает, кого она растит. Спасибо, сэр...

«Не устали ли вы от той известности, которую получило ваше имя после 12 апреля? Теперь, наверное, вы можете не работать?» — спрашивали его.

Он ответил:

— По нашим, советским взглядам, неверно разделять общество на людей знаменитых, которым их известность дает якобы право не работать, и на тех, кто еще не имеет такой славы и, значит, только потому должен трудиться... Что же касается известности, то от нее конечно же устаешь.

«Не смущает ли вас слава, которой окружено ваше имя?»

— Это не моя личная слава. Разве я мог бы проникнуть в космос, будучи одиночкой? Тысячи советских людей трудились над постройкой ракеты и космического корабля, на котором мне поручили полет. И этот полет — триумф коллективной мысли, коллективного труда тысяч советских рабочих, инженеров, ученых. Это слава нашего народа.

«Чем объяснить вашу жизнерадостность?»

— Тем, что я люблю жизнь.

«Вы знали, что получите за полет Звезду Героя Советского Союза?»

— Нет. И смею вас заверить, что об этом ни я, ни мои товарищи-космонавты никогда не думали. Для нас это был труд, работа, большая, серьезная.

...Поездки были интересными, но и утомительными тоже. Помню, в какой-то гостинице Юра вышел на балкон. Городские огни плыли где-то внизу, сверкала реклама, автомашины красными огнями чертили паутину улиц. Было тихо. Звуки почти не доходили до верхних этажей.

— Как это здорово, — сказал Юрий. И вдруг неожиданно добавил: — Мы тоскуем по самому разному, но больше всего тоскуем по себе. Да-да, по себе. Каким же сокровенным стало в наши дни уединение! И как приятно

пользоваться им после напряженного дня в этом чужом городе, когда рядом — никого...

Но это его настроение быстро проходило, и снова он тянулся к людям: к студенческим спорам, жизни пограничной заставы, к друзьям-летчикам, к горячим событиям заводской жизни, к детям... Воспоминания о прошлом, настоящее, размышления о будущем увлекали его. Он был тонким и наблюдательным исследователем характеров, умел анализировать факты, пусть схваченные порой мимоходом.

Есть люди, которые привыкли (а быть может, и сами стремятся к этому) ощущать себя лишь любопытствующими созерцателями происходящего. Они словно зрители интересной телепередачи. Со стороны все просто, судить обо всем легче, свободнее. Юра был не таким. Он должен был во все «влезать и вникать сам». Обязательно сам. Сверх того, он во всем стремился увидеть существо дела. Да и жизнь для него складывалась из радости открытия и преодоления.

После 12 апреля 1961 года жизнь Юрия, словно с места в карьер, сорвалась, понеслась стремительно. На такой быстрине как не быть крутым переменам!

Говорят, что труднее всего человеку преодолеть себя. Но, наверное, еще сложнее во всем оставаться самим собой, не терять лица. Он оставался таким.

Каждый раз, когда Звездный городок провожал на Байконур очередной экипаж, Юрий ходил в стайке еще безвестных кандидатов на полет и их дублеров, стараясь снять с ребят напряженность и скованность. Он смеялся, шутил, любил добродушно подтрунить над новичком. Весело хохотал, если кому-нибудь удавалось разыграть его самого.

Иван Михайлович Аржанов, врач Центра подготовки космонавтов, рассказал мне такой случай, происшедший на Байконуре в июле 1963 года. Готовились два старта: Валерия Быковского и Валентины Терешковой. В один из

предстартовых вечеров космонавты и их дублеры собрались в холле гостиницы. Каждый занимался своим делом: кто играл в шахматы, кто «болел» и не мог удержаться от подсказки, за что ему грозили наказанием, кто читал газеты. Вездесущий Николай Федорович Никерясов, которого называли «наш комиссар», появился, как всегда, неожиданно и прямо с порога начал:

— Есть анекдот! Новенький...

Все повернулись к нему, ожидая чего-то «остренького». Удовлетворенный вниманием Николай Федорович начал в лицах излагать услышанное. Анекдот был с «бородой». Собравшиеся терпеливо слушали, больше из такта, чем интереса. Только Юрий Алексеевич незаметно ускользнул в свою комнату. Он тут же вернулся и с видом полного внимания стал рядом с Никерясовым. Когда тот закончил, Гагарин молниеносно ухватил галстук рассказчика и, достав из-за спины ножницы, срезал его под завязку.

— Прошу прощения, но по устоявшимся законам у тех, кто рассказывает старые анекдоты, полагается отрывать галстук.

Николай Федорович опешил. Немая сцена длилась несколько секунд, и дружный хохот потряс холл.

Не смеялся лишь Никерясов. Ему предстояло идти к начальству. В военной форме и без галстука! Казалось, что шутка оборачивается маленькой трагедией. Растерянный вид Николая Федоровича прервал веселье. И тут же Гагарин вытащил из кармана новенький, защитного цвета галстук и протянул его Никерясову.

— Предупреждаю всех,— сказал Юрий Алексеевич,— это у меня последний галстук.

Его слова утонули в новом взрыве хохота.

Как-то поехали мы отдыхать на юг, а Галю оставили в Москве. Было жарко, и мы побоялись за нее — маленькая совсем. Он все переживал, ходил мрачный, молчал. Я ему предлагаю то одно, то другое, а он твердит свое: «Не

хочу, не хочу». Потом не выдержал: «Или возвращаемся все домой, или я полечу за Галкой». И полетел. Ночью при-сзжает с аэродрома, а Галя бросилась к нему: «Папочка! Папочка! Родненький!..» Он говорит, что прилетел за ней, а она не верит, плачет, не отпускает его от себя. Так и просидел до утра у ее кровати. Днем появляются в санатории. Оба сияют, не отходят друг от друга. Словом, начался нормальный отдых.

1 сентября 1966 года Лена пошла в первый класс. Юра напутствовал ее. Вручая красивый портфель, сказал: «Это для пятерок. Когда портфель будет полный, так что некуда больше положить, тогда закончишь школу». Потом, взявшись за руки, они потонали, веселые, счастливые. Трудно было понять, кто же идет учиться — он или она. И долго еще слышались их голоса. «Первый раз в первый класс...»

У школы он Лену отпустил, а сам остался в толпе родителей. Директор школы Федор Иванович увидел его: «Юрий Алексеевич, скажите что-нибудь ребятам». Тогда Юра вышел вперед и сказал:

--- Счастливы вы народ, ребята. И день у вас сегодня счастливый. Начинается новая страница в вашей жизни. Запомните, что все люди на земле, прежде чем стать летчиками, агрономами, рабочими, моряками, космонавтами, учатся в школе. А завет в школе один: быть дружными, заботиться друг о друге и хорошо учиться.

В школу он ходил часто. Нравилось ему бывать в «ребячьей республике», где прямо с порога его захлестывала веселая волна огромной семьи, которая снимала усталость, отодвигала заботы. На космических скоростях носились мальчишки младших классов. Завидев его, тормознут и глянут снизу вверх озорными глазами. Хохотушки-девчонки возьмут в окружение и защебечут доверительно о своих секретах. Долговязые подростки из старших классов, ловко маневрируя в энергичной, бурлящей толпе, спешат навстречу со своими бесхитростными расспросами. А из

дальних углов чинно раскланиваются десятиклассники. Они хотят собраться отдельно, чтобы «серьезно поговорить о серьезных делах».

Юра очень любил детей. Для них у него было время, было терпение, свой подход. Разными росли наши Лена и Галя. Старшую, когда она пошла в первый класс и врачи прописали ей носить очки (одно время считали, что у нее дальновзоркость), он называл Профессором, младшую — Чижилом. Однажды, наблюдая, как Леночка делает домашнее задание, Галя взобралась Юрию на колени и очень нежно попросила:

— Папочка, я тоже хочу учиться. Научи меня читать.

— А буквы ты знаешь? — серьезно спросил Юра.

— Не знаю. Ты учи меня без букв.

— Как это без букв? — с той же серьезностью удивился отец.

— Вот так, без букв. По слогам учи.

Юра достал букварь Лены, раскрыл его на первой страничке и стал показывать Чижику сочетания букв:

— Смотри: эти две буквы читаются как «ма». Ясно?

— Ясно.

— Это тоже «ма». Прочитаем их вместе: «ма-ма». Ну, что у нас получилось?

— Кошка.

— Как кошка?!

— Мама у нас уже есть, папочка, а кошки нет. Давай читать про кошку.

Юра расхохотался.

Кстати, о кошке. Юра ташил в дом все живое. Не для себя, для девчонок. У нас постоянно появлялись то птицы, то зверюшки.

Как-то утром вошла я в ванную, а там утята плещутся и утка вместе с ними. Я хотела вынуть их из ванны, а утка меня в руку клюнула. Юра долго смеялся надо мной.

— Лена, Галка, идите маму лечить, ей утята пальцы откусили.

Росли наши дочки, выросли понемножку.

О своем детстве Юра рассказывал:

— Мать растила нас трудно: мы болели, работы в доме было по горло, да еще война, а жили мы, как и все в те тяжелые времена, скудно.

И были в его рассказах самые задушевные, теплые слова о матери, Анне Тимофеевне.

А какие письма писал Юра Анне Тимофеевне! Адресованы они ей, потому не стану приводить их полностью, но вот лишь одна строчка: «...мама, я тебя так люблю, я так хочу целовать прожилочки на твоих руках. Спасибо тебе за все».

Он считал, что ребенок должен научиться уважать мать с раннего детства. И понимал, что в этом огромную роль играет отец. Если он уважает женщину в семье, то и дети будут уважать ее. Лене и Гале он подавал хороший пример.

...Я помню, он бывал порой грустным, чертовски усталым, расстроенным и даже злым. Но я не помню его равнодушным, безразличным.

Был у Юры очень тяжелый день. Это день смерти Сергея Павловича Королева.

Они очень любили друг друга. Юра собирал фотографии Сергея Павловича, берег его письма, записки.

«Ты знаешь, он очень строгий,— говорил мне Юра,— но с ним легко». Даже со стороны было заметно, что они хорошо понимали друг друга. Как-то Сергей Павлович был у нас дома, играл с девочками и слушал музыку:

— Хочу приобрести хороший магнитофон, Юра. Ты, я вижу, понимаешь толк в таких вещах. Посоветуй, помоги...

Юра пообещал. Обещание помнил, раздобыл особый экземпляр, собирался подарить его Сергею Павловичу

в день рождения. Но не успел и долго терзался потом.

Юра был очень привязан к Сергею Павловичу. А Королев учил его жизни, говорил, что жизнь нельзя разрывать на отрезки: вот дом, вот конструкторское бюро, вот испытательный полигон, а это общественная жизнь. Нельзя все это разделить. Юра тянулся к Сергею Павловичу, прислушивался к его советам и, когда узнал о смерти Королева, с болью сказал: «Сегодня я потерял отца и друга».

— Какое же это великое счастье — человеческий дом, — говорил он, возвращаясь из зарубежных поездок. — Дом, в котором тепло и живо. Просто тепло и живо. Тепло от живого сердца, которому есть для кого биться. Живо, потому что мы снова вместе...

Юра был принципиален, прост, открыт. Он ни от чего не уклонялся, не ограничивал себя необходимостью быть как все или быть не как все, когда ему было трудно, он не делал вид, что ему легко, когда ему было весело, он не притворялся, что сейчас не до веселья. Он открыто говорил, с чем не соглашался, и высказывал в глаза знакомым и друзьям все, что о них думал. И делал это не для того, чтобы обидеть или унижить человека, — чтобы поправить или исправить. Чтобы помочь.

Мои суждения о Юре могут быть пристрастными. И это объяснимо. Он вошел в мою жизнь по любви, чтобы остаться в ней навсегда. Я не соглашусь с теми, кто пытается идеализировать его, что-то приукрашивать, что-то упрощать. Тогда получается искаженный образ Гагарина. Чтобы в меру своих возможностей показать его таким, каким он был, я хочу привести несколько суждений тех, кто долгое время был рядом с ним, кто знал его или старался узнать, с кем сам он был откровенен.

Есть много высказываний о Гагарине. Не стану их делить на справедливые и несправедливые. Не все знали Юрия так близко и глубоко, чтобы иметь право судить

его слова и поступки. Сегодня некоторые из них публикуют о нем свои воспоминания, в которых стремятся представить Юриными друзьями, завсегдатаями нашего дома... Что-то не припомню, чтобы они бывали у нас, не слышала от него и добрых слов в их адрес. Но я не о них. Есть люди, которые прошли с Гагариным через все испытания. В числе их и Алексей Леонов, которого Юра шутливо называл Блондином. Он так сказал о Юре:

«В природе человека тяга к простоте, безыскусности, искренности. Изыск, сложность, манерничанье — это шелуха, а не главное в человеке, будь он трижды гением. Возможно, внимательные историки и биографы Юрия Гагарина найдут иные слова о главном в его характере, но нас особенно восхищала в нем какая-то бездонная сила и устойчивость простых человеческих качеств — честности, прямоты, общительности, трудолюбия. И даже такой полет, такая слава не могли ни на йоту изменить его в худшую сторону. А что греха таить, такое могло произойти с кем-нибудь другим. Полет лишь ярче раскрыл человеческий талант Юрия. Это особенно было заметно для тех, кто начинал с ним».

Вот слова Владимира Шаталова:

«Вспоминая о Юрии Алексеевиче Гагарине, я не могу обойти молчанием то огромное, чисто человеческое влияние, которое он имел на каждого из нас... Природа щедро одарила его, и у Гагарина было чему научиться. Возьмите хотя бы теперь уже всему миру известное гагаринское самообладание. Он спокойно спал перед своим полетом в неизвестное. А это не так-то просто: ожидание полета, даже самого обычного, труднее других ожиданий. Каждый космонавт знает: самое тягостное время — последние минуты на Земле, вне корабля. Но Юра показал, что и тут можно сохранять бодрость духа, оставаться веселым, спокойным, уравновешенным.

Таким он был и на самом, пожалуй, ответственном участке полета — при вхождении корабля в плотные слои

атмосферы, когда горит обшивка, когда космонавтом овладевает напряженное состояние ожидания: ведь до приземления остаются считанные минуты».

Большим праздником был для Юрия день 17 февраля 1968 года. В канун 50-летия Советских Вооруженных Сил он защитил диплом в академии имени Жуковского. Защищал на «отлично». Помню, с какой радостью и гордостью принес он домой синюю книжечку с Гербом СССР. «Если все будет хорошо,— сказал он,— через годок продолжу учебу. Пойду в адъюнктуру».

Не хлебом единым жив человек. Ему нужен «хлеб» человеческого общения, он нуждается в душевной участливости, в искреннем, уважительном отношении к опыту прожитых им лет, если, конечно, прожиты они не впустую. Его духовное самочувствие во многом, наконец, зависит и от того, сумеет ли он найти полезное приложение силам, в какой-то мере продолжить любимое дело своей жизни.

Юрий мечтал о втором полете, более трудном и более продолжительном. И не просто мечтал. Он боролся за это право и больно переживал, когда чувствовал, что на пути к этой его цели возводятся преграды, объяснимые подобного рода доводами: «А вдруг что случится с первым космонавтом...», «Первый космонавт — это символ», «Не надо рисковать» и т. п.

Юра куда-то звонил, к кому-то ездил, где-то доказывал свои права, требовал, настаивал. По его настроению, когда он возвращался, можно было понять, удачная была поездка или нет. Я старалась не задавать ему вопросов, но и не могла быть безучастной к его переживаниям. Я понимала его. Юра считал: если он отойдет от полетов, от подготовки к новому космическому старту, он предаст дело, изменит профессии.

Юра был искренен в своем стремлении. Как и вообще был бесхитростен. Ему встречались люди, которые бесконечно рассуждали о проблемах, но никогда не решали их. Мало того, нагнетая «проблемность», они любили тол-

ковать о сложностях, о безвыходности, об утонченности своих натур, о свойственной им «раздвоенности» в силу объективных причин или еще о чем-либо... Такие люди Юру настораживали, отталкивали. Он их не любил.

Трудным, очень трудным периодом было для него время, когда решался вопрос: запретят ему летать или нет? «А нужно ли вообще ему летать?» — спрашивают иные. Рассуждают и так: если бы предугадать, уберечь, не пускать... Надо знать Юру. Спорить с ним было бесполезно: он всегда доводил до конца все, что задумывал. Беречься, щадить себя для него значило не жить. Небом он «болел» неизлечимо.

— Как я могу руководить и готовить к полетам других, если не летаю сам? — говорил он.

И добился. После изрядного перерыва в плановой таблице занятий появилась его фамилия. Вновь замелькали листки календаря. Занятия на тренажерах, наземная подготовка, спорт, полеты на самолетах, прыжки с парашютом... Он мечтал полететь на «Союзе». Когда стартовал на этом корабле Володя Комаров, Юра был у него дублером...

Главным смыслом его существования, всей его жизни и работы было служение людям, партии, Родине.

Из писем Ю. А. Гагарину

Мы гордимся тем, что в космос взлетел первым именно советский человек.

Все население Чехословакии искренне любит советских людей и их славную страну.

В мае 1945 года они принесли нам самое ценное в жизни человека — свободу и мир. Приехали они на пыльных танках, переутомленные, но улыбающиеся. Чехи и словаки встречали их с букетами пахнущей сирени, только что расцветшей в наших садах. Вскоре уже она опять у нас рас-

цветает, и тогда мы, хоть и мысленно, будем вместе с Вами, и нам так захочется пожать руки многотысячным массам наших самых близких и самых дорогих братьев, наших освободителей. Нам кажется, что не случайно чудесные весенние майские дни являются днями нашей свободы, радости, мирного труда, днями песни, жизни и счастья и празднуются ежегодно.

Позвольте, пожалуйста, назвать нашу школьную группу чехословацкого союза молодежи, лучшую в районе, Вашим именем.

С дружеским приветом

ученики, ученицы и учителя
машиностроительного техникума
в г. Конрживинце, Чехословакия.

Личный состав теплохода «Тулома» Востокрыбхолод-флота поздравляет коллектив ученых, рабочих и служащих с выдающимся достижением советской науки.

Поздравляем также пилота-космонавта майора Гагарина Юрия Алексеевича с героическим подвигом, прославившим вместе с учеными Советский Союз в веках. Желаем Юрию Алексеевичу долгих лет жизни, здоровья. Предлагаем день 12 апреля праздновать как день космонавтов.

Борт теплохода «Тулома» — Тихий океан.

Дорогой товарищ Гагарин!

В сердцах миллионов людей на всем земном шаре Ваш подвиг так же велик, как Ваша Родина, как советское общество, к которому каждый хотел бы принадлежать.

Советская наука радостью наполнила наши сердца, дала нам то, что мы ожидали.

Вы с честью носите звание Человека с большой буквы. Поздравляю!

Элон Пешивац,
Южная Австралия.

Дорогой Юрий Алексеевич!

Поздравляю Вас с благополучным возвращением из космоса. Горжусь первым человеком-космонавтом. Я сложу о Вас песню и буду петь ее с большой любовью. Слава Вам, храбрый русский человек.

Заслуженная артистка РСФСР
Клавдия Шульженко.

Это, безусловно, победа всех советских инженеров, исследователей, ученых, которые заслуживают троекратного «Ура!». Это преимущества одного строя над другим, победа всего народа, который работал с такой смелостью. Именно поэтому я хочу присоединиться к овациям всего мира и хочу выразить восторг всей молодежи Франции.

Генриетта Ронэ,
ученица лицея «Виктор Гюго», Франция, Париж.

В Москву на имя Юрия Гагарина пришла посылка. Когда ее раскрыли, там оказались необыкновенной красоты тюльпаны. Алые и золотые, как чистые солнечные лучи, они были бережно, по одному упакованы в тонкую папиросную бумагу. А сверху — письмо на голландском и русском языках:

Высокоуважаемый господин Гагарин!

Позвольте мне, голландскому специалисту по выведению новых сортов тюльпанов, иметь удовольствие поздравить Вас с Вашим удачным полетом в космос. Настоящим сообщаю Вам, что в знак нашего восхищения в Голландии Вашим полетом мы дали одному из новейших сортов наших тюльпанов Ваше имя. Я надеюсь, что Вы не откажетесь принять от меня в знак уважения букет этих цветов, которые высылаю.

С глубоким уважением

Д. В. Лефебер, Голландия.

Ваш космический полет ясно подчеркнул ведущую роль Советского Союза в исследовании космоса. Этот беспримерный подвиг, который мог совершить только коммунист, вдохновляет нас на достижение еще более высоких производственных успехов. Наша бригада, борющаяся за звание «бригады социалистического труда», обязалась в честь Вашего грандиозного подвига еще интенсивнее осуществлять лозунг «По-социалистически работать, учиться и жить». Просим Вашего согласия на то, чтобы наша бригада носила звание «социалистической бригады» имени Юрия Гагарина. Твердо убеждены, что будущие великие свершения еще более подчеркнут ведущую роль Советского Союза в исследовании космоса.

С социалистическим приветом

бригада имени Германо-советской дружбы
котельного завода, ГДР, Галле.

Дорогой майор Гагарин!

Поздравляю Вас с полетом в космос. Ваш полет доказывает, что есть еще мужественные люди на земле.

Я надеюсь, что народы Вашей и моей страны поймут друг друга и будут жить в мире. Такие люди, как Вы, лучший залог того, что взаимопонимание будет достигнуто.

Оскар Сингентон,
США, Техас.

Дорогой друг, дорогие товарищи!

Как передать нашу радость в связи с подвигом Юрия Гагарина, первого человека Вселенной, подвигом вашего нового общества?

Мы с восхищением приветствуем беспрецедентное достижение в истории человечества, которое трудно выразить словами.

Чувство глубокой признательности, которое мы испытываем в связи с этим успехом нации, где власть принадлежит трудящимся, обязывает нас умножить наши усилия в борьбе за мир - - хлеб — свободу в нашей стране.

Если вы позволите, от имени трудящихся наших профессий в этом районе Франции мы братски целуем нашего друга и товарища Гагарина и в его лице всех участвовавших в этом грандиозном свершении.

Представители профессиональных
союзов строителей департаментов Эн, Изер,
Верхняя Савойя, Луара, Рона, Савойя.
Лион.

Коммунистическая партия Италии. Автономная федерация Триеста.

Дорогой товарищ!

Сегодня вечером Триестская автономная федерация КИИ организовала многолюдный митинг под лозунгом «Привет товарищу Гагарину!».

Присутствующие с энтузиазмом приняли следующее приветствие: «Товарищ Юрий Гагарин, выражаем тебе восхищение всего нашего народа поразительным успехом советской науки и культуры, исключительным мужеством, проявленным тобой, героем не только Советского Союза, но и всего человечества.

Мы гордимся тем, что первый человек, поднявшийся в космос, — молодой коммунист, человек, вдохновляемый нашими общими идеалами мира и прогресса, человек, воспитанный советским обществом.

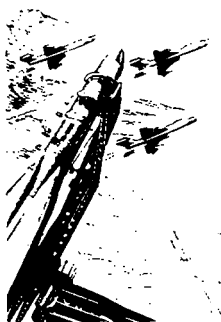
Твой славный и отважный подвиг стал символом безграничных, пока еще невообразимых, грядущих завоеваний человечества, а в особенности той его части, которая идет по пути социализма. Твой подвиг все больше и больше вдохновляет нас в нашей повседневной жизни и борьбе за

обновление нашей страны, за торжество прогресса и свободы народов, за мир во всем мире».

По-братски обнимаем тебя.
От имени секретариата *Паоло Сема*.

Я счастлива, что первым космонавтом стал коммунист, таким образом, дело мира находится в надежных руках.

Клодина Мори,
Франция, Париж.

«БОЛЬШОЕ ВИДИТСЯ НА РАССТОЯНЬЕ»

Г. С. ШОНИН

Иногда нас спрашивают: зачем нужна такая напряженная работа? Зачем мы работаем так, зная, что, в общем-то, работаем на износ? Но разве люди, перед которыми поставлена важная задача, большая цель, разве они будут думать о себе? Настоящий человек, настоящий патриот, комсомолец и коммунист никогда об этом не подумает. Главное — выполнить задание.

Юрий Гагарин

Для нас, космонавтов, нет ничего, что бы мы не отдали во славу и честь нашей Родины. Покорение космоса стало делом нашей жизни. И мы хорошо понимаем, что каждый новый полет за пределы земного пространства — это борьба, жесткая борьба с Неизвестностью, и, чтобы победить в ней, нужно отдать всего себя без остатка, как это делал наш боевой друг Гагарин.

Когда это было? С чего началось?

Я вспоминаю один из осенних дней теперь уже далекого 1959 года. Крайний Север. Синее, удивительно чистое небо. Ослепительное солнце. Безмолвные, заснеженные сопки, как часовые в тулупах, застыли по краям заполярного аэродрома. Мороз градусов под двадцать. Метет небольшая поземка. Все, как вчера, как год, как десять и, может быть, как сотни лет назад.

По тропинке, проложенной среди колючих сугробов, от аэродромного домика к штабу части идем мы — неболь-

шая группа молодых летчиков. Идем молча, углубившись в свои мысли и теряясь в догадках — зачем нас вызвал к себе командир.

В самом деле, зачем мы ему понадобились? Может, для вручения какой-либо награды? Брошенное кем-то шутовское предположение никто не поддержал. Оснований для этого ни у кого из нас не было. Летали мы, в общем-то, как и все, постепенно втягиваясь в суровые условия Севера. Особых заслуг не имели. Да и многие из нас только недавно перебрались сюда с Балтики, по этой причине нас окрестили «балтийцами». Случая отличиться как-то еще не представилось. Скорее не за наградой идем, а за нахлобучкой...

Сегодня понедельник. Припоминаем до деталей, до мелочей, как мы провели воскресенье.

Утром лыжный кросс на десять километров. Хоть мы, «балтийцы», и не лыжные люди, а показали неплохое время. Потом... традиционный хоккей с мячом до изнеможения. Вечером ходили в Дом офицеров на танцы. Что же еще? Ах, да! Кое-кто был приглашен на день рождения. Но к полуночи все вернулись в гостиницу. Так что и здесь вроде бы все в порядке.

У штаба встречаем нескольких летчиков из соседней части. Подхожу к одному из них, с лица которого даже в такой напряженный для нас момент не сходит добродушная улыбка. Это Юрий Гагарин.

— Жора, — обращается он ко мне, — вас что, из проруби, что ли, вынули? — и окидывает взглядом наши унылые физиономии.

Оказалось, Юрий тоже вызван к командиру.

Подходим к двери кабинета. Небольшая заминка: «Кому шагать первому?» Поняв, что «храбреца» не будет, Юрий предлагает идти гуртом, и мы, следуя его совету, все входим в кабинет и бодро докладываем:

— Товарищ полковник! По вашему приказанию прибыли! --- И называем свои фамилии.

Командир обводит нас взглядом:

— Да вы, собственно, мне и не нужны! Зайдите в соседнюю комнату, там с вами побеседуют.

Ну, это уже совсем другое дело! Стрелка барометра нашего настроения резко поползла на «ясно». Все заулыбались, посыпались шутки, в коридоре сразу стало шумно. Такое уже бывало. Залетали к нам иногда корреспонденты военных газет, чтобы, порасспросив час, а то и два о житье-бытье, напечатать потом пять строк о том, как «молодые летчики Н-ской части успешно осваивают программу летной подготовки».

И снова всей группой вваливаемся в соседнюю комнату. Однако нас вежливо попросили выйти и входить по одному. Но такой прием уже не смог испортить нам настроения.

Дожидаюсь своей очереди. Вхожу. Передо мной за столом сидят два пожилых человека, оба подполковники-медики в морской форме. Это несколько озадачило. Зачем я понадобился врачам?

Мне предложили сесть. Стали задавать вопросы. Разговор пошел на обычные, если можно так сказать, избитые темы: как идет служба, как летаю, привык ли к Заполярью, чем занимаюсь в свободное время, что читаю и так далее. Поинтересовались, как справляюсь с партийными обязанностями (я в то время был секретарем парторганизации эскадрильи).

— Возможно, мы встретимся еще раз, и наша беседа будет более основательной,— сказали мне на прощание.

Выйдя из кабинета, я встретил вопросительные взгляды товарищей, но ответить что-либо толковое не смог и только развел руками.

Весть о том, что врачи интересуются в основном молодыми летчиками, быстро распространилась по городку, и неопределенность, которой заканчивалась каждая встреча, естественно, начала порождать различные криво-

толки. Городок небольшой, ничего не спрячешь и не утаишь, каждый как на ладони.

Дня через два после первого отбора начался очередной тур собеседования. Меня подробно расспросили о летной подготовке, начиная с училища. Ответы слушали с большим вниманием, хотя на столе лежала моя летная книжка. Я настороженно ожидал, когда наконец мне зададут тот вопрос, ради которого сюда приехали эти люди. И вот меня спросили, как бы я отнесся к предложению летать на более современных типах самолетов? Так вот в чем дело! В то время авиационные части стали переходить на новые, сверхзвуковые истребители, и многие из нас завидовали счастливым, летавшим на них. С детских лет моим кумиром был Валерий Чкалов, и его девиз — летать быстрее, выше, дальше всех — стал для меня смыслом и целью жизни.

— Конечно, хочу! — отвечаю.

— Ну а если речь пойдет о принципиально новом типе летательного аппарата?

Я сразу же сник. Тогда создавалось много вертолетных частей, и, естественно, туда нужны были летчики. Такова уж судьба вертолета: в начале своего становления среди нашего брата он не пользовался особенной популярностью, и к этому воздушному «трудяге» пилоты относились с большой настороженностью и недоверием. Не та скорость, не те высоты... Стрекоза, да и только.

— Я летчик-истребитель, — говорю. — Я специально выбрал такое училище, где учат летать на реактивных, не...

— Да нет! Вы не так поняли, — успокоили меня. — Речь идет о дальних полетах, о полетах на ракетах вокруг земли.

Несмотря на то что уже тогда космическое пространство бороздил не один спутник, полеты человека в космос все еще относились к области фантастики. Даже среди нашей летающей братии о них всерьез не говорили.

— Вокруг Земли?.. — с сомнением переспросил я и, тут же поняв, о чем речь, с поспешностью добавил: — Я согласен.

-- Не чувствуется твердости.

-- Как не чувствуется? — заторопился я. — Вокруг Земли готов летать на чем угодно. Даже на ступе Бабы Яги и то бы рискнул попробовать. Но только чтобы ступа эта была сегодня, ну не сегодня, так завтра, долго не летать я не смогу. Я летчик.

— Об этом можете не беспокоиться. Полет человека в космос, несмотря на все ваши сомнения, не за горами. Но вам придется еще пройти очень серьезное медицинское обследование в Москве. Можете «споткнуться» на каком-либо испытании, и все ваши усилия окажутся напрасными. Не смущает вас такое положение?

Этот вопрос подводил итог нашему разговору. Он требовал от меня вдумчивости и отчета перед самим собой. Перед будущей работой.

— Я готов!

— Тогда ждите вызова в Москву. Желаем вам удачи!

Я шел к себе в гостиницу, пытаясь оценить все происшедшее со мной. Мои представления о космосе, о полетах на космических кораблях были почерпнуты из фантастической литературы. И вот эта фантастика становится вдруг явью, и мне, 24-летнему летчику Северного флота, предлагают принять в этом самое непосредственное участие! Да, здесь было от чего голове пойти кругом...

К вечеру узнал, что многие из тех, кто был на второй беседе, не получили приглашения на отборочную медкомиссию. Некоторые по разным личным соображениям отказались от предложения работать на новой технике, и нас осталось только шестеро.

Первыми в Москву уехали Юрий Гагарин и еще трое ребят. Я и Володя Вязовкин остались. Порой мы сомневались: вызовут ли, не забудут? А если и вызовут, то

какой будет эта комиссия — строгой или не очень? Вопросов множество, а ответов нет. Одни домыслы, предположения.

Но вот из Москвы вернулся мой старый, еще с училища, друг Алик Разумов. «Забраковали, — сказал он. — Не прошел. Допуск к полетам на самолетах без ограничений, а вот «туда» не подхожу». Он привез с собой первую информацию о программе медицинского отбора и о его первых результатах. Рассказ Алика нас растроил.

Через некоторое время прилетели еще двое. По их унылым физиономиям можно было догадаться, что и они вернулись ни с чем. Мы с Володей уже стали подумывать: может, нам и ехать не стоит? Но тут, наконец, возвращается Юрий. И по широкой улыбке, которой он еще издали встретил меня, я понял: прошел! Мы договорились вечером встретиться, и Юрий все по порядку, не торопясь расскажет.

Несмотря на то что я уже два года прослужил на Севере и давно знал Юрия, домой к нему попал впервые. Наша холостяцкая община жила единой семьей, и визиты к «женатикам» почему-то не пользовались популярностью. Там дети, нельзя громко разговаривать, курить... Поэтому для «мужских разговоров» мы обычно собирались в гостинице — холостяцкий быт попроще. Но теперь случай особенный.

Я вошел, осмотрелся. Обстановка более чем скромная и ненамного отличалась от той, которой располагали мы, холостяки. Юрий представил меня своей жене Валентине — застенчивой молодой женщине.

... А это мое потомство, — указал он на годовалую девчушку, стоявшую на диване и для устойчивости прижавшуюся к его спинке.

Юра подошел к дочке, осторожно взял ее за ступни ножек и потянул на себя. Девочка плюхнулась и залилась громким смехом.

— Знакомьтесь, Елена Гагарина! — торжественно произнес радостный отец.

Мне не терпелось начать разговор, а он все возился с дочкой. Я ждал. Но вот Валя пригласила нас к столу. Во время ужина Юрий начал свое необычное и очень долгожданное для меня и для Вали повествование о том, что ему пришлось узнать, испытать и пережить в Москве.

После рассказа о каком-либо сложном исследовании, видя, как «скисает» мое лицо, он подбадривал:

— Да ты не робей, Жора! Это только на первый взгляд все кажется страшным и сложным. Не боги горшки обжигают. Ты пройдешь, я уверен!

Говорил Юра подробно, не упуская деталей. Время от времени прерывался, брал Леночку на руки, подкидывал ее в воздух, делал ей «козу», от чего оба они заразительно смеялись. Валя с улыбкой наблюдала за ними. По всему чувствовалось, что это привычно, они любят такие минуты и дорожат ими. Поэтому я сидел молча, боясь чем-нибудь напомнить о себе. На душе у меня было как-то по-особенному тепло и радостно. Что-то необычное и новое открылось мне. И впервые в жизни моя вера в надежность и рациональность холостяцкого быта была поколеблена.

Ушел я от Гагариных за полночь. Медленно брел к себе в гостиницу по уснувшей, занесенной снегом улице. Я вдруг почувствовал себя спокойнее, так как уже знал, что ждет меня в Москве. И думал уже о результате, и о результате положительном. Мне очень хотелось быть среди тех ребят, о которых рассказывал сегодня Юрий и к которым отныне он принадлежал сам.

Меня вызвали в Москву только к концу ноября. Я мигом собрался, оформил документы, наскоро попрощался с друзьями и вот уже сижу в вагоне поезда.

Пасмурный ноябрьский вечер 1959 года. Выхожу на перрон Ленинградского вокзала. В Москве я впервые. Города не знаю. Мне нужно как можно быстрее попасть в Центральный научно-исследовательский авиационный

госпиталь. С помощью шофера такси наконец нахожу его в одном из укромных уголков Москвы. Из приемного отделения по коридорам и переходам, по крутой лестнице меня приводят в огромную палату, которая чем-то напоминает летнюю веранду. В ней расположено более двадцати коек, и только половина из них занята. Несмотря на поздний час и предупреждение дежурной сестры, в палате царит возбуждение. С моим появлением оно усиливается: еще бы, новый, свежий человек.

Практически весь день уходил на исследования. Наш первый отряд прошел через суровый и жесткий отбор. Уже для следующих кандидатов программа обследования была облегчена. Но самым первым пришлось испытать «медицинскую чашу» до дна.

30 декабря, ровно через сорок дней, комиссия признала меня годным для работы в спецгруппе.

Вот так или примерно так отбирали нас, молодых летчиков-истребителей, для того чтобы потом после тщательного медицинского обследования оставить два десятка человек для подготовки к первым космическим стартам.

На этот отбор ушло около полугода. В марте 1960 года первая группа, которую стали называть отрядом, в основном была сформирована. В нее вошли: Павел Беляев, Валерий Быковский, Борис Волынов, Юрий Гагарин, Виктор Горбатко, Владимир Комаров, Алексей Леонов, Андриян Николаев, Павел Попович, Герман Титов, Евгений Хрунов, я и еще восемь молодых парней из различных авиационных частей ПВО, ВМФ и ВВС. Кому-то из нас предстояло первому стартовать в неведомое, взять на себя огромную ответственность -- проложить человечеству путь к звездам.

С радостью, которая прямо-таки распирала меня, я спешил в родную эскадрилью, чтобы вместе с друзьями встретить Новый, 1960 год. Правдами и неправдами, на перекладных через сутки я оказался у себя в части. И в тот же день встретился с Юрием.

Увидев меня издали, Юра, робко улыбаясь, пытался по выражению моего лица угадать, с чем я вернулся. Я не выдержал и расплылся в счастливой улыбке. И мы побежали навстречу друг другу. Обнялись, как будто бы не виделись целую вечность.

— Я же говорил... Я знал... Я верил... — радовался он.

Теперь у нас с Юрием была своя тайна, и мы подолгу обсуждали не совсем еще ясное для нас будущее.

В конце февраля прошедших комиссию вызвали в Москву. Предстояло дополнительное короткое обследование. Когда мы его закончили, нашу группу принял Главный маршал авиации К. А. Вершинин. Мне запомнилась эта непринужденная, теплая беседа. Скорее, это было напутствие перед дальней и нелегкой дорогой. Константин Андреевич не скрывал трудностей, которые нас ожидали, не убаюкивал гладкостью нового пути. Спокойно, рассудительно рисовал он нам картину космического завтра.

На следующий день с предписанием немедленно рассчитаться в своих частях и прибыть в Москву для испытательной работы мы возвращались в родные полки.

Москва. Нам было приказано собраться 14 марта к девяти часам. В восемь я был у проходной, не решаясь переступить ее порог в одиночку. Наконец минут через двадцать около меня остановилась машина. Из нее вышел Андриян Николаев с двумя увесистыми чемоданами. Сравнив их со своим скудным багажом, я усмехнулся. Заметив это, Андриян сказал: «Поживи с мое, сынок!»

Этот день ушел на устройство. Все уже успели перезнакомиться еще в госпитале во время последнего медицинского обследования. В группе сразу же установились добрые, товарищеские взаимоотношения. А со следующего дня у нас начались плановые занятия: лекции, тренировки, исследования.

...Сразу после возвращения в Москву мы были приглашены на первую встречу с Главным конструктором Сергеем Павловичем Королевым.

Нас собрали в конференц-зале института. И вот вошел чуть сутуловатый, улыбающийся, с карими глазами человек. Поздоровался, сел и очень внимательно посмотрел на нас. Потом по списку стал называть фамилии. Названный вставал. Сергей Павлович задавал один-два вопроса, спокойно, но уже без улыбки выслушивал ответ и называл фамилию следующего.

— Рад, что познакомился с вами. Это наша первая встреча, но далеко не последняя. Нам предстоит с вами много потрудиться. Я думаю, что вместе мы справимся с поставленной задачей. Иначе и не должно быть! — подвел итоги встречи Сергей Павлович.

Нам довелось видеть Королева в различных ситуациях: и в трудные минуты, и когда дела шли наилучшим образом, во время различных встреч и бесед, на отдыхе и за дружеским столом. И всегда поражало то удивительное сочетание высокой требовательности к людям и вместе с тем большая чуткость и внимание к ним. К нам, космонавтам, он относился по-особому, по-отечески. Несмотря на огромную занятость, следил за каждым нашим шагом, интересовался учебой в академии, в которой мы начали учиться не без его содействия, ходом космической подготовки, личными делами. Ничего не ускользало из его поля зрения.

Приезжал в Звездный зачастую неожиданно, по крайней мере для нас, космонавтов. То на служебную территорию — узнать, как идет строительство Центра, оснащение его тренажными средствами, то в клуб — на торжественное собрание, то вместе с женой к кому-нибудь из ребят на семейное торжество. И если в служебной обстановке мы всегда чувствовали его твердую руку, то в «семейном кругу» он был общительным и доступным.

Помню, когда впервые в присутствии Сергея Павловича мне было предоставлено слово, я смутился. Взглянув на меня и поняв мое состояние, он улыбнулся и поощрительно подбодрил меня:

— Давай, Жора! Не посрами Одессу. Ведь среди присутствующих только ты и я по-настоящему знаем, что это за город!

Мне сразу же стало легко и просто.

Мы грезили встречей с космосом. Юрий и его дублеры (а тогда никто еще не знал, кто дублер, а кто — основной) занимались непосредственно подготовкой к первому полету, остальные летали на различных самолетах, прыгали с парашютом, «поднимались» в барокамерах, «грелись» в термокамерах.

Весна 1961 года. Близились события, которому суждено было войти в историю человечества.

И вот настал день, когда наш Центр подготовки как-то сразу обезлюдел. Все разъехались по своим местам: кто на космодром, кто на командно-измерительные пункты, разбросанные по всей территории страны. Выехали заранее, чтобы на местах провести заключительные тренировки групп управления.

12 апреля за четыре часа до старта мы все на рабочих местах. Во время проверки связи я слышал возбужденные голоса своих друзей, тех, что находились близко от меня, и тех, что за тысячи километров. Напряжение с каждым часом нарастало. Все на КП сосредоточились, подтянулись. Когда объявили пятиминутную готовность, нервы мои были, наверное, похожи на перетянутые струны гитары: только тронь — зазвенят!

Через несколько минут начнется необратимый процесс: управление запуском и стартом носителя возьмет на себя автоматика. Кто мог тогда точно сказать, что ждет Юрия в этой черной бездне, чем закончится его путешествие?

Я закрыл глаза и представил, как два мощных «пржектора» — науки и техники — скрестили свои «лучи» и в их перекрестии — вершина сигарообразного тела дымящейся ракеты. А там, на самом верху, на острие, в «Востоке», — Юрий. Как он там? Осознает ли, какую ответственность взвалил на свои плечи? Справится ли?

Конечно! Юрий не подведет! В этом все мы были глубоко убеждены.

И я уверен, что в тот момент он был самым спокойным человеком среди всех тысяч людей, ожидавших это событие. Потому что ему еще предстояла работа, к которой он столько готовился, в то время как остальным участникам первого запуска пилотируемого космического корабля — от Главного конструктора до техника, закрывшего за Юрием люк «Востока», оставалось только ждать.

«Нет, мы не знаем цены ожидания — ремесла остающихся на Земле!» Трудно не согласиться с Константином Симоновым.

Старт! Сто восемь минут вокруг земного шара. Сто восемь минут напряжения. Сто восемь минут томительного ожидания. Это были исторические сто восемь минут!

Когда нам передали, что космонавт уже на земле, он жив и невредим, мы бросились обнимать друг друга. Нашей радости не было предела. Напряжение последних дней искало выхода, и этим выходом была радость.

Чтобы немножко разрядиться и посмотреть, как на свершившееся реагируют люди, я вышел из машины, не доезжая до гостиницы, и пошел пешком через центр большого сибирского города. Помнится, меня обескуражило хладнокровие, с которым встретили сообщение ТАСС окружающие. Жизнь города текла по обычному руслу: ходили трамваи и автобусы, куда-то сосредоточенно спешили люди... И только яркий апрельский день радовался и салютовал происшедшему событию всеми своими красками. Как же так? Почему? Мне захотелось останавливать каждого встречного, тормозить его и кричать: «Понимаете, что произошло! Полтора часа назад человек покорил космос!»

Потом я понял. Люди не были равнодушны. В первые минуты и часы большинству действительно было трудно разобраться и оценить это событие. Фантастика! Сказка!

Как в нее поверить? Ведь ни в печати, ни по радио, ни

по телевидению вопросы практического освоения космоса подробно не освещались, о предстоящем старте заранее не говорили. А когда разобрались, всех захлестнул единый патриотический порыв. В этом я убедился во время встречи москвичами Юрия Гагарина. Тысячи людей, собравшиеся на Красной площади, радовались, смеялись и плакали от счастья...

Вечером Москва салютовала рождению новой эры в истории человечества.

Юрий Гагарин...

О Космонавте-1 написано и рассказано сейчас так много, что, кажется, и добавить нечего. Пишут писатели и журналисты, родные и друзья. Пишут те, кому пусть коротко, пусть раз, но приходилось встречаться с этим замечательным человеком. О, если бы все эти слова могли пернуть его нам! К сожалению, такого не бывает...

«Вся моя жизнь кажется мне одним прекрасным мгновением», — говорил Гагарин. И нам, его друзьям и соратникам, Юрина жизнь тоже кажется мгновением... Но это мгновение будет вечным в людских сердцах.

Мы свято храним память о нашем боевом друге. И где бы ни были, у себя ли на Родине, или далеко за ее пределами, с кем бы ни встречались, мы прежде всего говорим о нем, о славном русском парне, о Человеке с большой буквы, о Первом гражданине Вселенной.

Я благодарен судьбе за то, что на одном из перекрестков жизненных дорог она свела меня с Юрием Гагариным. Свела... И более десяти лет мы шли рядом плечо в плечо и вместе с небольшой группой таких же, как мы сами, парней трудились во имя одного важного дела. Мы были счастливы и горды, что стояли у истоков пилотируемых полетов в космос, что именно нам довелось начинать подготовку к первым космическим стартам и первым «на родную Землю со стороны взглянуть».

Нам повезло: мы родились вовремя! Пятью годами раньше — не подошли бы по возрасту, пятью годами

позже — пришли бы уже на проторенный путь. И в том, и в другом случае за нас это великое дело сделали бы другие.

Встретились мы с Юрием задолго до создания у нас в стране отряда космонавтов. Это произошло на Крайнем Севере, куда я приехал «для дальнейшего прохождения службы». К великой радости, я встретил там многих выпускников одесской спецшколы.

Первая труба оркестра спецшколы (в котором играл и я) Миша Андрейченко прочитал мне ознакомительную лекцию на тему «Что такое Север и с чем его жуют». К нему же я обратился за разъяснением, когда обнаружил, что в рядах «братской части» небольшая группа молодых летчиков носит не черную морскую форму, а форму летчиков ВВС.

— А, эти пехота! — с чувством собственного превосходства объяснил мне «морской волк». — Такие же северные салажата, как и ты. Из Оренбургского училища, — и даже не обратил внимания на то, что я обиделся и за себя, и за тех ребят, которых он называл пехотой.

Правда, на такой снисходительный тон он имел право. Прослужив несколько лет в Заполярье, Михаил успел побывать во многих переделках и летал как бог.

Через некоторое время в день открытия спортивного сезона в гарнизоне этот же Миша Андрейченко, теперь уже в роли капитана баскетбольной команды, ставит передо мной задачу:

— Забудь обо всем и держи вон того маленького! — и кивком головы указывает на самого низкорослого игрока из команды наших соперников. — Ростом он, правда, подкачал, но шустрый и верткий. Да и глаз у него верный. Ты с ним не заскучаешь.

После игры я подошел к своему подопечному. Мне понравилось, что во время игры он не обращал внимания на мои попытки задержать его, самого результативного нападающего.

— Да, доставил ты мне хлопот! Давай познакомимся. Георгий! Проще — Жора.

— А я уже слышал о тебе. Ты балтиец! Гагарин моя фамилия. Юрий Гагарин. А насчет игры учти: я сегодня не в лучшей форме. Вот встретимся в следующий раз — тогда держись, пехота! — и заулыбался белозубой улыбкой.

Он удивил меня этим словечком — «пехота». Оказалось, что сам Юра ни капельки не обижался на это произношение.

Позже, уже в отряде космонавтов, мы все привыкли к тому, что Юрий часто употребляет это слово, и по интонации определяли отношение Юрия к тому, кого он называл пехотой.

Помню, как один из ветеранов Центра подготовки, сверхсрочник Федор Демчук, обучавший Юрия езде на автомобиле, обидевшись, пробурчал:

— Никакая я не пехота. Я всю службу за баранкой сижу.

Хорошо, хорошо! — примирительно ответил Юрий. — Согласен — мотомехпехота! — Так и стал с тех пор Федор Демчук «мотомехпехотой».

Встречались мы с Гагариным в ту пору редко и в основном по дороге на аэродром, в Доме офицеров, на стадионе или на лыжне. «Привет!» — «Здорово!» — «Как дела?» — «Нормально». — «Ну будь». — «Буду». И шли дальше своей дорогой.

Все резко изменилось с того памятного осеннего дня, когда мы с Юрой оказались в числе шести отобранных на медицинскую комиссию в Москву для новой, неясной нам и от этого еще более заманчивой предстоящей работы.

Дружба наша окрепла в ожидании скорого и окончательного вызова к новому месту службы. В то время мы стали друг для друга единственными собеседниками и советчиками, ведь разговаривать о будущей работе даже с друзьями нам не рекомендовалось.

Приехав в Москву, Гагарин сразу же сдружился со всеми ребятами группы. Я удивлялся, как легко и естественно у него это получалось, так как сам схожусь с людьми медленно, не так быстро, как этого порой мне самому хотелось бы. Юрий стал своим и среди холостяков, и среди женатиков. И когда из отряда была выделена небольшая группа для непосредственной подготовки к первому полету, никого не удивило, что возглавил ее Гагарин.

Помню, с какой легкостью и непринужденностью Юра проходил все исследования и тренировки. И, даже сидя в самолете, с надетыми парашютами, за несколько минут до прыжка, он подшучивал над притихшими друзьями или подбивал Павла Поповича на какую-нибудь песню.

— Валера, подтягивай! --- поддевал он сидящего напротив и «загрустившего» Быковского, который не «подтягивает», находясь даже в самом прекрасном расположении духа. Действительно, в ту пору нам было не до песен, мы только приобщались к парашюту и еще не полюбили этот спорт отважных.

Сравнивая свои внутренние переживания и Юрину внешнюю реакцию на прыжки, я даже засомневался в себе и обратился к нашему храброму и напористому тренеру за разъяснением:

--- Николай Константинович! То, что вы не чувствуете страха перед этими обычными для нас прыжками, мне понятно. У вас их три тысячи. Да еще каких! О некоторых даже слушать страшно. Но меня удивляет Юрий. У него-то этих прыжков столько же, сколько и у остальных, — кот наплакал! И десятка еще нет.

— Чудак человек! Ведь эти шутки и песни у Юрия как защитная реакция. С их помощью он держит себя в руках. Да и вас заодно. И кто это тебе сказал, что я перед прыжком не волнуюсь? Ты что же, думаешь, что я из другого теста слеплен, железный? Нет, милый. Абсолютно ничего не бояться может только фанат, маньяк. Короче, человек с ненормальной психикой. Храбрый человек — это тот, кто

хорошо умеет управлять чудесным инстинктом, который заложила в нас природа. Инстинкт самосохранения, слышал? Не будь его, человечество исчезло бы уже на самой первой стадии своего развития. И вот для того, чтобы научиться хорошо управлять этим инстинктом, мы и занимаемся с вами такой насыщенной и сложной парашютной подготовкой. Понял? — и пристально посмотрел на меня колючими глазами. — И я сделаю из вас настоящих мужчин! — четко и энергично закончил он и, как бы ставя точку нашему разговору, больно ударил меня в плечо своим железным кулаком.

— Вот правильно! — добавил он, видя, что я выдержал удар. — И по улице нужно ходить так: уж если кто и зацепился за твое плечо, то он и должен отлететь в сторону, а ты продолжаешь идти прямо! — удовлетворенно заметил он.

После этого разговора я уже другими глазами смотрел на Юрины выходы. Я понял — это не бесшабашность, это линия поведения. И высокие результаты, которых он неизменно достигал на всех испытаниях и тренировках, подтверждали это. Было ясно, что он хорошо знает свои возможности и твердая вера в свои силы позволяет ему относиться к абсолютно новой для всех нас деятельности как к чему-то привычному и естественному.

— Делаю все, как учили! — с неизменной улыбкой выдавал он нам «секреты» своих успехов. И ни капельки бахвальства, ни капельки зазнайства.

Обычно, идя на какое-либо исследование или испытание, мы советовались с теми, кто уже прошел их, тщательно изучали их опыт и рекомендации. Поэтому, когда настала моя очередь садиться в барокамеру на длительное одиночество, решил поговорить с Юрием. Я слышал, что физиологи и психологи восхищались Юриным хладнокровием и спокойствием, устойчивостью его психики и крепостью нервов.

— Ничего особенного. Действуй, как учили! — ответил

он, но, заметив, что меня такой ответ не удовлетворил, обхватил рукой мои плечи и поспешно добавил: — Пойдем, сядем под ту березку и потолкуем не торопясь.

Мы уселись на пожухлую траву под начавшие желтеть березы. Их много в Звездном городке, и, как все русские люди, мы с особой теплотой и нежностью относимся к этим деревьям. Юрий долго молча смотрел в чистое, но уже по-осеннему блеклое небо. Потом неожиданно спросил:

— Скажи-ка мне, у тебя есть любимое состояние души, в котором ты можешь находиться бесконечно долго?

Меня удивил и несколько озадачил этот, казалось бы, не относящийся к теме нашего разговора вопрос. Но тем не менее, подумав, я ответил:

— Конечно. Я могу часами смотреть в небо или подолгу сидеть на берегу моря и не шелохнувшись слушать прибой. И еще я люблю смотреть на огонь костра. И тогда все вокруг исчезает. И мне обычно кажется, что я остаюсь один на один с небом, водой или огнем.

— И тебе никогда не приходило на ум, что во всех этих трех вариантах ты имел дело с одним и тем же объектом — тишиной? Ты слушал ее, тишину!

Я удивился такому заключению, хотя возражать не стал. Над этим надо было подумать. А Юрий продолжал:

— Иногда я целиком отдавался тишине, какую даже трудно представить. Я всегда любил тишину. Тишину раздумий, тишину труда... Жаль, что в наш энергичный двадцатый век мы все меньше обращаемся к ней, к тишине! — вздохнул Юрий и уже совсем другим тоном добавил: — Тебе предоставляется величайшая возможность пятнадцать дней мыслить и работать в абсолютной тишине, слушать ее, милую. Так что пользуйся случаем! Теперь понял, в чем дело?

Да, я, кажется, понял. Юрий открылся мне с какой-то совершенно новой стороны. Стало ясно, почему в классе, в автобусе, в лесу во время прогулок, даже во время физзарядки этот непоседливый человек мог вдруг умолкнуть

и отключиться на несколько минут от всего окружающего.

Юрий тренировался вдохновенно, с энтузиазмом. В то время мы еще не располагали такими тренировочными средствами, которые хорошо имитировали окружающую космическую обстановку. Поэтому качество тренировки в большой степени зависело от фантазии тренирующегося, от его умения домыслить, додумать не моделируемые стендами и тренажерами процессы и явления. И здесь Гагарин оказался на высоте.

Делясь с нами своим опытом подготовки к космическому полету, он говорил:

— Конечно, наши стенды и тренажеры позволяют (и мы должны!) все движения доводить до автоматизма, чтобы руки сами знали, что нужно делать в любом случае. Но... мы ведь не автоматы. Мы мыслящие существа. Домыслите то, что не может дать тренажер. Сидя в камере или тренажере, я представлял, что нахожусь в летящем космическом корабле. Я закрывал глаза и видел, как подо мной проносятся материки и океаны, как сменяется день и ночь и где-то далеко внизу светится золотая россыпь огней ночных городов.

Гагарин всегда видел перед собой ясную цель и шел к ней, не зная ни колебаний, ни сомнений. И когда один из контрольных полетов космического корабля «Восток», предшествующих полету человека, 1 декабря 1960 года закончился неудачно и «экипаж» в составе Пчелки и Мушки погиб, Юрий четко и конкретно выразил свое мнение и отношение к этому взволновавшему нас событию:

— Жаль спутник, в который вложены большие средства. Но в таком грандиозном деле неизбежны издержки.

С первых же дней пребывания в отряде мы внимательно следили за подготовкой американских астронавтов. Мы заочно знали каждого из семи отважных парней, отобранных для полетов на космических кораблях «Меркурий».

— А ведь рано или поздно кому-то из нас придется

встретиться с кем-то из них и поговорить обо всем виденном и пережитом. Уверен в этом. Космический полет может сблизить наши страны,— мечтал Юрий, выражая наше общее мнение.

И такой полет состоялся! Готовя его, нам пришлось не только разговаривать и делиться впечатлениями о выполненных полетах с нашими американскими коллегами, но и напряженно, дружно работать в течение двух с половиной лет. А в самом полете участвовали ветераны космоса — Алексей Леонов и Дик Слэйтон.

Как и предсказывал Юрий, не доживший до этого полета, подготовка к нему и сам полет внесли большой вклад в дело сближения наших двух великих государств, в дело разрядки напряженности.

А в работе нашего отряда все шло к своему логическому завершению. Успешно был выполнен последний контрольный полет «Востока», который «пилотировали» Звездочка (так окрестили по предложению Юрия забавную дворняжку) и «дядя Ваня» — манекен, удобно устроившийся в пилотском кресле корабля.

И вот Юрий и его дублеры, устанавливая традицию, перед отъездом на космодром пришли на Красную площадь, в Кремль... Они бродили в толпе москвичей, и никто не знал, что через несколько дней произойдет событие, которое потрясет мир, и что главным его участником будет один из этих трех старших лейтенантов в форме летчиков, беззаботно шагающих по весенней Москве.

На вопрос, что привело его на Красную площадь тогда, перед отлетом на космодром, Юрий ответил:

— У советских людей стало внутренней потребностью перед решающим шагом в жизни идти на Красную площадь, к Кремлю, к Ленину. Двадцать лет назад прямо отсюда, с парада, на защиту Москвы отправились полки ополченцев. На Красную площадь приходят юноши и девушки после окончания школы. Сюда приходят все советские люди и все наши зарубежные гости. Москва —

сердце нашей Родины, а Красная площадь — сердце нашей столицы.

С тех пор все экипажи космических кораблей, отправляясь на космодром, проходят и по этому земному, проложенному Юрием маршруту.

Перед отлетом наших друзей мы собрались всем отрядом, чтобы сказать им напутственные слова. Не удержался и я.

— Мы завидуем вам! Завидуем хорошей, дружеской завистью. Поэтому, оставаясь здесь, на Земле, всем сердцем будем с тем из вас, кому поручат выполнить первый в истории человечества космический полет,— обратился я ко всем троем, хотя мы предполагали, что полетит все-таки Юрий.

Он тоже попросил слова.

— Я рад и горжусь, что попал в число первых космонавтов. И если мне будет доверено выполнить этот полет, на выполнение этого ответственного задания пойду с чистой душой и большим желанием и выполняю его, как положено коммунисту.

Конечно, нам всем хотелось быть на месте Юрия. Еще острее это желание было у тех, кто прошел с ним непосредственную подготовку к полету. И, несмотря на это, в группе были самые добрые, дружеские отношения. Никакого намека на соперничество. Все делали одно общее и очень важное для страны дело. И все свои помыслы и усилия мы подчинили успешному завершению этого задания.

Для примера хотелось бы рассказать об отношении Гагарина к своему дублеру Герману Титову. В своей книге Юрий вспоминает их первую дорогу на космодром: «Герман Титов сидел ко мне в профиль, и я невольно любовался правильными чертами красивого задумчивого лица, его высоким лбом, над которым слегка вились мягкие каштановые волосы. Он был тренирован так же, как и я, и, наверное, способен на большее. Может быть, его не посла-

ли в первый полет, приберегая для второго, более сложного».

Когда настало время старта в космос Титова, Гагарин находился далеко от космодрома, в Западном полушарии Земли. Но всеми своими мыслями, всем своим сердцем он был на Байконуре. Услышав об успешном запуске «Востока-2», Юрий прилагает все свои силы и возможности и в непогоду вылетает на Родину.

Не отдохнув после утомительного перелета через Атлантику и Европу, он спешит на Волгу, в район приземления Титова. С какой радостью он обнимает и поздравляет своего друга!

«Я застал Германа Титова в знакомом двухэтажном живописном домике, в котором я отдыхал после своего возвращения из космоса. Сухощавый, гибкий, сильный и необыкновенно ловкий, он, несмотря на все тяготы суточного пребывания на орбите, дышал здоровьем, и только в красивых, выразительных глазах его чувствовалась усталость, которую не могла погасить даже улыбка. При виде его у меня дрогнуло сердце. Мы обнялись по-братски и расцеловались, объединенные тем, что каждый из нас пережил в космосе». Так пишет Юрий об этой встрече в своих записках.

Титов не был исключением. Юрия волновала судьба каждого из нас, и мы чувствовали эту заботу друга и командира (после полета Гагарина назначили командиром отряда космонавтов). Помню, однажды он спросил меня:

— Что делаешь сегодня вечером? Зашел бы, давненько не говорили с тобой по душам. Приходи, вспомним Север!

Я согласился и часам к девяти вечера пришел к Юрию.

— Поскучай минутку на этом диване, пока я уложу спать этих сорок,— извинился он. На руках Юрий держал дочерей, и они громко чмокали его в обе щеки на сон грядущий.--- Я пригласил тебя по серьезному делу. Намечается сложный полет. Кандидатура командира есть.

А вот напарником к нему я хочу предложить тебя. Знаю, парни вы оба строптивые и в этом полете вам будет нелегко. Но я хорошо знаю тебя и верю в твою выдержку. Не торопись, подумай. Через несколько дней мы вернемся к этому разговору,— так объяснил он мне цель своего приглашения. И, давая понять, что разговор на эту тему закончен, начал расспрашивать:— Ну, как Андрюха, растет? Как здоровье Софьи Владимировны?

И, услышав, что матери немного нездоровится, он, посетовав, вдруг неожиданно спросил:

— А какое у тебя самое приятное воспоминание о детстве?

— Я любил, положив голову на колени матери, слушать, как она, ласково глядя мои волосы, напевала мне песенку об усатом Феде-дворнике,— смущенно признался я.

— А я любил, когда мама, укладывая меня спать, целовала мне спинку между лопатками. В этот момент мне казалось, что я самый счастливый мальчишка на свете,— задумчиво сказал Юрий.

Нас всех поражал большой диапазон интересов, мыслей и чувств Юрия, а также средства и способы, которыми он их выражал. Вот пришло время сообщить жене об отъезде на космодром, и он как бы мимоходом бросает:

— Готовь чемодан с бельишком. Лечу в космос...

В этих словах и простота, и шутка, и забота о Вале. Ему не хотелось, чтобы она волновалась, и, отправляясь на такое серьезное задание, Юрий ведет себя так, будто уезжает в самую обычную командировку.

А стоя у ракеты за несколько минут перед стартом и чувствуя всю важность предстоящего события, он произносит слова, которые мог произнести только верный сын своей Родины, слова, которые, по его же признанию, он никогда не употреблял раньше в обиходной речи. Эти слова падали в сердца его друзей и соратников, в сердца всех наших соотечественников, всех людей планеты.

— Дорогие друзья, близкие и незнакомые, соотечественники, люди всех стран и континентов! Через несколько минут могучий космический корабль унесет меня в далекие просторы Вселенной! Что можно сказать вам в эти последние минуты перед стартом? Вся моя жизнь кажется мне сейчас одним прекрасным мгновением. Все, что прожито, что сделано прежде, было прожито и сделано ради этой минуты...

...Я знаю, что я соберу всю свою волю для наилучшего выполнения задания. Понимая ответственность задачи, я сделаю все, что в моих силах, для выполнения задания Коммунистической партии и советского народа...

Эти слова звучали как клятва, как присяга. Они и сейчас звучат в сердцах тех, кто, стоя на площадке перед дымящимися на старте ракетами, докладывает о своей готовности к выполнению космического полета.

Юрий глубоко верил в успех и потому свое заявление закончил словами:

— Я говорю вам, дорогие друзья, до свидания, как всегда говорят люди друг другу, отправляясь в далекий путь. Как бы хотелось вас всех обнять, знакомых и незнакомых, далеких и близких!

В этом был весь Юрий со своей любовью к жизни, к людям.

Гагарин как-то по-особенному, по-своему воспринимал и чувствовал красоту природы, человека... Он находил ее повсюду, порою даже там, где ее присутствие только угадывалось. И в незнакомый и таинственный мир он шагнул так, как будто шел в мир прекрасного. Выйдя из автобуса, доставившего космонавтов на стартовую позицию, и окинув взглядом пустынную степь, залитую светом наступающего дня, Юрий радостно воскликнул:

— Посмотрите, какое красивое, жизнерадостное солнце!

«Для нас это было так неожиданно. Большинство

тогда вообще забыло о существовании светила. Мы все удивленно повернулись на восток. Восход солнца действительно был прекрасным», — вспоминал об этом один из дублеров.

Докладывая председателю государственной комиссии о своей готовности к полету и выслушивая напутственные слова окружающих его друзей, ученых, конструкторов, он поминутно поглядывал на ракету, которая в восходящих лучах солнца напоминала ему маяк. И здесь чувство прекрасного не изменило ему. «Я глядел на ракету, на которой должен был отправиться в небывалый рейс. Она была красива, красивее локомотива, парохода, самолета, дворцов и мостов, вместе взятых. Подумалось, что эта красота вечна и останется для людей всех стран на все грядущие времена. Передо мной было не только замечательное творение техники, но и впечатляющее произведение искусства», — восторженно рассказывал потом Юрий.

Первое, что мы услышали после выхода «Востока» на орбиту:

— Наблюдаю облака над Землей, мелкие, кучевые, и тени от них. Красота-то какая! — восхищался Юрий нашей планетой.

Поэтому на встрече после полета мы с нетерпением попросили: «Юра, расскажи, какая наша Земля оттуда, из космоса?» Он долго думал, смущенно улыбаясь, очевидно, в этот момент перед ним опять проплывали виденные в иллюминатор «Востока» картины. Потом сказал:

— Она прекрасная! Трудно найти слова, чтобы можно было описать ее красоту! Это нужно видеть своими глазами. Она голубая!

Нас тогда не особенно удовлетворил такой ответ. Но, побывав в космосе сами, мы убедились в правоте Юрия. Очевидно, истинную красоту невозможно ограничить рамками словесных рассказов и красками пусть даже выдающихся полотен. Ее надо видеть, слышать, чувство-

вать самому. Поэтому нет ничего удивительного в том, что, как потом оказалось, каждый из нас воспринимал и осязал космос по-своему.

Гагарин был поистине красивым человеком. И окружали его такие же прекрасные и интересные люди. Он был дружен с композитором Александрой Пахмутовой и летчиком-испытателем Георгием Мосоловым, с выдающимся хирургом Александром Александровичем Вишневским и многими другими замечательными людьми нашей страны. В любой среде он был желанным и интересным собеседником. К нему тянулись люди, и он шел к ним навстречу с открытой душой и добрым сердцем.

На второй день после возвращения из космоса Юрий сделал обстоятельный доклад о работе систем корабля, подробно, до мелочей рассказал об увиденном и пережитом. Он говорил долго, ведь впечатлений много, и все они так необычны, что ему хотелось побыстрее, пока все свежо в памяти, поделиться ими с людьми. Слушали его не перебивая, а когда он закончил, вопросы посыпались как из рога изобилия. И на все вопросы Юрий отвечал подробно, точно, так как понимал, что задают их не из праздного любопытства, они важны для последующей работы по созданию новых космических кораблей, для подготовки следующих полетов.

Юрий рассчитывал, вернувшись в Звездный городок, хорошенько все обдумать, осмыслить, подвести итоги проделанной работы и принять непосредственное участие в подготовке второго полета в космос. Он понимал, что его опыт и наблюдения, которые он сделал в течение одного витка, будут полезны. Но желанию его не суждено было сбыться. Полет Гагарина потряс весь мир. Люди всей планеты захотели видеть и слышать первого землянина, побывавшего в загадочной Вселенной. На его имя пришли десятки приглашений от правительств различных государств, от общественных организаций с просьбой посетить их страны. О нем писали все газеты и журналы. Его

фотографии можно было увидеть в каждом доме. Гагарин стал самым популярным человеком планеты.

За три с половиной месяца после своего полета Юрий совершает второе кругосветное путешествие. На этот раз по земле и по воздуху. Болгария и Финляндия, Чехословакия и Англия, Польша и Куба, Бразилия и Канада — всюду, где он бывал, восторженно принимали посланца Страны Советов.

А в это время полным ходом шла подготовка к полету «Востока-2». Юрий сильно переживал, что не смог принять прямого участия в этой работе, и чувствовал себя виноватым перед Германом. И старт Титова оказался единственным, на котором отсутствовал Гагарин. Во всех последующих он принимал самое активное участие, добившись того, чтобы на время полетов его освобождали от всех поездок.

Юрий помогал нам своим опытом, энергией и уверенностью, своим дружеским участием, наконец. Перед запуском Андрияна Николаева он так и не смог уснуть, и ночь с 10 на 11 августа провел на скамеечке возле дома, где спокойно спали сам Николаев и его дублер Быковский. Утром на шуточный вопрос: «Какие мысли посетили тебя в эту лунную ночь?» — он серьезно ответил:

— О ней же и думал. О Луне! О том времени, когда люди отправятся туда. А оно не за горами. Во всяком случае, ближе того, когда в космос можно будет летать по профсоюзным путевкам. А ведь сам Сергей Павлович уверен, что совершит космический полет именно по такой путевке.

Юрий бессменно дежурит на командном пункте и во время полета Валерия Быковского и Валентины Терешковой. Он готовит и провожает в космос экипаж многоместного «Восхода-1» во главе с Комаровым. А во время полета Беляева и Леонова опыт и знание космической техники подсказали ему единственно правильное решение,

которое он выдал экипажу в тот момент, когда на командном пункте обнаружили, что «Восход-2» не пошел на ожидаемую посадку, а продолжает полет по орбите.

— Вам разрешается посадка на восемнадцатом витке с помощью ручного управления! — четко и хладнокровно сообщает Юрий в космос.

Сергей Павлович Королев, долго и внимательно смотревший на него, восхищенно восклицает:

— Молодец!

Юрий во второй раз провожает в космический полет Володю Комарова. Теперь уже не только как наставник, но и как дублер. К великому нашему горю, этот полет закончился трагически: погиб замечательный парень, опытный космонавт Владимир Комаров. И этот старт был последним, на котором присутствовал и работал наш Юрий.

Мы долго не могли прийти в себя после похорон Юрия Гагарина. Буквально все на каждом шагу напоминало о нем. Классы, тренажеры, спортивные площадки и даже дом, в котором мы живем.

Однажды, придя в свой гараж за машиной, я увидел, что ворота Юриного гаража приоткрыты. Пытаясь унять волнение, подошел и заглянул внутрь. У машины стоял печальный Федор Демчук — «мотомехпехота». Его взгляд застыл на верстаке. Там лежали инструменты, кусок проволоки, моток изоляции, начатая пачка «Беломора» с недокуренной папиросой сверху и три патрона от карабина.

— Вот, спустя неделю заставил себя прийти сюда, чтобы все убрать. Буквально накануне... — Федор запнулся и, помолчав, продолжил: — Юрий возился с антенной, а я копался в моторе. В десятом часу вечера он сказал: «Заканчиваем, пусть все так и лежит. В среду отлетаю, и доделаю». Не доделал.

Мы молчали, глядя на эти вещи, которых Юрий коснулся в последний раз.

При жизни Юрия мне не приходилось бывать на его родине. Поэтому, когда ехал в Гжатск в одну из годовщин его полета, я волновался так, словно мне предстояло свидание с живым другом.

Древний русский городок, простые русские люди... Он родился в этих краях, здесь прошло его детство. Здесь он, которому были широко открыты двери всех домов планеты, по-настоящему чувствовал себя как дома. Сюда, к землякам, он приезжал, чтобы отдохнуть после напряженной работы, чтобы, как былинный герой, набраться новых сил от родной земли.

Вернувшись из Гжатска, он сказал как-то: «Поездка на родину, встречи с земляками, с рабочими и колхозниками, сам воздух, напоенный запахом полей и лесов, наполнили меня новой энергией, и мне захотелось снова засучив рукава работать и учиться — делать то, что требует от каждого из нас Отчизна!»

Я навестил родителей Юрия. Его мать, Анна Тимофеевна, повела меня через улицу в старенький домик напротив. «Здесь Юра спал, здесь он делал уроки, возвратясь из школы. А вот на этом крылечке он любил сидеть теплыми летними вечерами», — тихим голосом рассказывала Анна Тимофеевна, и мне порой начинало казаться, что вот сейчас скрипнет крыльцо, откроется дверь и войдет он, по обыкновению жизнерадостный, с широкой улыбкой на лице...

Во дворе дома под стеклянным колпаком его машина. Черная «Волга» с номером 78—78 МОД... С этой машиной у многих из нас связаны дорогие и счастливые воспоминания. В то время это была единственная черная «Волга» в городке. И Юрий охотно отдавал ее на все семейные торжества, для поездок в загс, в роддом, для встречи родителей.

На ней, завалив все заднее сиденье сиренью, я привез из роддома своего наследника Андреяку...

А сейчас мне показалось, что даже она, эта машина,

грустит здесь, потеряв своего хозяина, а ее стеклянный колпак не ангар, а склеп, в котором она похоронена.

В тот же день по весеннему бездорожью и под мелким тоскливым дождем мы с Анной Тимофеевной добрались до небольшой, затерявшейся на Смоленщине деревеньки Клушино. Несмотря на дождь, почти все ее жители собрались у маленького деревянного домика на околице. Здесь 9 марта 1934 года родился обыкновенный русский паренек, которому суждено было стать первопроходцем космоса.

Отныне этот домик стал нашей национальной реликвией: мне было предоставлено почетное право открыть дом-музей Ю. А. Гагарина.

У меня дома в кабинете висит портрет Юрия. Массивный гермошлем скафандра обрамляет дорогое лицо. Спокойный, выразительный взгляд, небольшой нос, по-детски пухлые губы, кажется, вот-вот разойдутся в хорошо знакомую всем улыбку.

Я закрываю глаза, и передо мной мелькают картины, как кадры документальной ленты. В них Юрий в разное время и в разной обстановке.

...Первый космический тренажер. Его облепила со всех сторон небольшая группа старших лейтенантов во главе с инструктором Е. Е. Целикиным. Первые тренировки по отработке навыков в управлении космическим кораблем. Мы внимательны, сосредоточенны и почти не шевелимся вот уже несколько часов. В тренажере — Юрий. Неторопливый рассказ, четкие команды, скупые и словно выверенные движения рук — все это правится Евстафию Евсеевичу, и он, не привыкший расточать похвалы, оценивая действия Юрия, крикнув, бросает: «Неплохо». Но мы видим, что он очень доволен, и рады за Юрия...

...Баскетбольная площадка. Весь в движении, словно сгусток энергии, Юра ведет за собой нас, «моряков», на

штурм «пехоты» (так в шутку мы прозвали команды, состоявшие из летчиков ВМС и ВВС). И сколько радости у него, сколько возгласов, если мяч в корзине! А он, несмотря на небольшой рост, самый результативный игрок в команде. И опять вперед, в атаку, на штурм...

...Первая встреча с Юрием в Центре подготовки после его возвращения из космоса. Смущенно улыбаясь, Юрий рассказывает о своем полете. Вид у него несколько растерянный. Вероятно, оттого, что он никак не ожидал к себе такого внимания и славы, которые так неожиданно легли на его плечи. Мы тоже чувствуем себя как бы не в своей тарелке. И во все глаза смотрим на молодого майора с Золотой Звездой и орденом Ленина на груди, и в нашем сознании никак не укладывается, что он наш друг. Что совсем недавно, играя в футбол, кто-то сделал ему подножку. Казалось, что между нами образовалась пропасть, через которую мы не смели да и не знали, как перейти. Ее перешагнул сам Юрий, и все стало на свои места. Он навсегда останется для нас безоговорочным авторитетом. Но эта встреча запомнилась сдержанной радостью, смущенными улыбками и какой-то непонятной всем неловкой растерянностью...

...Лаборатория аэродинамики в авиационной инженерной академии имени профессора Н. Е. Жуковского. Идет продувка сверхзвукового профиля. Мы с Юрием, прильнув к небольшому окошечку в аэродинамической трубе, смотрим на маленькую модель космического аппарата, и она для нас в этот момент центр мироздания. Юрий время от времени делает короткие и поспешные заметки в журнале наблюдения. Он весь вниманис и сосредоточенность. И когда один из сотрудников лаборатории подошел к нему за автографом, с несвойственной ему сухостью бросает: «Подождите!»

...Июнь. Воскресенье. Жаркий день. Уже в который раз пересматриваю свой конспект по термодинамике. После-

завтра экзамен в академии. Вдруг телефонный звонок. Поднимаю трубку.

— Жора, все выучил? — узнаю голос Юрия. — У меня здесь есть пара вопросиков, объяснишь?

— Попытаюсь.

— Тогда бери свои книжки — и айда в Химки! Выкупаемся, освежимся. Там и разберемся с этими энтаклпиями и энтропиями. Идет?

Через час Юрий уже стоит в одних плавках за штурвалом катера. На его голове замысловатый головной убор то ли африканского, то ли южноамериканского происхождения. На шее завязанный по-докерски яркий платок. Валерий Быковский и я, блаженно щурясь на солнышке, беззлобно заводим Юрия:

— Эй, кэп! А эта калоша не развалится?

— Капитан! Послушай, капитан. Тебе работнички не нужны? Нет?.. Жаль, счастливчик. А то бы мы тебе наработали.

— Сеньор! Где вы потеряли свой роджер?

Мы видим: эти подначки ему нравятся.

— Бунт на корабле? Не потерплю! Как только обнаружу среди этого окияна необитаемый остров, высажу. Из тебя, Жора, сделаю Робинзона, а из тебя, Валерий, поскольку ты посмуглее, — Пятницу! — улыбается нам в ответ Юрий, не забывая внимательно следить за фарватером и давая отмашки флажком то слева, то справа...

...В Центре идет напряженная подготовка к первому пилотируемому пуску «Союза». В группу космонавтов, готовящихся к этому полету, включен и Юрий Гагарин. Он добился своего. Пока дублер Комарова, но все же занят живым, любимым делом. И он с головой уходит в занятия, тренировки, испытания, полеты...

...Весна 1968 года. Серый, неприветливый мартовский день. Я сижу в летной столовой. Есть почему-то не хо-

чется. Смотрю в окно на серые, свинцовые тучи, закрывающие небо. Настроение под стать погоде. Входит Павел Беляев. Лицо его словно окаменело. Подойдя ко мне, он тихо говорит:

— Жора, час назад из полета должен был вернуться Юрий. Его до сих пор нет.

— Как нет? — до меня не доходит ужасный смысл слов Беляева. — Как не вернулся? — уже вскакиваю я. — Они, наверное, сели на запасной аэродром. Что они сообщили по радио?

— Ни слова, — глухо отвечает Павел. — А может... — начал было он и не закончил своей мысли.

В дремучем владимирском лесу взорвался самолет нашего друга, образовав в земле рваную рану, вокруг которой скорбно застыли израненные русские березы, немые свидетели трагедии, происшедшей 27 марта 1968 года в 10 часов 31 минуту.

Удивительна человеческая память! Она добра и жестока. Она прочно хранит все, что пройдено и пережито. И за какие-нибудь считанные минуты поможет вам еще раз пройти дорогу в добрый десяток лет.

Но она же и напомнит вам о том, как вы порой считали обычным делом величайшие события, как в повседневной сутолоке дел забывали или просто стеснялись сказать слова любви и дружбы тем, кто заслужил их.

Горько, но приходится согласиться с поэтом: «Лицом к лицу лица не увидать. Большое видится на расстоянье».

Из писем Ю. А. Гагарину

Дорогой Юра!

Мне, внуку создателя первого в мире самолета — Александра Федоровича Можайского, установившего приоритет нашей великой Родины в вопросах самолетостроения и авиации, имя которого вошло в ряды имен пер-

вых покорителей воздушного океана и по путям которого пошло дальнейшее развитие поршневого, отечественного самолетостроения, хочется от всей души обнять тебя, как первого космонавта, и сказать тебе большое-пребольшое русское спасибо.

Твой геройский подвиг вновь возвеличил нашу могучую Родину. Я безгранично счастлив, что мне пришлось дожить до дня, когда сбылась мечта моего деда и что полет в космос совершил наш, советский человек, а это ведь вновь подтверждает приоритет нашей Родины в завоевании воздушного океана...

Можайский Дмитрий Александрович,
Ашхабад.

Первый искусственный спутник Земли, первая ракета, достигшая Луны, первая ракета, запущенная в сторону Венеры, первый космический корабль, первый человек в космосе — все это подтверждает, что советская наука и техника занимают руководящее положение в мире, и это подтверждает преимущества социалистической системы.

Студенты 2-го курса Пекинского
металлургического института, Китай.

Юрию Алексеевичу Гагарину!

Я посылаю Вам свои поздравления в связи с самым огромным триумфом, которого только мог достичь человек. Я был очень взволнован, когда услышал эти удивительные новости.

Я, простой рабочий, хотел бы знать всю правду о советской стране.

Я убежден, что в коммунистических странах существует истинная свобода, истинный труд, наука и культура.

Передаю свои поздравления Вам, Вашей семье, Ва-

шему правительству и всему народу Вашего государства.

С сердечным приветом

рабочий *Феликс Р.*, Чили.

Дорогой друг Юрий Гагарин!

Население Сен-Дени, представителем и выразителем чувств которого является наш муниципалитет, было глубоко тронуто и обрадовано, когда узнало 12 апреля 1961 года о Вашем исключительном подвиге.

До этой исторической даты космическое пространство было недоступно для человека. И вот благодаря Вашему личному мужеству и энтузиазму, работе сотен советских ученых и техников, благодаря рабочему классу и Вашему правительству, Вы освободили человека от земных условий, открыв ему дорогу в космос.

От имени нашего населения муниципалитет горячо Вас поздравляет и благодарит за внесенный Вами новый вклад в достижения науки на благо дела мира.

Муниципальный совет, собравшийся 24 апреля 1961 года, единогласно высказался за присвоение Вам звания почетного гражданина города Сен-Дени с вручением вам золотой медали города.

От муниципалитета Сен-Дени:
мэр, генеральный советник
департамента Сены *А. Гийо* —
член Национального совета.

Дорогой Юрий!

Ты проник в тайны, которые казались недоступными. Ты дал людям то, о чем они сотни и тысячи лет могли только мечтать. По-моему, языки всех народов бедны словами, чтобы найти такие, какими мы можем благодарить тебя. Ты дал сотням миллионов людей счастье. Твой подвиг

затмил деяния королей и императоров и показал человечеству, на что способен советский человек. До сих пор в мире не было таких подвигов. Народы мира вновь увидели доказательство мощи советского народа.

Этот подвиг открыл глаза всем, кто раньше не понимал, что значит социализм. Человек возвратился из космоса здоровый и благодарит партию за помощь, за то, что его выбрали, чтобы доказать всему миру, какие люди есть в Советском Союзе.

Мы благодарим тебя, дорогой Гагарин, желаем тебе здоровья и новых успехов в завоевании космоса.

Да здравствует СССР!

Иakov Чеколочеану, Румыния.

Мне уже за шестьдесят лет, но я помолодел, Юрий Гагарин, когда узнал о твоём беспримерном подвиге! Позволь обнять тебя, прижать к сердцу и поздравить от имени всей прогрессивной Америки с первым благополучным рейсом в космос. Я уверен, ты ещё много сделаешь, мой юный друг, славный сын социалистического Отечества.

Юрий Гагарин стал героем не только Советской страны, но и героем всего человечества.

Каких грандиозных достижений добилась советская наука, весь советский народ, если в один прекрасный, весенний день в космический океан взмыл могучий корабль и приземлился в точно заданном месте! Я с волнением слушал передачи Московского радио и чувствовал, что мое пошаливавшее в последнее время здоровье с каждой минутой улучшалось.

Космический корабль советского прогресса называли «Восток». Поистине символично! Это указывает на колоссальные успехи той части Земли, которую называют Востоком, и в первую очередь сердца Востока — Советского Союза. Запад получил ещё одно подтверждение

силы и могущества Советского государства. Но это сделано в исключительно мирных целях, в целях развития науки, знаний, это сделано в тот момент, когда Советский Союз еще и еще раз призывает к полному разоружению. И этому голосу Запад должен наконец внять!

Сегодня, как никогда, Восток и Запад должны сесть за круглый стол и обо всем договориться. Мы знаем, что нет таких вещей, нет таких научных открытий, которые бы не совершил советский народ. В этом убеждает подвиг советских людей, Юрия Гагарина, совершенный 12 апреля 1961 года.

Позволь, дорогой герой, еще раз обнять тебя всей нашей семьей, которая находится сейчас в Москве.

Поль Робсон.

Первый космонавт, осуществивший мечту детей всего человечества, товарищ Гагарин!

Мы испытываем большую радость, что живем в такую эпоху. Мы еще больше усилили борьбу за построение такого мира, в котором дети могли бы жить в мире.

Группа учителей. Токио, 15 апреля 1961 г.

Дорогой майор Гагарин!

Я хотел бы принести Вам свои личные поздравления в связи с Вашим блестящим путешествием в космос...

Мы в Канаде очень гордимся Вами и счастливы за Вас и желаем Вам больших успехов в Ваших будущих экспериментах. Мы надеемся также, что наши народы смогут жить на земле вместе в мире, довольствии и свободными от угрозы войны и несчастий.

Искренне Ваш *Р. И. Хабенд*, Канада.

Дорогой товарищ!

Нам, членам клуба коммунистов при университете в Глазго, хотелось бы послать наши искренние поздравления первому космонавту СССР.

Много нелестного говорят и пишут об СССР. Западный мир представляют как символ демократии и свободы, но мы всегда стараемся защищать Советскую страну от оскорблений и показать, что социалистическое общество обгонит капитализм во всех областях. В данном случае имеется хорошее доказательство того, что Советский Союз идет впереди всех стран — даже США — в очень важной области научного развития. Очень важно то, что первым человеком в космосе был коммунист.

Недавно взгляды членов коммунистического клуба были одобрены другими студентами, и на всех студентов Шотландии произвело огромное впечатление это последнее достижение СССР.

Много лет утверждалось, что Советский Союз отстает и что условия жизни там невыносимы. Но эта ложь быстро исчезает. Все больше молодежи становится в наши ряды.

Ваш подвиг произвел потрясающее впечатление на шесть тысяч студентов, и мне, как секретарю клуба коммунистов, и всем членам нашего клуба была бы оказана большая честь, если бы Вы согласились стать почетным президентом нашего общества.

С братским приветом

Христина Мауде, Великобритания.

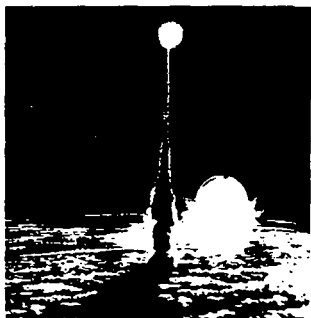
Майору Юрию Гагарину.

Дорогой товарищ! С огромной радостью мы, скромные французские рабочие, узнали о том, что такой же пролетарий, как и мы, поднялся к звездам. И мы поздравляем тебя и благодарим за это, так как твой подвиг замечателен. Ты помогаешь нам в борьбе, которую мы ведем за свои права. Благодаря тебе мы записали в нашу поль-

зу еще одно очко. Благодаря СССР, твоей матери-родине нам легче бороться. Дорогой товарищ! Пойми волнение, охватившее нас, когда мы узнали, что коммунист победил там, где не могли победить другие. Ты был в космосе, ты вернулся, ты будешь жить в всках. И о тебе будут говорить с уважением, как всегда говорят о пионерах: Юрий Гагарин, первый космонавт, 12 апреля 1961 года преодолел земное притяжение, слава ему!

Мы не забудем тебя. Ты олицетворяешь нашу цель, социализм, к которому мы стремимся, ты олицетворяешь мир, дорогой нашему сердцу и сердцам всех людей.

Подписи. Франция, Руан.

СЛОВО О ДРУГЕ

Г. С. ТИТОВ

Я хорошо помню этот солнечный апрельский день. ...Хочется собраться с мыслями, понять, прочувствовать наступающее свершение, но что-то упорно мешает сосредоточиться. Что это? А, это кузнечик... Затаился где-то в кустах горькой, как обида, полыни и звонко, на всю казахскую степь строчит и строчит свою извечную песню. Зачем он здесь и почему так упорно трещит, когда сейчас произойдет такое?

Я смотрю на стартовую площадку, туда, где высится гигантское тело ракеты. Серебристая, огромная, без поддерживающих монтажных ферм, она так просто вписывается в панораму степи и, почти сливаясь с белесым небом, будто дрожит — то ли от марева утренней дымки, то ли от нетерпения: скорее, скорее оторваться от Земли и умчаться в бездну Вселенной!

А там, на вершине фантастической сигары, за холодными листами металла, за крепкой тканью скафандра — человек.

Там — Юрий...

Мы стоим небольшой группой в стороне от стартовой площадки. Напряжение достигло предела. Какая-то тяжесть давит на плечи. Нет, тяжесть не физическая. Кажется, будто сама вековая история человечества стоит сейчас за нашими спинами и сурово смотрит на нас, ожи-

дая ответа: чем же, чем мы сейчас отчитаемся за все содеянное Человеком, прошедшим такой долгий и трудный путь — от каменного топора до небывалого корабля-спутника? Чем отчитаемся за гигантское напряжение воли и мысли великих безбожников прошлого — Архимеда и Коперника, Галилея и Бруно, Ломоносова и Ньютона, Кибальчича и Циолковского, ученых и конструкторов наших дней? Чем мы ответим Истории в эти несколько секунд, которые стартовая команда космодрома уже считает в обратном порядке: десять... семь... три... две... одна...

— Подъем!

Всполох огня, клубы коричневого дыма, снова огненный шквал и — громоподобный грохот раскатился по степи. Серебристая ракета, отряхивая иней, медленно, будто нехотя, оторвалась от стартовой площадки, и мы, придавленные ракетным грохотом к земле, почти физически почувствовали, как напряглись миллионы лошадиных сил двигателей, чтобы разорвать цепи земного плена!

— Поехали! — услышали мы чуть искаженный радиоприемником голос нашего друга.

Огненный смерч: двигателей постепенно увеличивал скорость ракеты, поднимая ее все выше и унося все дальше, пока она не превратилась в блестящую звездочку на утреннем небосклоне и совсем не исчезла из глаз. Только громовые раскаты долго еще неслись по степи, постепенно теряя силы, пока совсем не ослабели и не затихли где-то в бескрайних казахских просторах.

А когда стих гул двигателей, я услышал снова все тот же равнодушный стрекот кузнечика. Легкий восток донес аромат небогатого разнотравья пробуждающейся степи. Все, все на этой древней земле осталось таким, каким было много веков назад, только где-то в небе зажглась рукотворная звезда «Восток» — Аврора космической эры!

Стало легче дышать. Тяжесть предстартовых секунд исчезла, укатилась куда-то за горизонт солнечной степи,

так же как навсегда растворился в ней грохот ракетных двигателей.

А спустя сто восемь минут мы снова обнимали Юрия, такого же земного, каким он был перед стартом, и не совсем такого. Это был теперь Человек планеты, и встречавшие его люди не могли сдерживать слез радости за великую победу человечества!

Мы выдержали испытание...

Таким остался в моей памяти день 12 апреля 1961 года, день, который люди земли называли Утром Космической Эры. И началось это утро на Востоке нашей планеты, где и положено по законам природы появляться нежным краскам рассвета и где суровой осенней порой 1917 года ярко вспыхнула заря Великого Октября.

События, свершившиеся в тот день, еще долго продолжали будоражить сердца людей, переполнять их счастьем весомого ощущения собственной силы и величия, а у советских космонавтов шла обычная, будничная работа.

Стремительно, со все нарастающей скоростью движется вперед наша жизнь. Кажется, недавно передо мной разворачивалась панорама Ленинграда с его величественными проспектами, площадями, парками, музеями. Кажется, только вчера полковые друзья поздравили меня со званием военного летчика. А сегодня все это далеко позади. Теперь я — космонавт. Дни до предела заполнены занятиями, тренировками.

Никто достоверно не знает, что ждет человека в космосе. Основные факторы космического полета были, конечно, известны: перегрузки, невесомость, вибрации. Поэтому в специальную подготовку космонавта входят полеты на самолетах, где создается кратковременная невесомость, вращение на центрифуге, вестибулярные тренировки, тепловые нагрузки, длительная изоляция и многое другое. Однако в полете могли возникнуть непредвиденные обстоятельства, и поэтому космонавта готовили, как говорят, на все случаи.

Вспоминаю дни, проведенные в госпитале, где отбирали будущих космонавтов. Главными судьями здесь были врачи самых различных специальностей. Каким должен быть космонавт? Шли жаркие споры, сталкивались различные точки зрения. У одних требования были чрезмерно высокими. Космонавт представлялся им сверхчеловеческим. Другие, наоборот, утверждали, что в космос можно послать человека любой профессии, средних психофизических данных. Все это нетрудно понять: рождалась новая, неведомая человечеству профессия, и только наука, подкрепленная жизнью, практикой, могла дать точные критерии, определяющие облик космонавта.

Желание стать космонавтами было у всех сильное, но мы знали, что не все пройдут комиссию, многие из нас должны будут возвратиться в свою часть. Однако это ни в какой мере не мешало нашей дружбе. Ни у кого из нас не было даже тени зависти или эгоистического желания опередить других. Мы понимали, что дело, ради которого нас оторвали от летной работы, нужно Родине. Этим все сказано. Конечно, многие переживали неудачи и с тяжелым сердцем возвращались в родной полк — не суждено было осуществиться их мечте.

В нашу группу космонавтов отобрали летчиков из разных мест и краев, биографии у нас были самые различные, но очень многое нас сроднило и сблизило. Мы сразу условились: промахов друг другу не прощать; если что не правится, говорить в глаза и не задира́ть нос, когда тебя критикуют. Если знаешь больше товарища — поделись с ним. Уважай чужое мнение. Не ленись помогать друзьям. Помни: все — за одного, один — за всех.

Так постепенно начали складываться у нас свои традиции, свои неписанные правила.

В тот период трудно было сказать, что важнее в подготовке космонавтов — физическая подготовка или уровень теоретических знаний. Впрочем, так вопрос и не стоял тогда. Для того чтобы выдержать нагрузки, которые

могут возникнуть при старте ракеты и при возвращении космического корабля, чтобы удовлетворительно перенести воздействие всех факторов космического полета, необходимо было, чтобы наш организм был подготовлен к этому.

И разумеется, мы столь же упорно и увлеченно овладевали необходимыми теоретическими дисциплинами, новыми для нас, летчиков, такими, как термодинамика, ракетная техника, динамика космического полета и т. д.

Правда, лекции специалистов авиационной и космической медицины я слушал без особого внимания, считая эту дисциплину второстепенной. Однако вскоре мы убедились, что программа подготовки к первому космическому полету глубоко продумана и второстепенных дисциплин в ней нет.

В это время в конструкторских бюро полным ходом шла подготовка к полету в космос. Напряженная, деловая, размеренная.

Пятнадцатого мая 1960 года — еще одна знаменательная дата. В тот день взят новый рубеж космонавтики: запущен первый корабль-спутник, рекордный по весу. Это был, в сущности, космический корабль. На борту этого корабля уже была герметическая кабина для человека, оснащенная всем, что потребуется будущему летчику-космонавту.

Четверо суток космический корабль совершал свой стремительный полет вокруг нашей планеты, сообщая на Землю вести о работе аппаратуры, об окружающей среде. А потом настал срок; и механизмы корабля выполнили очередной приказ с Земли — отделили кабину. И хотя вследствие неисправности, возникшей в одном из приборов системы ориентации, направление тормозного импульса отклонилось от расчетного и кабину не удалось вернуть на Землю, программа испытаний в основном была выполнена. Менее чем за год состоялись запуски еще четырех кораблей-спутников.

В дни тех космических экспериментов на страницах газет выступило немало крупных ученых. Их статьи мы, летчики-космонавты, читали с большим интересом. Отмечалось главное качественное отличие корабля-спутника от всех прежних посланцев в космос. Это был корабль для человека!

В экспериментальных полетах прошли проверку важнейшие автоматические устройства, те, что поддерживали на нужном уровне температуру в космическом корабле, следили за составом атмосферы.

При полете в космосе корабль с освещенной солнцем стороны раскаляется мощными лучевыми потоками, с теневой — быстро остывает до низких температур. Поэтому нашими учеными и конструкторами были разработаны принципы терморегулирования для пилотируемых космических кораблей.

Нам рассказывали о том, как решается проблема надежной двусторонней радиосвязи. Результаты эксперимента в этом направлении вновь подтвердили удобства телеграфной передачи информации. Проверялась связь и в телефонном режиме: через аппаратуру корабля ретранслировались программы наземных радиостанций.

Словом, советская наука во всеоружии подходила к решению исторической задачи прорыва человека во Вселенную.

Шли последние дни перед полетом в космос. Решался вопрос, кому выпадет великая честь первым занять место в кабине космического корабля. Естественно, каждый из нас горел желанием стать первооткрывателем. Мы напряженно готовились к полету и не знали, кого из нас назначат первым. Хотя между собой в разговорах мы все же склонялись к тому, что полетит Юрий Гагарин: он хороший товарищ, принципиальный коммунист. Мне доводилось много и часто вместе с Юрием решать разные задачи, а позже, уже после полета, вместе защищать диплом в Академии имени Н. Е. Жуковского. Хочется избежать

избитых слов «меня поражало», «мне было приятно». Скажу так: с Юрием можно было хорошо и спокойно делать любое дело и надежно дружить. С ним я чувствовал себя легко и просто в любой обстановке.

Когда мы приехали в отряд, то первое время жили в соседних комнатах. Дочка Лена родилась у Юры еще на Севере, а моя Тамара готовилась стать матерью. Все это еще больше сблизило нас. Мне нравились его оптимизм, вера в наше дело, его шутки, подначки, тонкие, рассчитанные на умных, сообразительных людей.

Все, что он говорил, было искренне. Может быть, фразы не всегда были гладкими, но они выражали ту суть, которую он в них вкладывал. Все, что он делал, было естественно, так же как естественна была его открытая улыбка, его душа. Естественна потому, что он с молоком матери воспринял широту русской души, от древней и героической смоленской земли получил он твердость и убежденность в мыслях своих, от смолян взял усердие и увлеченность в делах.

Это черты поколения, которое в детстве испытало ужасы войны. Мне кажется, что трудные эти годы и первые послевоенные сыграли большую роль в формировании характера этого поколения. Нельзя было жить спокойно, бездумно, без труда. Надо было иметь цель и стремиться к ней. Я не хочу этим сказать, что только в нужде и в лишениях можно воспитать характер, только в этих условиях вырастают настоящие люди. Нет. Но тем не менее благосостояние расхолаживает неопытный и незрелый ум юноши. «Нужда учит, счастье портит» — эту пословицу любил К. Э. Циолковский.

Трудно привыкать к пасмурной, дождливой и холодной погоде после безоблачных, веселых и беззаботных лет. Юрий же рано «оперился» и начал самостоятельную жизнь.

Никогда не забуду тот день, когда мы побывали на заводе. Сергей Павлович Королев, руководивший созда-

нием ракеты-носителя и космического корабля, встретил нас приветливо. Его внимательный взгляд, уверенная неторопливая речь говорили о большом уме и силе воли.

Что греха таить, вначале С. П. Королеву было нелегко. Многие считали его беспочвенным фантастом, не верили ему, и нередко он оставался один на один со своими проектами, планами и чертежами... Он никогда не говорил нам о трудностях прошлого, но мы о них постепенно узнавали и проникались еще большим уважением и любовью к этому сильному духом человеку.

Его портрет написать и легко, и чрезвычайно трудно. Небольшого роста, широкоплечий, крепкий человек. Голову держит так, словно смотрит на тебя исподлобья, но, когда глянет в глаза, ты видишь в них не только железную волю, ясный ум конструктора, но и внимательную, сердечную доброту щедрого душой человека.

Сейчас о нем пишут очерки, книги, поэмы, и он достоин того, чтобы люди узнали, как он жил, как с юных лет зажегся авиацией, а потом, в тридцатых годах, после первой советской ракеты, увлекся ракетной техникой. «Увлечся» — это, конечно, не то слово...

Молодой и напористый, образованный и глядящий далеко вперед, он много-много лет вынашивал идеи создания космических кораблей и ракет и упорно работал над их воплощением.

Главный конструктор космических кораблей шел непроторенными путями. Его расчеты и его соратников-энтузиастов порой строились на предвидении, на смелых догадках.

Нас он встретил как родных сыновей. Привел в цех, где на станциях стояли космические корабли, подвел к одному из них, уже готовому, и сказал просто:

— Ну вот, смотрите... И не только смотрите, но и изучайте. Если что не так,— говорите. Будем переделывать вместе... Ведь летать на них не мне, а вам...

С душевным трепетом мы подходили к космическому

кораблю. Все здесь было для нас ново. Мне почему-то вспомнилось, что вот так же когда-то мы, курсанты, впервые подходили к реактивному самолету, хотя у корабля «Восток» внешне ничего общего с самолетом не было. Осматривая корабль, мы обратили внимание на иллюминаторы, и кто-то сказал, что из кабины должен быть неплохой обзор. Сергей Павлович кратко объяснил конструкцию корабля и ракеты-носителя.

Слушая объяснения Сергея Павловича, мы поняли, как много было сделано для того, чтобы обеспечить высокую надежность всех агрегатов и механизмов и, следовательно, безопасность полета.

Не помню, кто первый шагнул к кораблю, но, когда я вошел туда, меня охватило волнение, знакомое, наверное, всем летчикам-испытателям, которые после долгого ожидания садятся в кабину нового самолета. На нем еще никто не летал, еще недавно он существовал только в чертежах и расчетах, а теперь — вот он, готов... Внутри корабля все светилось стерильной, нетронутой чистотой. Удобное мягкое кресло. Слева — пульт управления, прямо перед глазами — ориентир и маленький глобус, который в полете позволяет определять географическое положение корабля.

В этот день каждый из нас по несколько минут сидел в кресле космического корабля.

«И этот корабль, возможно, доверят мне», — думалось многим из нас.

Мы начали углубленно изучать космический корабль, овладевать его сложными системами и агрегатами. Вот где потребовались все приобретенные ранее знания!

— Смело высказывайте свои суждения! — сказал Королев.

Мы предлагали, как сделать корабль более удобным. Сергей Павлович, выслушав нас, отметил:

— Дельные советы...

Вскоре нас вновь пригласили в кабину корабля.

— Ваши предложения учтены. Как теперь, лучше? — спросили конструкторы.

Какой человек не порадуется, видя, что ему удалось внести свою лепту в огромное дело, которое вершат конструкторы, инженеры, техники и рабочие! Эту радость довелось познать и моим друзьям. Мы почувствовали, что в творческий коллектив, создающий космический корабль, нам удалось войти не сторонними наблюдателями.

Сергей Павлович видел в нас первых испытателей своего космического детища и доверял нам. Корабль с каждым днем становился для нас все доступнее, и вскоре мы уже непреклонно верили, что в случае неисправности автоматики сами сможем управлять кораблем и он будет послушен так же, как были послушны быстрые и надежные «МиГи».

Главный конструктор не только знакомил нас со своим кораблем, своими планами, но постоянно интересовался нашими тренировками, спрашивал, как мы себя чувствуем, как готовимся к полету.

— Знайте, друзья,— говорил он, — если вы начнете думать, что вы готовы к подвигу,— значит, вы еще не готовы к полету в космос...

Приближался день запуска первого космического корабля с человеком на борту. Государственная комиссия отбирала первого...

Помните у Пушкина: «Нас было много на челне...» И нас, космонавтов, тоже было много. И каждый готов был выполнить первый полет, не задумываясь, не дрогнув перед той опасностью, что ждет его в космосе.

Отряд космонавтов отбирался не один день. Но среди нас не было ни одного человека, чем-то похожего на другого. Да, мы были все разные — и по опыту жизни, и по характерам.

Но было у нас и много общего — отличное здоровье, хорошее физическое развитие, общая подготовка, интерес к новой работе. Но и это не отличало нас от десятков

тысяч других советских парней. Такой отряд мог быть собран после предварительной подготовки и для похода на Южный полюс, и для экспедиции на дрейфующей льдине, и для испытаний новых самолетов. Наш отряд мог быть экипажем подводной лодки, бригадой монтажников-высотников на строительстве гидростанции — словом, вообще пригоден для любой работы, которая требует воли, физической закалки, знаний и преданности нашему общему делу.

Конечно, не сразу сложился наш отряд, не сразу выработался его стиль, единый почерк спаянного коллектива, объединенного одним делом. Одни болезненно воспринимали критику, другие были чересчур суровы, а иные принесли в коллектив задор и соленую шутку. Со временем каждый из нас взял от друзей лучшее, наиболее приемлемое, и теперь только диву даешься — откуда у некогда мрачноватого друга появилась открытая улыбка?

Родились и свои правила в нашем отряде. Нечто вроде неписаного устава. На занятиях — максимум внимания, ни одного лишнего слова. Никто никого не отвлекает. Каждый помогает другому разобраться в технике, теории, в отшлифовке спортивных упражнений. Но когда занятия окончены, тогда — держись... Здесь тебе припомнится все: и неудачный ответ инструктору, и нелепая поза на тренировке. Или разыграют так, что невольно сам заразишься весельем друзей и хохочешь над своей доверчивостью и оплошностью.

В свободное от занятий и тренировок время мы с друзьями исходили вдоль и поперек Москву и ее окрестности. Роднила нас и любовь к природе, к родным местам. Где бы ни были, мы всегда находили уголки, чем-то напоминающие каждому отчий край.

1961 год. Канун первого рейса к звездам. Выбор пал на Юрия Гагарина, нашего друга по отряду. Комиссия отобрала человека, чья воля и энергия — лучший пример и образец для тех, кто мечтает служить Родине, науке, людям.

Есть что-то символическое в жизненном пути и биографии Гагарина. Это частичка биографии нашей страны. Сын крестьянина, переживший страшные дни фашистской оккупации. Ученик ремесленного училища. Рабочий. Студент. Курсант аэроклуба. Летчик. Этой дорогой прошли тысячи сверстников Юрия. Это дорога нашего поколения — шло ли оно в авиацию или на флот, в науку или на гигантские стройки пятилеток, где, так же как и в кабинетах ученых и конструкторов, готовилось все необходимое для первого полета человека в космос...

Приближался полет в неизведанное. Несмотря на тщательную подготовку, этот полет был связан с определенным риском. И пожалуй, вряд ли нашелся бы на Земле человек, который отправился бы в космическое пространство абсолютно спокойным.

Мы верили в успех, верили в способности советских людей, подготовивших первый полет в космос.

Константин Эдуардович Циолковский писал много лет назад: «Сначала неизбежно идут: мысль, фантазия, сказка. За ними шествует научный расчет. И уже в конце концов исполнение венчает мысль». Мы были свидетелями исполнения самой смелой творческой мысли.

Перед отбытием на космодром состоялось партийное собрание. Повестка его была лаконичной: «Как я готов выполнить приказ Родины». Космонавты дали клятву Родине, Коммунистической партии, Советскому правительству и своим товарищам-коммунистам с честью выполнить задание. Все затаив дыхание слушали выступление Юрия Гагарина.

— Я рад и горжусь, что попал в число первых космонавтов... Не пожалею ни сил, ни труда, не посчитаюсь ни с чем, чтобы достойно выполнить задание партии и правительства. Присоединяюсь к многочисленным коллективам ученых и рабочих, создавших космический корабль и посвятивших его XXII съезду КПСС,— сказал он.

Взволнованные, полные энергии, возвращались мы с

собрания. Не было, казалось, таких трудностей, которые мы не смогли бы преодолеть.

Долгожданный день наступил. Мы прибыли на космодром Байконур. Ясное утро 12 апреля 1961 года. Солнце едва показалось за далеким горизонтом, но лучи его уже теплые, ласковые.

Автобус доставил нас к подножию ракеты. Через несколько минут Гагарин займет место в кабине корабля. Он тепло прощается с членами государственной комиссии, учеными, друзьями-космонавтами. Оба мы были в скафандрах, но тоже обнялись и, как у нас принято говорить, «чокнулись» гермошлемами.

— Дорогие друзья, близкие и незнакомые! — обратился Юрий Гагарин к провожающим. — Через несколько минут могучий космический корабль унесет меня в далекие просторы Вселенной. Что можно сказать вам в эти последние минуты перед стартом? Вся моя жизнь кажется мне сейчас одним прекрасным мгновением...

Все, что прожито, — продолжал он, — что сделано прежде, было прожито и сделано ради этой минуты. Сами понимаете, трудно разобраться в чувствах сейчас, когда очень близко подошел час испытания.

В голосе Юрия торжественность и волнение:

— Понимая ответственность задачи, я сделаю все, что в моих силах, для выполнения задания Коммунистической партии и советского народа.

Мы не сомневались, что Юрий сделает все.

Он вошел в лифт, который доставил его на площадку, расположенную у входа в корабль. Юрий поднял руку, еще раз попрощался:

— До скорой встречи! — и скрылся в кабине.

Захлопнулся люк. А мы, словно замороженные, все еще стояли у стартовой площадки.

Когда Юрий доложил: «Самочувствие хорошее. К старту готов», — я пошел раздеваться. Быстро снял скафандр, гермошлем, комбинезон, надел «земную» одежду и отпра-

вился на пункт связи. Здесь собрались мои товарищи-космонавты и можно было по трансляции слушать переговоры Земли с Юрием в ходе подготовки машины к старту. В динамике раздался уверенный, с шутливым оттенком голос Гагарина:

— Самочувствие отличное. Все делаю, как учили.

Мы невольно рассмеялись. И было от чего: раз космонавт шутит, значит, он действительно чувствует себя превосходно.

Взрели двигатели. С каждой секундой их гул нарастал. Подножие ракеты окуталось клубами дыма. Вот оно уже закрыло добрую половину корпуса ракеты. Внизу бушевало море огня.

Прозвучала команда:

— Подъем!

Ракета, чуть качнувшись, стала медленно уходить вверх. Счастливого полета, дружище!

После того как ракета умчалась ввысь и рев двигателей смолк, на космодроме стало как-то пусто. Нам, летчикам, это чувство также знакомо. Сколько раз на аэродроме рядом с тобой только что стоял твой товарищ, разговаривал — и вот он уже далеко от тебя. Что с ним сейчас, что будет через минуту-другую? Это чувство тревоги за исход полета понятно каждому летчику.

Подошло время, когда космическая ракета должна пройти плотные слои атмосферы. Затем — сброс головного обтекателя. Мы с волнением ждали, как сработает автоматика. Наконец космонавт передал:

Сброс головного обтекателя... Вижу Землю!

— Сработала! — радостно отозвалась Земля.

Одна за другой отделялись ступени ракеты. Мы услышали короткий доклад космонавта. Юрий сообщил, что космический корабль вышел на орбиту. Наступила невесомость. Как он ее переносит? Все внимание было приковано к передачам из космоса. Как себя чувствует Юрий?

На этот вопрос нам ответил сам Гагарин:

— Полет проходит успешно. Самочувствие хорошее. Все приборы, все системы работают хорошо.

Он успешно выполнял программу, и невесомость не мешала его деятельности.

Мы с радостью отмечали, что все автоматические системы работают безотказно.

Откровенно говоря, осмыслить всю грандиозность первого в мире полета в космос тогда было просто некогда. Не успел стихнуть мощный гул ракеты, как Николай Петрович Каманин сказал мне:

— Поседемте к самолету. Сейчас полетим в район приземления.

Самолет плавно оторвался от бетонки, набрал высоту. Мы не отходим от установленного здесь репродуктора, слушаем, что происходит в эфире. По сообщениям из космоса мы улавливаем детали и подробности, понятные только тем, кто непосредственно готовился к подобному полету.

Слышим голос Юрия:

— Передаю очередное отчетное сообщение: девять часов сорок восемь минут, полет проходит успешно... Самочувствие хорошее, настроение бодрое.

— Включилась солнечная ориентация...

— Полет проходит нормально, орбита расчетная...

— Настроение бодрое, продолжаю полет, нахожусь над Америкой...

— Внимание. Вижу горизонт Земли. Такой красивый ореол. Сначала радуга от самой поверхности Земли. Очень красиво...

Впереди предстоит заключительный, может быть, самый важный, наиболее сложный этап полета — снижение и посадка. Все ли работает нормально? И хотя система торможения и посадки неоднократно проверялась при полетах космических кораблей с животными, но ведь могут же возникнуть какие-то непредвиденные обстоятельства. Справится ли мой друг, если ему придется осущест-

влять посадку с помощью ручного управления? В сознании промелькнули картины совместных тренировок.

— Все будет хорошо! — подумал я.

Наконец радио сообщило, что в 10 часов 55 минут космический корабль «Восток» благополучно приземлился в заданном районе. Юрий Гагарин передал с места приземления: «Прошу доложить партии и правительству, что приземление прошло нормально, чувствую себя хорошо, травм и ушибов не имею».

Первый в мире полет человека в космос успешно завершен!

Когда мы прилетели в район приземления, мне хотелось быстрее обнять Юру, но я увидел его в плотном кольце людей. Вокруг стояли ученые. Подойти к Гагарину не было никакой возможности. И все же я стал протискиваться к нему. На меня удивленно смотрели, но я продвигался. Юра заметил меня, когда я был уже в нескольких шагах от него, и бросился мне навстречу. Мы крепко обнялись, долго тискали друг друга.

После отдыха мы с Юрой бродили по берегу Волги. Снег стаял. Подсыхала земля, кое-где пробивалась ярко-зеленая трава, а почки деревьев уже начали выбрасывать пахучие клейкие листочки. Ольха покрылась темно-красными сережками. Вскрылась могучая Волга, и по волнам легко неслись льдины. В ветвях хлопотали грачи, поправляя старые гнезда. Свистели скворцы, и все это сливалось в упоительную мелодию — торжествующий гимн весне.

Милая сердцу картина русской природы! Она удивительно гармонировала с нашим радостным настроением. Мы мечтали о будущих полетах. Юра делился впечатлениями.

Однажды Юра задумался, глядя в звездное небо.

— Ты о чем? — спросил я его. — Мечтаешь, что, может, вот так же вдвоем будем бродить по берегу какой-нибудь марсианской реки и любоваться заходящим солнцем, Землей?

— Вот было бы здорово!..— рассмеялся он.

Потом была незабываемая встреча в Москве. Юрий стоял на трибуне Мавзолея Ленина рядом с руководителями партии и правительства. Ликующая Москва. Ликувание всего мира в честь этой победы Человека.

Мы с друзьями-космонавтами идем в тесной шеренге демонстрантов. Громко кричим, аплодируем, смеемся. На трибуне — Юрий. Он заметил нашу группу, приветливо машет рукой.

А над площадью несутся голоса, люди скандируют: — Партии сла-ва! Га-га-рин!

Каждый день приносил радостные вести: Юрий Алексеевич Гагарин — Герой Советского Союза. Президиум Верховного Совета СССР наградил многих специалистов, принимавших участие в создании и запуске «Востока».

В числе награжденных были и мы — космонавты первого, или, как потом стали говорить, «гагаринского», набора. Меня наградили орденом Ленина.

Сейчас, возвращаясь к пережитому, я отчетливее, рельефнее чувствую грандиозность событий тех дней и роль, которую в них сыграл Юрий Гагарин.

Можно смело сказать, что после 12 апреля 1961 года на планете не было другого человека, который пользовался бы такой любовью не только своего народа, но и народов всего мира. Подвиг его олицетворяет все лучшее, что создано человеческим разумом с древних времен до наших дней, подвиг этот, как принято говорить, вписан в историю золотыми буквами, но мне думается, что даже этот благородный металл не в полной мере отражает его величие.

Для нас, космонавтов, Юрий Алексеевич — однополчанин, для многих — близкий товарищ, искренний и сердечный друг. Мы знаем, что ему, смоленскому пареньку, пришлось пройти до звездного рейса нелегкую дорогу жизни, дорогу, похожую на сотни и тысячи других, которыми идут увлеченные мечтой, ищущие молодые люди,

дорогу, столь обычную в нашей стране и в то же время столь героическую.

Сто восемь минут, которые понадобились на то, чтобы опоясать нашу планету, свидетельствуют не только о скорости, с которой летел космический корабль «Восток». Это был триумф советской науки, нашего образа жизни.

Память об этих минутах будет дорога не только историкам. Правнуки наши, далекие потомки, с любовью и уважением будут перечитывать и изучать документы о рождении новой эры, открывшей людям, детям Земли, путь в бескрайнюю Вселенную.

«Космический корабль «Восток» запускает майора Гагарина в историю», «Самое грандиозное достижение человека», «Мы должны снять шапки перед русскими». Под такими заголовками мировая пресса сообщала о достижениях советского народа. И совершенно естественно, что с завершением космической орбиты для Юрия начались «орбиты земные» не только по нашей стране, но и по зарубежным странам — все хотели увидеть первого космонавта Земли.

И вот тут-то обнаружили «недостаток» в подготовке космонавтов. В первые месяцы после полета Юрию Гагарину пришлось произносить речи на митингах и собраниях, выступать перед рабочими, учеными, в школах и студенческих аудиториях, давать интервью многочисленной и разноликой армии журналистов. А этому в отряде космонавтов нас не учили. Однако Юрий блестяще справился и с этими, «земными перегрузками». Слушатели встречали его восторженно. После его выступлений аудитории взрывались овациями.

Юрий Гагарин побывал в тридцати зарубежных странах. И все-таки вся напряженная общественно-политическая деятельность не могла отвлечь его от подготовки к новым стартам.

Как радовался Юрий каждому новому космическому полету! Но мы знали, что в глубине души он грустил и за-

видовал каждому из нас: полеты становились все более интересными, и он, как профессиональный пилот, не мог оставаться вне этой работы, хотя в подготовку каждого полета он вкладывал все свои знания и усердие. Он проводил в космос своих друзей и вместе с ними переживал каждый полет, учил других и учился сам. Он мечтал о том времени, когда корабли наши полетят по межпланетным трассам, когда сам сядет за штурвал космического корабля.

Во имя этой мечты Юрий Гагарин совершил свой космический подвиг, во имя этой мечты он работал, во имя ее он жил.

Рано, очень рано ушел от нас Юрий. Этот человек с ясной головой и огромным авторитетом мог бы сделать для космонавтики (я имею в виду организацию подготовки космонавтов) неизмеримо больше того, что он сделал. Мир потерял своего героя, потерял неожиданно, и потому наша печаль непомерно велика. Плакали люди в разных уголках мира, плакали женщины и дети, плакали мужчины, молодые, пожилые и старые. Плакали, не стыдясь своих человеческих чувств, слезами отдавая дань любви и уважения человеку Вселенной, человеку, который своим подвигом осуществил их мечты.

И естественно, задаются вопросом: почему не уберегли Гагарина, почему разрешили летать, почему пустили в этот последний для него, трагический для всех нас полет? Вопросы правомерны, если исходить только из любви и уважения к герою планеты.

Юрий пришел в космонавтику не за звездами и чинами. Об этом никто из нас не думал, готовясь к полетам. Он любил и умел летать. После училища просил направить его на Север, где необходимо особое мастерство в пилотировании самолетом, где условия работы суровы и требуют от летчика постоянной собранности, мужества и самообладания. Его зачислили в отряд космонавтов.

Давно известна истина: чтобы не отстать от бурной

жизни нашего времени, надо постоянно учиться самому. А для того чтобы учить других да еще и руководить ими, надо знать и уметь больше. Юрий руководил летной подготовкой космонавтов, сам готовился к будущим космическим стартам и летал на современных самолетах.

Беда пришла неожиданно. Я тогда находился в Италии и прилетел оттуда только на скорбную церемонию в Центральном Доме Советской Армии.

Не могу сейчас выразить словами чувство, которое испытал после того, как мне перевели сообщение газет. Тревога и непоправимость происшедшего, какая-то пропасть в душе и злость от бессилия, от сознания того, что ты ничего не можешь поправить, не можешь помочь ничем. С теплящейся надеждой ждали мы передачи по телевидению: а вдруг газеты что-то напутали. А после — ночная дорога в Рим и решение непременно, немедленно спешить в Москву — к Юре. Уговаривать никого не пришлось. Все понимали, чувствовали, что я должен быть там.

Те дни прошли в каком-то тумане. Ничто не могло заглушить чувство скорби. В ушах стояла мелодия песни: «Когда усталая подлодка из глубины идет домой...» — Юрий так любил ее.

После похорон я пришел на место гибели Гагарина и Серегина, где уже стоял камень с надписью: «Здесь будет установлен памятник...» Там, где упал самолет, образовалась яма, заполненная чистой водой и кем-то заботливо обсаженная елочками.

Я не мог оторвать взгляда от берез, оставшихся без макушек. Мне хотелось по этим искалеченным деревьям хотя бы что-то узнать о последних секундах жизни отважных людей.

Оператор, следивший за меткой самолета на индикаторе радиолокатора, по инерции повторял позывные экипажа, хотя уже понимал, что случилось непоправимое, случи-

лось страшное, произошла трагедия. Но он не хотел в это верить и посылал, посылал в эфир позывные...

Но Юрий не ушел, он по-прежнему с нами, в каждом полете.

Мы помним его слова о путях развития советской космонавтики:

«...Космические полеты не самоцель, не гонка за овладение космосом, о чем много пишут на Западе. Как мудро сказал Циолковский: «Освоение космоса принесет человечеству горы хлеба и бездну могущества!»

Космонавтика может и должна сослужить большую службу человечеству — открыть для него новые миры, даровать власть над погодой, осуществить более быструю связь между континентами. И она уже принялась за это!

Прошло уже то время, когда космонавты летали для того, чтобы узнать, как они себя чувствуют, как бьется сердце, какой пульс, проверить биотоки мозга, возможность работы в состоянии невесомости и всякие другие медицинские дела. Теперь на повестке дня у нас более важные, более серьезные задачи, связанные с полетами к другим планетам Солнечной системы, с созданием больших станций, длительное время действующих в космическом пространстве».

Гагарин был великим оптимистом, он верил в большое будущее космонавтики, неиссякаемые силы советского народа.

Из писем Ю. А. Гагарину

Полет Гагарина — это величайшее событие эпохи Ленина, эпохи коммунизма... Будь я писателем Джоном Ридом, я бы назвал этот первый старт человека в космос не иначе как: «Один день, который потряс весь мир!»

Ветеран гражданской войны *С. Герасимов.*

Примеру вашей страны последуют рано или поздно все народы. Во время войны все наши надежды были устремлены к Красной Армии, которая удивляла маленького школьника, каким я был в то время. Сегодня ее ракеты и ее первый космонавт восхищает весь мир. Никогда СССР не обманывал доверия людей, влюбленных в мир и свободу. Это счастье, что ваша страна имеет такой большой вес в деле борьбы за мир. Ни одна страна не осмелится выступить против нее, и это для нас — залог безопасности. Я надеюсь, что когда-нибудь я смогу посетить вашу страну. Это мое самое дорогое желание.

Жан Ле-Кабек, Франция.

От всего сердца поздравляем с успешным запуском обитаемого космического корабля. Героический подвиг товарища Гагарина вселяет в японскую многомиллионную молодежь, ведущую неустанную борьбу против американского империализма и японского монополистического капитализма, уверенность в светлое будущее и в победу. От имени трех тысяч товарищей, входящих в профсоюз транспортных работников Токио, крепко жмем с дружеским чувством Ваши руки.

Японский союз демократической молодежи.
Отделение профсоюза транспортных работников
района Тосиматику, Токио, Япония.

С глубоким патриотическим чувством я приветствую Ваш великий подвиг, достойный члена нашей любимой партии. Вы еще больше укрепили нашу привязанность к Вашей социалистической Родине. Мы считаем Вас подлинным борцом за мир, за свободу, за счастье, верным сыном советского народа, который своим беспримерным подвигом привлек внимание всего мира. Такое уважение мы испытываем к советским ученым, которые достигли

огромных успехов. Я аргентинец, и подобные чувства сейчас испытывают миллионы людей во всех странах мира. Мы переживаем огромную радость и гордость. Мы благодарны Вам за тот вклад в нашу повседневную борьбу за коммунистические идеалы, за Ваш полет, который является еще одним шагом на пути к прогрессу и благосостоянию всего человечества и использованию науки и техники в мирных целях.

Да здравствует Гагарин!

Да здравствует советская наука и техника!

Да здравствует советский народ!

Да здравствуют неустанные борцы за мир во всем мире!

Да здравствует мир!

Р. Родригес, Аргентина.

Мистер Гагарин Юрий!

Вы покорили небо. Вы возвеличили Землю. Кто после этого поверит, что Россия отсталая страна? Ваша далекая северная страна подарила миру великого Ленина. Вы запустили первый спутник. Вы послали ракету на Луну. И вот теперь этот космический полет...

Л. С., Лиссабон.

Этот изумительный подвиг потряс сердца и всколыхнул фантазию людей всего мира. Я шлю мои наилучшие пожелания всем советским людям.

Искренне Ваша

Анна Парри, Англия, Ливерпуль.

Браво, Советы! Я не коммунист, но я верю и знаю, что эта великая победа сотворена во имя мира, во имя человечества...

Только слепые могут не видеть ваших успехов в самых различных областях.

Искренне Ваш

А. Ширинг, США, 12 апреля 1961 г.

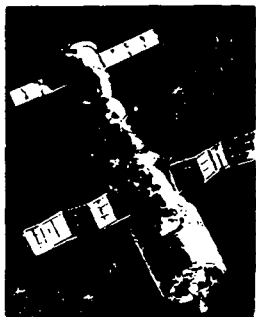
Майору Гагарину Юрию Алексеевичу!

Летчики-испытатели Государственного комитета Совета Министров СССР по авиационной технике горячо поздравляют Вас, первого летчика-космонавта, с историческим полетом в космос.

Мы гордимся Вами, верным сыном нашей Родины, гордимся небывалыми достижениями нашей науки и техники.

Уверены, что в скором времени полеты в космос будут такими же обычными, как полеты в стратосферу, совершаемые нашими летчиками сейчас.

По поручению летчиков-испытателей:
дважды Герой Советского Союза,
заслуженный летчик-испытатель СССР *В. К. Коккинаки*,
дважды Герой Советского Союза *С. Амет-Хан*,
Герой Советского Союза,
заслуженный летчик-испытатель СССР *С. Анохин*,
заслуженный летчик-испытатель СССР *Я. Якимов*,
Герой Советского Союза *Г. Мосолов*,
летчик-испытатель *Л. Чистяков*.

И ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОЛЕТ

В. П. МИШИН, академик

Юрий Гагарин первым прошел звездной дорогой, открыв путь в космос всему человечеству. Это был беспрецедентный подвиг, восхитивший и удививший весь мир, подвиг во имя будущего.

За минувшие четверть века выросло новое поколение людей, и уже они, молодые, рисуют на чертежных досках контуры космических кораблей завтрашнего дня. Это, конечно, более совершенные, более умные машины, чем те, что были созданы их отцами и стали первыми в истории Земли звездными кораблями. Но без них, первых, не было бы современной космонавтики с ее открытиями, меняющими наши представления о мире, с многомесячными полетами космонавтов, которые уже становятся почти обычными. И мы все постоянно должны об этом помнить — и участники тех событий, и молодежь, для которой они — далекая история. Помнить о том, как и кем создавалась эта новая для человечества техника, о тех, кто делал первые шаги в космосе, прежде всего потому, что в их делах воплотился великий подвиг народа, подвиг трудовой, нравственный, научный.

Нельзя забывать, что всего лишь за 12 лет до запуска первого в мире искусственного спутника Земли наша страна пережила величайшую трагедию Великой Отечественной войны, оставившей после себя тысячи разрушенных

городов и сел, заводов и фабрик, нарушенную мирную жизнь. Требовались огромные силы и средства, чтобы восстановить экономику.

И в это трудное для страны время партия и государство поддержали предложение о создании ракеты-носителя и искусственных спутников Земли в интересах мирной науки. И коллективы, которым было поручено это новое дело, оправдали оказанное им доверие. Работали, не жалея себя, понимая важность задачи и свою ответственность перед народом, выдержавшим тяжелейшие испытания. Возглавили эти работы выдающиеся ученые нашего времени академики С. П. Королев и М. В. Келдыш. И задание Родины в кратчайшие сроки было выполнено.

Запуск в космос первого в истории искусственного спутника Земли и полет Юрия Гагарина открыли человечеству дорогу в космос.

Оба эти события имели решающее значение для космонавтики, которая стала развиваться по двум направлениям. Первым из них можно считать создание автоматических космических средств, которые доказали эффективность при исследовании космического пространства, Луны и планет, а также при решении многих прикладных задач. Но ни один, даже самый совершенный автомат не может заменить человека. Автоматический космический аппарат работает по заложенной в него программе, которая по командам с Земли может корректироваться в ходе полета. Но автомат не обладает той избирательностью при сборе информации, например о Земле, какая есть у человека. Автоматический спутник может при фотографировании поверхности Земли снимать все подряд, в том числе и районы, закрытые сплошной облачностью. Эта информация интересна, конечно, для метеорологов, но она ничего не дает специалистам других областей — геологам, лесоводам и пр. К тому же автомат может «не заметить» кратковременных явлений, возникающих в той же атмосфере или окружающем пространстве. И вот тут человек неза-

меним. А значит — он должен лететь в космос и работать там.

Еще в 1949 году Сергей Павлович Королев встретился с медиками и предложил организовать полеты животных на ракетах. Восторгов это предложение не вызвало — слишком необычным оно было, да и не видели в нем практического смысла. Тогда ученых больше интересовала высота 15—18 километров, да и та авиаторам казалась огромной — к ней только подбирались, как и к звуковой скорости. Но полеты на ракетах? — это же из области фантастики.

Сергей Павлович Королев сумел убедить многих (это он умел) в необходимости начинать исследования в новой области. Главная их цель — подготовка человека к полету в космос. Путь ему должны были проложить животные: слишком много неизвестного ждало человека в полете — радиация, метеориты, наконец, невесомость.

Промышленность получила заказ на изготовление шести ракет для запуска собак.

Первыми космическими путешественниками стали дворняжки Цыган и Дезик, стартовавшие 22 июня 1951 года. Поднявшись на высоту около 100 километров, они в отделившемся от ракеты контейнере благополучно приземлились; при этом и невесомость, и перегрузки при старте и возвращении они перенесли хорошо.

При запуске ракет этой серии все поставленные задачи были решены.

Сергей Павлович был вполне удовлетворен первыми результатами, но — и в этом был весь Королев — он уже намечал следующие шаги.

Весной 1956 года обсуждались результаты новых экспериментов с запусками животных. Неожиданно Королев предложил подготовить и осуществить полет человека на высотной ракете, после чего перейти к орбитальному полету. Такие проработки в его ОКБ велись. Однако вскоре Сергей Павлович пришел к твердому убеждению,

что по сложности работ первая часть эксперимента практически равна подготовке и осуществлению орбитального полета, но дает очень мало, а поэтому «игра не стоит свеч», и на совете главных конструкторов было принято решение — готовить космический корабль для полета человека на околоземную орбиту.

Успешный запуск 4 октября 1957 года первого искусственного спутника доказал реальность космических полетов. И буквально сразу, вернувшись с космодрома, Королев дает указание: готовить спутник для полета животного. Официально решение об этом было принято 12 октября, когда работа уже шла полным ходом.

Через месяц, 3 ноября, в космос на втором спутнике поднялась собака Лайка. Больше всего медиков волновали два вопроса: как животное перенесет этап выведения на орбиту с его перегрузками и вибрациями и как будет чувствовать себя в невесомости. Полученная информация, хотя и была невелика, обнадеживала.

Трудно перечислить все научно-технические и организационные стороны той работы, которая называлась «подготовкой полета человека в космос», и уж совсем невозможно назвать все организации, участвовавшие в ней. Ведь создавались новые, невиданные раньше конструкции, системы и агрегаты, требовавшие самой тщательной отработки в условиях, хотя бы приближенных к тем, в которых они будут работать в реальном космическом полете. А сами эти условия не только были мало изучены, но и часто на Земле просто не могли быть воспроизведены.

Особенно волновала всех загадочная и неизученная невесомость и ее влияние на человека, та невесомость, тайны которой не раскрыты до конца и сейчас, несмотря на то что уже около двухсот жителей Земли немало проработали в космосе.

Наступило 12 апреля 1961 года. В 9 часов 7 минут по московскому времени над казахстанской степью разнеслось

знаменитое гагаринское «Поехали!» и первый в мире пилотируемый космический корабль «Восток» начал свой полет к звездам.

Первый космический рейс человека длился 108 минут. Готовились к нему годы...

Полет Юрия Гагарина показал, что в принципе человек может летать в космос, сохраняя при этом ясность мышления (что до полета вызывало некоторые сомнения у ряда специалистов), трезво оценивать окружающую обстановку и сохранять работоспособность. Но это было в кратковременном полете, когда космонавт находился в невесомости чуть больше часа. А что будет при увеличении длительности? На это можно было получить ответ только при дальнейших полетах.

Перед вторым стартом человека в космос наиболее осторожные специалисты предлагали сделать два витка, считая, что продвигаться вперед надо очень осторожно. Королев же считал, что следующий полет должен быть суточным — только такое увеличение длительности позволит получить что-либо новое по сравнению с полетом Гагарина.

В августе 1961 года Г. С. Титов успешно выполнил суточный полет, совершив 17 оборотов вокруг Земли. Задачи перед космонавтом с позиций сегодняшнего дня были поставлены предельно скромные: попробовать поесть, попробовать поспать, если будет возможно, сфотографировать поверхность Земли...

Надо сказать, что этот полет поставил-таки перед медиками некоторые вопросы: у Титова некоторое время в полете наблюдались вестибулярные расстройства, особенно при резких движениях головой. Но это могли быть индивидуальные особенности космонавта. Исследования, проведенные на «Востоке-2», наблюдения космонавта за своим состоянием и его объективный доклад оказались очень ценными. Благодаря им в подготовку космонавтов были внесены некоторые изменения, что помогло на сле-

дующий год осуществить полет, длившийся почти четверо суток. В то же время стало ясно, что невесомость может стать главным препятствием на пути человека в космос.

К вопросу о продолжительности полетов специалисты обращались не раз. Собственно, он и сейчас не снят с повестки дня, хотя люди живут и плодотворно работают в космосе уже месяцами. Но внимание к этому вопросу вполне объяснимо, так как от этого зависит эффективность освоения космоса. Если бы в те первые годы выяснили, что пребывание в космосе ограничено часами или даже сутками, вряд ли можно было бы говорить о реализации серьезных космических программ, не говоря уже о полетах к другим планетам. Поэтому всякий раз, когда позволяла техника и не было «противопоказаний», время полета старались увеличивать. В результате оно выросло к настоящему времени до 237 суток.

Достаточно ли этого срока для выполнения задач, стоящих сейчас перед космонавтикой? Пока достаточно, когда мы говорим о работе в околоземном космическом пространстве, на орбитальных станциях, где экипажи, по мере необходимости, могут меняться, а в критических ситуациях и быстро вернуться на Землю.

Однако этот срок мал для полета к другим планетам. Для полета на Марс, например, с возвращением на Землю понадобятся как минимум два года. И пусть пока мы на Марс не собираемся, но это время обязательно придет, и к такому полету мы должны готовиться уже сейчас.

Но вернемся в те уже далекие 60-е годы, когда практическая космонавтика делала первые шаги на своем бесконечном пути и писались первые страницы ее истории.

Продолжались экспериментальные полеты на кораблях серии «Восток». Да, именно так — каждый полет был испытанием и прежде всего человека, его возможностей. Сам корабль был оснащен таким образом, имел на борту такие запасы расходуемых продуктов, которые обеспечивали десятисуточный полет. С инженерной точки зрения

увеличение продолжительности полета сомнений не вызвало — опасались за человека. И когда С. П. Королев, как всегда думавший о перспективе, предложил осуществить полет двух кораблей с максимально возможным по тем временам сближением их на орбите и продолжительностью до трех-четырех суток, отнеслись к этому предложению по-разному. Кое-кто посчитал его преждевременным, говорили о том, что космонавты не имеют необходимой подготовки к многосуточным полетам. Нашлись и такие сторонники осторожных шагов, кто вообще не понимал, зачем так торопиться.

Сергей Павлович стоял на своем. Его возражения оппонентам сводились к следующему:

«Я еще могу понять тех, кто сомневается в длительной работе систем жизнеобеспечения, хотя для этого нет оснований, ибо я детально ознакомился со всеми материалами испытаний и абсолютно уверен в надежности этих систем. Но где аргументы тех, кто предлагает не спешить? Не мне вам говорить, во что обходятся исследования космоса. Поэтому надо делать все, чтобы каждый полет был заметным шагом вперед, приносил максимальную пользу...

Мы бы не двинулись вперед, если бы не решались на смелые шаги в неизвестное. Разумеется, каждый такой шаг следует готовить очень тщательно, но делать его надо обязательно».

Оба кандидата на этот групповой полет, А. Г. Николаев и П. Р. Попович, поддержали предложение Главного конструктора, как в свое время это сделал Г. С. Титов: их согласие было неслучайным условием проведения эксперимента, ведь речь шла об их здоровье.

Групповой полет кораблей «Восток-3» и «Восток-4» состоялся в августе 1962 года. Второй корабль стартовал через сутки после первого, когда орбита «Востока-3» проходила над Байконуром. Корабли сблизились на расстояние около 6 километров. Кроме решения технических

задач — сближения кораблей, установления радиосвязи между ними — проводились исследования состояния космонавтов в длительном полете. И Николаев, и Попович в полете чувствовали себя хорошо. Был проведен эксперимент и по свободному передвижению в невесомости (насколько, конечно, позволяли скромные размеры спускаемого аппарата). Сон у обоих космонавтов проходил нормально, рабочие операции они проводили без особых трудностей. Результаты были обнадеживающими: увеличение длительности космического полета возможно.

В том же 1962 году в Звездном городке появились несколько девушек: по предложению С. П. Королева готовился полет в космос женщины.

В июне 1963 года был осуществлен второй групповой полет. Командиром «Востока-5» был В. Ф. Быковский, «Востока-6» — В. В. Терешкова. Этот полет представлял интерес прежде всего с точки зрения проведения сравнительного анализа воздействия факторов космического полета на организм мужчины и женщины. Кроме того, Валентина Терешкова стала первой в мире женщиной, поднявшейся в космос. Этот полет стал свидетельством не только успехов нашей медицины в подготовке и обеспечении космических полетов, но и расширяющихся возможностей космонавтики, нацеленности отечественной космической программы на будущее.

Полетом «Востока-5» и «Востока-6» завершился первый этап исследований, связанных с полетом человека в космическое пространство. Это были последние одноместные корабли первой в мире пилотируемой серии.

В октябре 1964 года на орбиту поднялся «Восход» — первый в мире многоместный корабль с экипажем на борту. В составе экипажа были летчик В. М. Комаров, один из ведущих разработчиков космических кораблей К. П. Феоктистов и врач Б. Б. Егоров. В этом полете исследовался важный вопрос — работоспособность и взаимодействие группы людей — специалистов разного профи-

ля. Кроме того, проверялись новые системы корабля — возвращения на Землю и мягкой посадки. В отличие от «Востоков», где космонавты при посадке катапультировались и спускались на парашюте отдельно от спускаемого аппарата, здесь возвращение осуществлялось в самом спускаемом аппарате, а перед самой землей включались двигатели мягкой посадки, снижавшие скорость приземления практически до нуля.

Увеличение количества космонавтов на борту корабля и введение в их число врача открыли новые возможности для изучения проблем невесомости непосредственно в полете.

На корабле «Восход-2» в марте 1965 года космонавтами П. И. Беляевым и А. А. Леоновым была решена еще одна новая задача — выход человека из корабля в открытый космос. При длительных полетах больших космических систем возрастала и роль человека в различных работах, в том числе по обслуживанию аппаратуры и механизмов, расположенных вне корабля.

До полета были споры относительно того, как будет чувствовать себя человек, оказавшийся за «стенками» космического дома. Одни считали, что в этих условиях может мгновенно появиться и быстро прогрессировать страх перед открывающейся бездной, способный парализовать его действия и волю. Другие же считали, что здоровый и физически, и психически человек, каким, несомненно, был основной претендент на проведение этого эксперимента, сумеет быстро адаптироваться в необычной ситуации.

И вот весь мир стал свидетелем героического полета А. А. Леонова: он первым из людей покинул космический корабль и сделал «первые шаги» во Вселенной. Космонавт показал (и это мы видели на экранах телевизоров), что человек может свободно «плавать» в космосе, выполнять запланированные операции. Этот необычный эксперимент имел и неожиданный, незапланированный результат.

Из-за отказа автоматики системы спуска космонавтам пришлось перейти на ручное управление: спускаемый аппарат благополучно приземлился, но... в глухой тайге под Пермью, где им пришлось провести ночь, прежде чем по глубокому снегу к ним смогли подойти спасатели.

Полеты «Востоков» и «Восходов», ставшие уже далекой историей, явились важнейшим этапом на пути освоения космического пространства. На практике был решен ряд принципиальных технических задач. Главный же итог состоял в том, что на всех этапах полета, в том числе во время выхода в открытый космос, человек способен активно действовать, выполняя различные виды работ. В то же время был сделан еще один вывод: невесомость — противник серьезный и борьба с ее нежелательными влияниями на организм человека предстоит долгая и упорная.

На этом первом этапе стало ясно, что человек может перейти от экспериментальных полетов, какими, в сущности, были полеты «Востоков» и «Восходов», к плодотворной целенаправленной деятельности в космосе. Выполненная программа стала фундаментом, на котором базировалась как отечественная, так и мировая пилотируемая космонавтика, перед которой открылись огромные перспективы и были созданы предпосылки для перехода ко второму этапу развития пилотируемой космонавтики.

Так в конструкторском бюро С. П. Королева появилась программа «Союз».

В отличие от своих предшественников, обладавших ограниченными возможностями по длительности полета, маневренности и комфортности, «Союз» создавался сразу как корабль многоцелевой, с перспективой длительной работы в космосе. Наличие на «Союзе» двух жилых отсеков сделало его более удобным для пребывания и работы в нем космонавтов, а оснащение разнообразным научным оборудованием позволило выполнять широкую программу исследований, экспериментов и наблюдений. Программа

«Союзов» предусматривала значительное увеличение объема научных и прикладных исследований, направленных на изучение космического пространства и нашей планеты, ее природных ресурсов.

Надо сказать и о новом подходе к отбору космонавтов для полетов на «Союзах». Усложнение задач и проведение широкого круга научных исследований потребовали включения в состав экипажей испытателей различных специальностей, которые, в частности, должны были выполнять функции бортинженеров. Космический корабль — это целый комплекс сложнейших систем различного назначения, и бортинженер обязан непрерывно следить за работой всех этих систем, предупреждать возможные неисправности и проводить ремонтные работы — так в основном очерчивался круг обязанностей бортинженера при создании «Союзов». По инициативе С. П. Королева впервые отбор кандидатов для полетов в качестве бортинженеров проводился в 1965 году. В основном это были сотрудники конструкторского бюро, участвовавшие в разработке ракетно-космической техники. Тогда кандидатами в космонавты стали А. С. Елисеев, О. Г. Макаров, Г. М. Гречко, В. Н. Волков и другие.

Отдельные системы кораблей «Союз» отработывались при пусках автоматических спутников серии «Космос». В апреле 1967 года «Союз-1» отправился в испытательный полет. Пилотировал его Герой Советского Союза космонавт Владимир Михайлович Комаров. Через сутки после старта, когда программа полета была выполнена, отделившийся от корабля спускаемый аппарат вошел в атмосферу и начал спуск. Все шло нормально. Но когда до Земли оставалось всего несколько километров, произошло непредвиденное — не сработала до конца парашютная система...

Вся страна тяжело переживала гибель космонавта. На том месте, где произошла трагедия, в память о В. М. Комарове установлен обелиск.

Снова и снова были проанализированы проектные и технические решения, принятые на «Союзе», проведены дополнительные испытания. В октябре 1968 года после проведения соответствующих доработок были запущены два корабля — беспилотный «Союз-2» и пилотируемый «Союз-3», командиром которого был назначен Георгий Тимофеевич Береговой, заслуженный летчик-испытатель, ставший во время войны Героем Советского Союза.

Осуществляя ручную маневрирование корабля на орбите, космонавт сумел подвести его на минимальное расстояние к «Союзу-2», несколько раз отходил и снова приближался к нему. После того как программа была выполнена, спускаемые аппараты обоих кораблей благополучно возвратились на Землю.

В январе 1969 года Советский Союз провел небывалый по тем временам эксперимент. Выведенные на орбиту с интервалом в одни сутки корабли «Союз-4» и «Союз-5» произвели стыковку на орбите, образовав первую в мире экспериментальную орбитальную станцию, и в течение трех часов летели вместе как одно целое. На «Союзе-4» находился его командир В. А. Шаталов, на «Союзе-5» — экипаж в составе командира корабля Б. В. Волынова, инженера-исследователя Е. В. Хрунова и бортинженера А. С. Елисеева.

После того как корабли состыковались, Елисеев и Хрунов, надев специальные скафандры, вышли через орбитальный отсек, который служил шлюзовой камерой, в открытый космос и перешли на борт «Союза-4». Поднявшись в космос на одном корабле, они возвратились на Землю на другом.

Еще более сложная программа была выполнена в октябре того же года, когда в космос один за другим стартовали три космических корабля — «Союз-6», «Союз-7» и «Союз-8». В течение трех суток корабли совершали совместный групповой полет. Во время этого полета на корабле «Союз-6» В. Н. Кубасов провел уникальный

эксперимент по сварке различных материалов в условиях космического вакуума и невесомости. Это был первый технологический эксперимент в космосе.

Новым важным шагом на пути к длительным космическим полетам стал запуск «Союза-9» в июне 1970 года. А. Г. Николаев и В. И. Севастьянов провели в космосе 18 суток — так долго до них еще никто не летал. Космонавты отлично справились со сложной и очень насыщенной программой. За время полета проводились многочисленные научно-технические исследования и эксперименты с целью дальнейшего изучения околоземного космического пространства и определения возможностей пилотируемых орбитальных станций при использовании их в интересах народного хозяйства: наблюдение и фотографирование отдельных районов, интересовавших геологов, наблюдения за состоянием Мирового океана и т. д.

Основное же внимание уделялось медико-биологическим экспериментам. Космонавты впервые в этом полете занимались физическими упражнениями — на борту имелся резиновый эспандер. Весь полет космонавты чувствовали себя отлично. И тем не менее этот полет преподнес медикам много сюрпризов. Если до этого они были знакомы лишь с процессом адаптации человека к невесомости, то на этот раз они столкнулись с новым явлением — реадaptацией к земным условиям после возвращения. Оказалось, что процесс обратного приспособления организма человека, длительное время находившегося в состоянии невесомости, сопровождается различными нарушениями и расстройствами, которые после менее продолжительных полетов были выражены очень слабо. Несколько недель понадобились Николаеву и Севастьянову, чтобы вернуться к дополетной «форме». В первые дни они ощущали повышенную тяжесть тела, у них снизилась физическая работоспособность, они плохо переносили вертикальную позу.

Поскольку в это время полным ходом шли разработка

и изготовление орбитальной станции, предназначенной для еще более длительных полетов, предупреждение подобных явлений приобрело особую остроту.

Опыты показали, что защитные средства должны быть рассчитаны прежде всего на поддержание у космонавтов достаточно высокого уровня физической работоспособности, координации движений, на создание максимальной нагрузки на костно-мышечный аппарат, который в условиях длительной невесомости может атрофироваться. Словом, при создании уже первой орбитальной станции на ее борту предусмотрели целый комплекс средств для физических упражнений.

Будущие контуры длительно или постоянно действующих орбитальных станций закладывались С. П. Королевым еще в 1962 году, при подготовке программы «Союз». Однако непосредственная работа над «Салютами» началась после смерти Главного конструктора. Ее продолжали последователи Королева.

Сразу же была принята принципиальная схема создания орбитальной станции, когда сама станция выводится в космос без экипажа, а космонавты и различное оборудование периодически доставляются на ее борт и в дальнейшем возвращаются на Землю транспортными кораблями. Эта схема и в настоящее время представляется наиболее оптимальной.

При разработке проекта первой станции было решено максимально использовать отдельные системы и агрегаты кораблей «Союз», автоматических станций «Зонд» и других аппаратов, хорошо зарекомендовавших себя при проведении космических исследований,— это позволяло сократить сроки разработки и стоимость станции, что всегда учитывалось при реализации отечественной космической программы. Правда, специфика работы станции предъявляла к этим системам и новые требования.

Дело в том, что на пилотируемых кораблях, предназначенных для сравнительно кратковременных по-

летов, основные служебные системы располагались, как правило, в недоступных для экипажа местах (в специальных отсеках), «под рукой» у космонавтов устанавливалось лишь оборудование, необходимое в основном для бытовых нужд или проведения экспериментов и управления. На станции же нужно было обеспечить такое расположение приборов и оборудования, которое позволило бы экипажу проводить их техническое обслуживание, а при необходимости — и замену. Поэтому станция была выполнена в виде единого герметичного блока с внутренним разделением на отсеки, соединенные между собой люками-лазами. При внутренней компоновке оборудования максимально учитывались требования комфортабельности и эстетики. Приборы были закрыты съемными панелями, тщательно подбиралась окраска различных поверхностей. Чтобы не терялась иллюзия «низа» и «верха» (понятия весьма условные в невесомости), пол и потолок были окрашены в разные цвета.

Так называемый переходный отсек оснастили стыковочным узлом, и он стал причалом для транспортных кораблей. Для работы и отдыха космонавтов был оборудован основной отсек объемом около 60 кубических метров, в котором разместились посты управления, места для хранения и приема пищи, сна, санитарной гигиены и физических упражнений. Орбитальный «стадион» был оборудован бегущей дорожкой, велоэргометром, эспандерами.

Был доработан и корабль «Союз», ставший транспортным средством для доставки экипажа на станцию. В основном доработка коснулась стыковочного узла, который был выполнен в виде люка-лаза, что позволило переходить из корабля в станцию, не выходя в открытый космос.

19 апреля 1971 года на орбиту была выведена первая в мире орбитальная станция «Салют», а 6 июня стартовал корабль «Союз-11» с космонавтами Г. Т. Добровольским, В. Н. Волковым и В. И. Пацаевым, которым предстояло

стать первыми обитателями станции. Успешно проведя стыковку, экипаж перешел в станцию и приступил к работе. Впервые космонавты должны были выполнить обширнейшую программу научных исследований: медико-биологических и астрофизических, технологических и для народного хозяйства.

В течение всего полета космонавты чувствовали себя хорошо, этому помогали выполняемые ими в большом объеме физические упражнения. Больше трех недель продолжалась космическая вахта. Перед возвращением космонавты уложили в спускаемый аппарат материалы с результатами научных исследований, экспериментальные биологические объекты, боржурналы и записные книжки...

Но случилось непредвиденное. Когда была дана команда на отделение от станции и корабль начал готовиться к спуску, ничто не предвещало трагедии. Отработал свое тормозной двигатель, прошло разделение отсека, и спускаемый аппарат устремился к Земле. Экипаж вел обычные переговоры с Землей, но вот связь прекратилась. Это никого не обеспокоило, так как всегда при входе в плотные слои атмосферы связь на некоторое время обрывается. Но вот погашена скорость, над спускаемым аппаратом раскрылся парашют, а связь все не восстанавливалась. Когда аппарат опустился на Землю, в нем обнаружили космонавтов на рабочих местах без признаков жизни. Экипаж погиб вследствие разгерметизации спускаемого аппарата на большой высоте.

Это была тяжелая потеря. Эксплуатацию станции в пилотируемом режиме пришлось приостановить. Надо было не только установить причину катастрофы и принять меры для повышения безопасности экипажа, но и преодолеть некоторый психологический барьер, чтобы продолжить полеты человека в космос. Были доработаны отдельные элементы конструкции корабля и следующей станции, предусмотрены защитные скафандры для эки-

пажа, в которых космонавты находятся теперь на участках выведения на орбиту и спуска на Землю.

После долгого перерыва 27 сентября 1973 года на «Союзе-12» стартовали В. Г. Лазарев и О. Г. Макаров. В полете испытывались корабль и вновь созданные скафандры.

Полет и возвращение на Землю прошли без замечаний.

В декабре того же года был осуществлен еще один автономный полет «Союза». На этот раз корабль был оборудован как заатмосферная астрофизическая лаборатория — на борту была установлена система ультрафиолетовых телескопов «Орион-2». П. И. Климук и В. В. Лебедев за восемь суток полета выполнили не только большое количество астрофизических наблюдений, но и впервые провели спектрографирование и многозональную съемку участков земной поверхности, эксперимент, который предоставил ученым новые, более широкие возможности для изучения Земли из космоса, чем обычное фотографирование.

Тем временем готовились к полету станции «Салют-3» и «Салют-4», запуск которых планировался на 1974 год. Основное новшество, введенное на этих станциях, коснулось системы энергоснабжения. Повышение мощности этой системы позволяло расширить программу научных исследований, установить более энергоемкую аппаратуру.

Две недели работали на борту станции «Салют-3» летом 1974 года П. Р. Попович и Ю. П. Артюхин, стартовавшие на «Союзе-14». Во время этого полета выполнялись технологические и научные эксперименты.

Успешные испытания новых систем позволили значительно расширить программу исследований на станции «Салют-4», выведенной на орбиту 26 декабря 1974 года, оснастить ее большим количеством самой разнообразной аппаратуры.

Первым стартом 1975 года, богатого космическими событиями, стал старт пилотируемого корабля «Союз-17»,

который доставил на «Салют-4» первый экипаж в составе А. А. Губарева и Г. М. Гречко. Они работали на орбите месяц. Выполненная космонавтами программа делилась на три основных направления: испытание новой космической техники, дальнейшее изучение влияния невесомости на жизнедеятельность человека и проведение большого комплекса исследований и экспериментов научного и прикладного характера. Вернулись космонавты на Землю 9 февраля.

А в конце мая на станции поселился второй экипаж в составе П. И. Климук и В. И. Севастьянова. Они проработали на орбите 63 дня, космонавтами были проведены исследования, которые представляют большой интерес для народного хозяйства, астрофизики, космической медицины, биологии и техники.

Особое место в полете и первой, и второй экспедиций занимали медико-биологические исследования. Ставились эксперименты на различных биологических объектах — микроорганизмах, насекомых, водорослях, растениях. Но основным объектом исследований были сами космонавты.

Комплекс профилактических мероприятий, разработанный и внедренный на этой станции, дал положительный эффект. Экипажи сохраняли высокую работоспособность, хорошо себя чувствовали. На завершающем участке полета пили воду с солевыми добавками, что позволило приостановить обезвоживание организма, наблюдающееся в невесомости.

Легко перенесли они и процесс реадаптации при возвращении на Землю.

Уже при полете «Салюта-4» в полной мере проявились преимущества обитаемой орбитальной станции: возможность самому экипажу менять программу работы, находить оптимальные решения при возникновении «нештатных» ситуаций. Например, Г. М. Гречко и А. А. Губарев после консультации со специалистами устранили

неисправность солнечного телескопа, проверили и освоили новую методику работы с ним.

Конечно, это сравнительно простые задачи, но и они доказали принципиальные возможности непосредственного вмешательства человека в работу систем станции для повышения ее жизнеспособности. Этот опыт не пропал даром — его использовали на станциях «Салют-6» и «Салют-7».

На борту «Салюта-4» двумя экипажами была выполнена обширная программа научных, технических, медико-биологических экспериментов и исследований.

1975 год ознаменовался выдающимся достижением мировой космонавтики — был осуществлен советско-американский эксперимент «Союз» — «Аполлон» со стыковкой космических кораблей двух стран на орбите.

Подготовка этого полета началась в 1972 году, когда после предварительного обсуждения специалистами было подписано на высшем уровне межгосударственное Соглашение о сотрудничестве в исследовании и использовании космического пространства. Центральным пунктом этого соглашения был проект ЭПАС (экспериментальный проект «Аполлон» — «Союз»).

Проектом предусматривалась стыковка кораблей на орбите, переход космонавтов из одного корабля в другой и проведение совместных экспериментов. Задача была сложной и потребовала для своего решения значительных усилий от специалистов обеих сторон. Усложнилась задача тем, что корабли имели принципиальное различие — в отсеках у них была разная атмосфера: чисто кислородная с пониженным давлением в «Аполлоне» и обычная, «земная», в «Союзе».

За сравнительно короткий срок состоялось много встреч рабочих групп специалистов СССР и США, проведены разнообразные совместные испытания и тренировки, в ходе которых был решен широкий круг организационных и технических вопросов. В этот период были

определены задачи и программа полета, разработан принципиально новый тип стыковочной системы — своеобразная шлюзовая камера, предназначенная для перехода космонавтов из одного корабля в другой с разной атмосферой, созданы необходимые средства и организована связь между кораблями, землей и кораблями, отработано взаимодействие между Центрами управления полетами СССР и США.

Совместная работа двух ведущих космических держав получила поддержку и одобрение во всем мире, она открывала новую страницу в истории международного сотрудничества по исследованию и освоению космического пространства в мирных целях. Советским и американским специалистам пришлось решить немало проблем, преодолеть много технических трудностей, но стремление вместе работать во имя мира и блага людей, узнавать друг друга, находить общий язык помогло эти трудности преодолеть и блестяще провести полет.

15 июля 1975 года с космодромов Байконур в СССР и имени Кеннеди в США стартовали поочередно «Союз-19» и «Аполлон». В состав советского экипажа входили Алексей Леонов и Валерий Кубасов, американского — Томас Стаффорд, Вэнс Бранд и Дональд Слейтон. Через два дня корабли состыковались и летали более суток, образовав на орбите первую международную орбитальную станцию.

После их успешной работы можно было надеяться на дальнейшее продолжение столь плодотворно начатого сотрудничества, однако — не по вине советской стороны — продолжения не получилось. Мало того, по инициативе американской администрации в настоящее время такое сотрудничество, от которого только выиграли бы обе стороны, а в конечном итоге и вся мировая космонавтика, практически сведено к нулю. Приходится об этом только сожалеть.

Станция «Салют-4» находилась на орбите выше двух

лет, из них только три месяца на ее борту работали люди, остальное время она летала в автоматическом режиме. Жесткие ограничения массы и объема станции, эта «ахиллесова пята» ракетно-космической техники, допускали установку на ней при старте запасов жизнеобеспечения (воды, пищи и пр.) не более чем на 100—120 суток полета для двух человек. Пилотируемый корабль, на котором экипаж доставлялся на станцию, не мог привезти с собой много грузов. Для дальнейшего увеличения сроков активного функционирования орбитальных станций, а значит, и длительности пилотируемых полетов требовалась модернизация всей схемы космического комплекса. Для продолжительного хранения пищи на станции необходимо иметь холодильную установку, достаточно энергоемкую. Периодически нужно пополнять запасы топлива, менять аккумуляторные батареи и некоторые системы с ограниченным ресурсом работы.

Решение проблемы виделось в периодической доставке на станцию грузов и топлива специальным кораблем, в создании постоянно действующего моста «Земля — орбита Земля». Элементы этой схемы просматривались еще в начале работ по программе «Союз». Но для специального корабля нужно было иметь на станции дополнительный причал, чтобы можно было доставлять грузы во время работы космонавтов, когда основной причал занят. Кроме того, этот дополнительный стыковочный узел можно использовать для пристыковки корабля-спасателя в случае какой-либо аварии на основном корабле.

В 1973 году, когда «Салют-4» и «Салют-5» еще готовились к полету, началась работа над станцией следующего поколения — «Салют-6».

Внешне похожая на первые станции, она претерпела значительные изменения. Чтобы повысить безопасность экипажа в полете, ввели систему контроля герметичности отсеков, установили специальные огнетушители, ввели

систему обнаружения пожара. Пополнились средства, обеспечивающие комфортные условия на станции. Среди них — душевая установка.

29 сентября 1977 года станция «Салют-6» была выведена на орбиту. А через десять дней с Байконура стартовал «Союз-25» с экипажем в составе В. В. Коваленка и В. В. Рюмина. Корабль вышел на орбиту и, как обычно, в автоматическом режиме приблизился к станции. Когда до нее оставалось около 100 метров, экипаж взял управление кораблем на себя. До станции было уже «рукой подать», но экипаж неожиданно обнаружил рассогласование углового положения корабля и станции. Привело это к тому, что запланированная стыковка не состоялась, хотя дважды штанга стыковочного узла корабля касалась ответной части, расположенной на станции. Повторные попытки сближения пришлось отменить — топлива на корабле оставалось только на возвращение. Через двое суток после старта экипаж благополучно вернулся на Землю.

Неудача огорчила, тем более появились опасения, что в результате соприкосновения корабля и станции могли быть повреждены некоторые элементы стыковочного узла «Салюта-6».

Насколько пригодна станция для дальнейшей эксплуатации по полной программе, то есть с использованием обоих стыковочных узлов, можно было определить, только осмотрев внушающий подозрения стыковочный узел вблизи. Инспекция узла, а при необходимости и проведение ремонтных работ поручались следующей экспедиции — Ю. В. Романенко и Г. М. Гречко. Для этого им нужно было, прилетев на станцию, выйти в открытый космос со стороны «поврежденного» узла и провести необходимые работы. Срочно начались тренировки экипажа по новой программе.

10 декабря «Союз-26» вышел на расчетную орбиту, а через сутки состыковался со станцией «Салют-6». Сты-

ковка производилась со стороны агрегатного отсека второго стыковочного узла. И вот космонавты в помещении станции. Первые дни ушли на ее подготовку к основной работе. Были включены системы жизнеобеспечения, проверены пульта управления, средства связи, часть научной аппаратуры. А главное, космонавты привыкли к невесомости, готовились к выходу в открытый космос.

Выход в открытое космическое пространство и работа там — операция до сих пор не рядовая, готовится она еще до старта (если, конечно, предусмотрена программой полета). В практике нашей отечественной космонавтики это был третий выход в космос. Для этого на «Салюте-6» имелись скафандры новой конструкции, принципиально отличавшиеся от тех, что использовались Леоновым, Елисеевым и Хруновым. Это скафандры так называемого полужесткого типа. Их основная отличительная черта — наличие жесткого металлического корпуса — кирасы. В скафандр входят через люк в кирасе. На «спине» скафандра размещена автономная система обеспечения жизнедеятельности, позволяющая работать в открытом космосе несколько часов. Такой скафандр в мировой практике был разработан впервые, он обладает целым рядом бесспорных достоинств. Надеть и снять подготовленный к работе скафандр, причем без посторонней помощи, — дело двух-трех минут. Он удобен в эксплуатации, надежен. Полужестким скафандром одного размера могут пользоваться космонавты разной комплекции (прежние скафандры изготавливались индивидуально для каждого космонавта), что позволяет иметь на борту два-три скафандра, независимо от того, сколько экспедиций будет работать на борту, необходимость их замены на новые диктуется только степенью их износа.

20 декабря бортинженер Г. М. Гречко вышел в открытый космос. Он внимательно осмотрел все наружные элементы и убедился, что стыковочный узел не поврежден и пригоден к эксплуатации. Теперь ничто не мешало

приступить к выполнению сложной, запланированной на несколько лет программы работы «Салюта-6».

Она предусматривала проведение нескольких длительных экспедиций с продолжительностью работы на орбите одного экипажа до полугода (с постепенным увеличением времени пребывания космонавтов на орбите от экспедиции к экспедиции) и кратковременных экспедиций посещения. Принципиально новым в программе было использование вновь разработанных грузовых кораблей «Прогресс», доставляющих на станцию топливо, продукты, воду, новую аппаратуру. Это позволяло не только осуществлять длительные космические полеты, но и модернизировать станцию. По этой программе планировались полеты на станцию международных экипажей.

На борту «Салюта-6» работало 16 космических экспедиций. Из них пять были длительными — продолжительностью 96, 140, 175, 185 и 75 суток. Станция находилась в планируемом режиме почти два года, она приняла 27 космонавтов, шестеро из них побывали здесь дважды.

В ходе полета комплекса «Салют-6» — «Союз» — «Прогресс» проведено свыше полутора тысяч экспериментов. Впервые в мировой практике на борту внеземной обсерватории работало 70 научных приборов, среди них уникальный космический радиотелескоп. Десятки тысяч снимков земной поверхности сделаны бортовыми фотокамерами и многозональной фотосистемой, разработанной специалистами СССР и ГДР. Для выполнения ряда технических заданий и научных экспериментов космонавты трижды выходили в открытый космос. Впервые в истории космонавтики действовала устойчивая двусторонняя телевизионная видеосвязь Земля — космос.

На специально созданных установках «Сплав-01» и «Кристалл» опробованы принципиально новые процессы создания материалов в условиях невесомости и глубокого вакуума. Проведены физико-технические, медико-биологические, технические опыты и эксперименты, выполнены

многочисленные задания научно-исследовательских и производственных организаций. Многие результаты сразу же были использованы в народном хозяйстве. В полете были испытаны и введены в строй новые транспортные средства — автоматические грузовые корабли «Прогресс» и модернизированные пилотируемые корабли «Союз Т».

12 рейсов совершили «Прогрессы» на орбитальную станцию, доставив туда около 22 тонн грузов.

На борту комплекса «Салют-6» «Союз» — «Прогресс» работали представители восьми стран социалистического содружества. С эмблемой «Интеркосмос» на космические орбиты поднялись первые космонавты Чехословакии, Польши, ГДР, Болгарии, Венгрии, Вьетнама, Кубы, Монголии, Румынии. Эти полеты явились новым этапом в сотрудничестве социалистических стран в области исследования и использования космического пространства в мирных целях.

Все, что было сделано космонавтами на «Салюте-6», подтверждает эффективность и правильность выбранного советской космонавтикой пути: освоение и использование околоземного космического пространства с помощью долговременных пилотируемых станций.

Необычным был праздник Нового года для экипажа первой длительной экспедиции и для тех, кто обеспечивал их полет на Земле. На «Салюте-6» его встречали по-космически: 15 раз перелетали «Таймыры» — позывные Г. М. Гречко и Ю. В. Романенко — из старого года в новый, будто на «машине времени». Земля встречала Новый год. На ней горело больше огней, чем в обычные дни. Там, на Земле, были люди, миллиарды людей, а здесь — всего двое на весь космос. И «Таймыры» были первыми, кто поздравил землян из космоса с Новым годом. Они пожелали всем людям планеты в новом, 1978 году мира и счастья.

Ю. В. Романенко и Г. М. Гречко готовились к встрече гостей: на станцию прибывала первая экспедиция посе-

шения. Старт корабля «Союз-27» с космонавтами В. А. Джанибековым и О. Г. Макаровым состоялся точно в расчетное время — 10 января, а через сутки корабль подошел к станции. Экипаж посещения привез почту, заказанные «Таймирами» магнитофон, яблоки...

После пяти дней совместной работы, выполнив намеченную программу, Джанибеков и Макаров на корабле «Союз-26» вернулись на Землю, оставив свой более «свежий» корабль хозяевам станции.

22 января с космодрома Байконур стартовал первый «Прогресс». Создан он был на базе «Союза» — традиция максимально использовать готовые конструкции и системы сохранилась со времен Сергея Павловича Королева.

«Прогресс» доставил на станцию больше ста наименований грузов, топливо для двигательной установки. Впервые в истории космонавтики дозаправка была осуществлена на орбите.

А вскоре космодром Байконур провожал в звездный путь первый в истории международный экипаж. 2 марта места в «Союзе-28» заняли советский космонавт А. А. Губарев и космонавт Чехословакии Владимир Ремек. Через сутки они очутились в объятиях друзей и коллег.

На протяжении многих лет, со времени принятия программы «Интеркосмос» в 1967 году, научные и производственные коллективы Болгарии, Венгрии, ГДР, Кубы, Монголии, Польши, Румынии, Чехословакии и Советского Союза широко сотрудничают в создании и разработке научных приборов и систем для космических аппаратов. Ученые братских стран проводят и совместные эксперименты на геофизических и метеорологических ракетах, совместные теоретические и методические работы, широко обмениваются научно-технической информацией.

Характерной особенностью программы «Интеркосмос» является ее направленность как на решение фундаментальных задач науки, так и на использование новейших технических средств и возможностей, открывшихся после

выхода человека в космос, для решения практических народнохозяйственных задач. Это работы по космической связи, метеорологии, биологии и медицине, по изучению природных ресурсов Земли из космоса.

Создание и отработка в Советском Союзе пилотируемых орбитальных станций и кораблей обеспечили надежные технические средства для работы на орбите как советских космонавтов, так и космонавтов других стран.

Предложение Советского Союза об участии граждан стран, сотрудничающих по программе «Интеркосмос», в совместных пилотируемых полетах было встречено с большим удовлетворением. В июле 1976 года в Москве одновременно с подписанием межправительственного Соглашения о сотрудничестве в исследовании и использовании космического пространства в мирных целях, которое упрочило международно-правовую основу программы «Интеркосмос», представители НРБ, ВНР, ГДР, Республики Куба, МНР, ПНР, СРР, ЧССР обсудили и одобрили новое предложение Советского Союза о дальнейшем развитии этой программы и подготовке к международным пилотируемым космическим полетам. В 1979 году к программе «Интеркосмос» присоединилась СРВ.

В декабре 1976 года первая группа кандидатов в космонавты, состоявшая из граждан Чехословакии, Польши и ГДР (по два человека от каждой страны), приступила к занятиям в Центре подготовки космонавтов имени Ю. А. Гагарина.

Неделю работал на орбите первый международный экипаж. Возвратились А. Губарев и В. Ремек на Землю 10 марта, а вскоре Земля встречала долгожителей космоса — Ю. В. Романенко и Г. М. Гречко. 96 суток длился их полет.

В ходе полета Ю. В. Романенко, Г. М. Гречко, А. А. Губаревым и Владимиром Ремекон было установ-

лено несколько мировых рекордов. По положению спортивного кодекса Международной авиационной федерации в качестве мировых рекордов принимаются достижения, превышающие предыдущие не менее чем на 10 процентов. Как известно, самый длительный по времени и самый дальний по общему количеству километров полет международных экипажей ранее совершили советские и американские космонавты на «Союзе» и «Аполлоне». Теперь это достижение было перекрыто. Романенко и Гречко перекрыли самый большой по срокам и по дальности полет американцев на станции «Скайлэб».

Возвращение на Землю 16 марта космического корабля «Союз-26» подвело итог первому этапу работ с орбитальной станцией «Салют-6».

Всего три месяца после возвращения первого экипажа станция была необитаемой. В июне на орбите начали свою длительную вахту В. В. Коваленок и А. С. Иванченков. 140 суток провели они в космосе. Самым удивительным в этой экспедиции была ее длительность, все остальное воспринималось уже как обычная планомерная работа, хотя объемы ее были огромны. Три раза за время работы этой экспедиции причаливали к «Салюту-6» космические грузовики, на которых доставлялись продукты и вода для космонавтов, топливо для двигательной установки, запасы кино- и фотопленки, новое научное оборудование. Все это требовалось разгрузить, разместить на станции, проверить и включить в работу. Поработали в это время на орбите и два международных экипажа: космонавты Польши и ГДР Мирослав Гермашевский и Зигмунд Йен, их командирами были уже известные советские космонавты П. И. Климук и В. Ф. Быковский.

Экипаж основной экспедиции скрупулезно выполнял все рекомендации медиков — и занятия физическими упражнениями, и проведение регулярного и всестороннего медицинского контроля за состоянием здоровья. На Земле

были довольны космонавтами — их работоспособностью и настроением — и общей дружеской атмосферой на станции, от чего в конечном счете зависит успех любого космического полета.

Коваленок и Иванченков выполняли все запланированные работы с кажущейся легкостью и даже перевыполняли задания. На самом деле работать в космосе значительно труднее, чем на Земле. Каждая операция требует здесь больших усилий, предварительной подготовки. Поэтому рациональная организация труда и отдыха приобретает в космических полетах особое значение. Постоянный контроль работы бортовых систем, подготовка и проведение экспериментов, регулярная связь с Землей требуют большого напряжения сил.

— Представьте себе насыщенный трудовой день на Земле,— говорил В. В. Коваленок после полета, — и в течение этого дня надо строго в назначенный срок — ни минутой раньше, ни минутой позже — пройти десятки временных точек. Трудно постоянно сохранять тот настрой, с которым ушел на орбиту. Сто сорок дней — долгий срок. Иной раз подумаешь: а хорошо бы сегодня не становиться на «бегущую дорожку» или только слегка пробежаться. Но нельзя не становиться, нельзя пробежаться слегка. До пота, до седьмого пота! И только так!..

Космонавты не раз выражали пожелание автоматизировать максимально возможное число операций на борту, которые называют рутинными. К ним относятся включение и выключение бортовых систем, снятие показаний приборов и т. д. Все это со временем целиком будет возложено на бортовые вычислительные комплексы и освободит космонавтов для более направленного проведения космических исследований и экспериментов — ведь, собственно, ради этого и летает человек в космос.

Но вот 140 космических суток позади. В. В. Коваленок

и А. С. Иванченков 2 ноября возвратились на Землю, а уже через две недели героев встречал Звездный городок. Послеполетная реадаптация прошла у них легче, чем у предыдущего экипажа.

Станция «Салют-6» продолжала полет в автоматическом режиме, так как у целого ряда систем и агрегатов к этому времени ресурс работы был исчерпан, обнаружались неполадки в топливной магистрали. Специалистам предстояло разобраться с состоянием станции, проанализировать ее работу, чтобы определить ее дальнейшую судьбу. На это ушло почти четыре месяца. Вывод был таким: станция может принять экипаж, но программа работы окончательно будет формироваться в зависимости от того, что удастся сделать экипажу для продления жизни станции.

25 февраля 1979 года Байконур провожал в космос В. А. Ляхова и В. В. Рюмина. Задача экипажу была поставлена необычная: после прибытия на станцию им предстояло провести дополнительное обследование бортовых систем, приборов и научной аппаратуры при работе в пилотируемом режиме, по результатам этого обследования определить объем профилактических и необходимых ремонтно-восстановительных работ. Такая задача ставилась впервые.

Первые две недели экипаж занимался расконсервацией станции, контролем работы систем в различных режимах. Космонавты заменили кабельную сеть системы связи «Заря» — она порядком износилась за время длительной эксплуатации; смонтировали «космические весы» — масс-метр — для измерения массы тела космонавтов; отремонтировали бортовое печатающее устройство «Строка».

Наряду с этими и другими работами, которые были необходимы для дальнейшей нормальной жизни на борту, космонавты начали биологические и медицинские эксперименты. Заодно готовились рекомендации по составу

новых приборов и оборудования для замены отслуживших свой срок, которые должен был привезти очередной грузовой корабль. Прибытия «Прогресса» ожидали с особым нетерпением еще и потому, что он был необходим для проведения наиболее ответственной операции — ремонта объединенной двигательной установки, в одном из баков которой была нарушена герметичность.

Когда грузовой корабль «Прогресс-5» состыковался со станцией, начался сложный технологический эксперимент. Неисправный бак был отключен от топливной магистрали, опасность была ликвидирована.

Продолжались и другие ремонтно-восстановительные работы. Был заменен пульт управления научной аппаратурой, часы на пульте центрального поста, смонтирована новая установка для технологических экспериментов. В системе жизнеобеспечения были заменены регенераторы, всевозможные поглотители примесей, блоки очистки воздуха, вентиляторы, смонтирована новая система радиосвязи «Кольцо» для переговоров космонавтов друг с другом и с Землей. А 24 марта произошло знаменательное событие — впервые в практике космических полетов космонавты смотрели прямую телевизионную передачу с Земли — связь космонавтов с «домом» стала еще прочнее. Жизнь на орбите входила в нормальную колею. В. А. Ляхов и В. В. Рюмин ждали гостей — советско-болгарскую экспедицию.

10 апреля, в канун Дня космонавтики, стартовал «Союз-33», на его борту находились Н. Н. Рукавишников и первый болгарский космонавт Георгий Иванов. Через сутки, в 21 час 54 минуты, началось сближение корабля с орбитальным комплексом «Салют-6» — «Союз-32». И вдруг (именно вдруг) двигательная установка корабля отказалась повиноваться командам. На принятие решения — считанные минуты. Центр управления полетом решает — стыковку отменить, экипажу «Союза-33» снять скафандры и ждать дальнейших ре-

комендаций. После тщательного анализа стало очевидно — основная двигательная установка корабля «Союз-33» неработоспособна. Такого еще не случалось ни в одном полете. Оставался еще резервный двигатель, но после долгих обсуждений было решено: не рисковать с повторной стыковкой, полет корабля прервать, торможение для спуска его с орбиты провести с помощью резервного двигателя, посадку осуществить 12 апреля.

Николай Рукавишников и Георгий Иванов, проявив мужество, прекрасно справились с задачей, безусловно провели все операции по ориентации корабля перед торможением. Когда резервный двигатель проработал 213 секунд, Рукавишников выключил его вручную. Спускаемый аппарат приземлился точно в заданном районе, но и последний участок, уже в атмосфере, был нелегким. При штатном, нормальном спуске перегрузки на этом участке не превышают 2—3 единиц, но в этот раз спуск проходил по более крутой баллистической траектории. При этом перегрузки, которые испытывали космонавты, достигали 8–10 единиц. Но в целом полет окончился благополучно.

Экипаж «Салюта-6» продолжал свой полет, длительность которого превысила все рекорды — 175 суток работали В. А. Ляхов и В. В. Рюмин на орбите и все это время одни: к ним не отправлялась больше ни одна экспедиция посещения.

Завершив все ремонтно-восстановительные операции, космонавты за время своего долгого полета выполнили огромный объем научно-исследовательских работ. Отличное самочувствие космонавтов, их высокая работоспособность позволили включить в программу полета на заключительном этапе новые, ранее не проводившиеся эксперименты. В конце июня «Прогресс-7» доставил на борт орбитального комплекса космический радиотелескоп КРТ-10.

Антенна радиотелескопа была отправлена на орбиту в сложенном виде, ее предстояло установить и «развернуть» в полете. После того как «Прогресс-7» был отстыкован от станции, за ее «кормой» раскрылась 10-метровая антенна первого космического радиотелескопа. Эксперименты с радиотелескопом, который работал «в паре» с 70-метровой антенной евпаторийского Центра дальней космической связи, были успешно выполнены. Оставалось огромную антенну отстрелить, чтобы освободить кормовой стыковочный узел и закрыть крышку люка. И тут космос преподнес очередной сюрприз. При отстреле антенна зацепилась за стыковочную мишень, установленную на корпусе станции. Все попытки освободиться от ставшей ненужной антенны ни к чему не привели. А от этого зависела дальнейшая эксплуатация станции.

Оставалось одно — выйти в открытый космос и отделить антенну вручную. Но шли 172-е сутки полета, космонавты устали, а выход в открытый космос, как уже говорилось, требует значительных физических усилий. Тем не менее и Ляхов, и Рюмин, не задумываясь, согласились провести эту сложную операцию. Для того чтобы добраться до антенны, надо было пройти снаружи всю длину станции. Это сделал Рюмин. Добравшись до кормы, он перерезал четыре троса антенны, рычагом отвел ее в сторону и оттолкнул от станции. Ляхов все это время страховал сго, стоя на специальной площадке.

На станции «Салют-6» работали еще две экспедиции. В апреле 1980 года на работу в космос отправились Л. И. Попов и В. В. Рюмин. Первоначально бортинженером был назначен В. В. Лебедев, но случилось так, что незадолго до старта, во время одной из тренировок, он повредил ногу и не смог лететь. Выбор пал на Рюмина, который прекрасно знал станцию. Это была не только самая длительная в то время экспедиция — она продол-

жалась 185 суток, но и самая насыщенная по объему выполненных за время полета работ.

Попов и Рюмин приняли и разгрузили четыре «Прогресса», вместе с ними на борту орбитального комплекса работали четыре экспедиции посещения, в том числе три международных, в состав которых входили представители Венгрии, Вьетнама и Кубы. Такая сложная программа, ставшая возможной благодаря надежной работе космической техники, слаженности и организованности научных, конструкторских и производственных коллективов, экипажей, специалистов Центра управления полетом, Центра подготовки космонавтов и других, была выполнена впервые.

В июне к станции стартовал усовершенствованный корабль «Союз Т-2» с космонавтами Ю. В. Малышевым и В. В. Аksenовым.

К 11 октября программа этой длительной экспедиции была полностью завершена. Итоги ее работы — свыше 4,5 тысячи спектограмм атмосферы и поверхности Земли, отчеты о 150 часах визуальных наблюдений, около 250 образцов полученных в невесомости новых материалов, многочисленные медико-биологические исследования...

Человек все увереннее чувствовал себя в космосе, а В. В. Рюмин стал абсолютным рекордсменом по длительности пребывания в космическом пространстве — он провел вне Земли около года.

Последняя экспедиция на «Салют-6» весной 1981 года продолжалась 75 суток. Ее экипаж — В. В. Коваленок и В. П. Савиных — провел совместные работы с международными экипажами, в составе которых были космонавты Монголии и Румынии — Ж. Гуррагча и Д. Прунариу.

Станцию «Салют-6» еще продолжали испытывать в автономном полете, когда 19 апреля 1982 года на орбиту была выведена следующая станция — «Салют-7».

Первым экипажем ее стали космонавты А. Н. Бере-

зовой и В. В. Лебедев. Они проработали на орбите 211 суток. Их полет начался 13 мая 1982 года, а через полтора месяца на станцию прибыл международный экипаж в составе В. А. Джанибекова, А. С. Иванченкова и гражданина Франции Жан-Лу Кретьена. Впервые на борту пилотируемой станции одновременно работали пять космонавтов. Успешно была выполнена программа экспериментов, подготовленных учеными СССР и Франции.

Впервые же на станции работала женщина-космонавт С. Е. Савицкая. Она вошла в состав смешанного экипажа, командиром которого был Л. И. Попов, бортинженером — А. А. Серебров.

Пять месяцев работал на борту «Салюта-7» экипаж второй длительной экспедиции — В. А. Ляхов и А. П. Александров. Важной частью программы их полета стали два выхода в открытый космос общей продолжительностью 5 часов 45 минут, во время которых были установлены дополнительные панели солнечных батарей, позволившие увеличить мощность бортовой системы электропитания.

Самая длительная в истории космонавтики экспедиция — ее продолжительность составила 237 суток — началась 8 февраля 1984 года, когда с Байконура стартовал корабль «Союз Т-10» с космонавтами Л. Д. Кизимом, В. А. Соловьевым и О. Ю. Атьковым.

Особое внимание в этой экспедиции уделялось медико-биологическим исследованиям — на борту находился врач — О. Ю. Атьков.

4 апреля в корабле «Союз Т-11» на станцию был доставлен международный экипаж в составе советских космонавтов Ю. В. Малышева, Г. М. Стрекалова и индийского космонавта Ракеша Шармы.

В июле на станции вместе с основным экипажем работали В. А. Джанибеков, С. Е. Савицкая и И. П. Волк. Джанибеков и Савицкая совершили выход в открытый

космос и провели сложные работы по резке, сварке, пайке металлов и нанесению покрытий. Впервые в истории пилотируемых полетов в открытом космосе работала женщина.

Огромную работу провел основной экипаж. Достаточно сказать, что впервые в мировой практике Кизим и Соловьев в течение одного полета шесть раз выходили в открытый космос, выполняя при этом сложные монтажные работы.

Космонавты вернулись на Землю 2 октября 1984 года.

Станция «Салют-7» продолжала полет в автоматическом режиме, все системы станции работали нормально. С ней проводились только контрольные сеансы радиосвязи.

В одном из таких сеансов была обнаружена неисправность в командной радиолинии. Вскоре связь со станцией прекратилась, она стала неуправляемой. А значит, исключалась возможность использования бортовой аппаратуры станции, ее двигателей для хорошо освоенного метода автоматического сближения транспортного корабля со станцией в случае посылки такого корабля.

Только находясь на борту станции, можно разобраться в том, что же там произошло. Стали готовить корабль и космонавтов к выполнению этой необычной задачи. Было решено: на расстоянии 2—3 километров, если все будет идти как задумано, экипаж должен взять управление на себя, приблизиться к станции, облететь ее для того, чтобы подойти со стороны переходного отсека, и причалить.

На корабле был установлен комплекс приборов, в который входили оптический прибор наведения, лазерный дальномер и прибор ночного видения.

После тщательной подготовки и многочисленных тренировок 6 июня 1985 года экипаж в составе В. А. Джанибекова и В. П. Савиных стартовал на корабле

«Союз Т-13», а утром 8 июня корабль подошел к станции. Когда станция и корабль вышли из тени, расстояние между ними составляло около 10 километров. Дальше все шло, как наметили, и с расстояния порядка 2,5 километра экипаж взял управление на себя. Когда до станции оставалось около 200 метров, корабль на некоторое время «завис», не приближаясь к станции. Джанибеков после короткого совета с Центром управления подвел корабль поближе, облетел станцию, вывел корабль к переходному отсеку и пристыковался. Эту операцию можно расценивать как крупное техническое достижение, перспективное для будущих работ с вышедшими из строя спутниками или терпящими бедствие пилотируемыми кораблями.

Стыковка была удачно завершена. Но... По положению солнечных батарей станции, которые были хорошо видны на экране телевизора, можно было сразу предположить, что не работает система ориентации солнечных батарей, а может быть, и отсутствует напряжение в системе электропитания. Убедились в этом после стыковки.

Сразу возникло много проблем: если на борту нет питания, там все должно замерзнуть, и не только вода и пища, но и все приборы, приспособленные к работе при положительных температурах.

После проверки герметичности стыка проверили состав атмосферы в рабочем отсеке станции. Атмосфера была нормальной, можно было перейти в станцию. Но проблем от этого меньше не стало. Как работать в станции? Ведь если не работает система регенерации, очень быстро возрастет концентрация углекислого газа, вплоть до опасной для жизни. По рекомендациям с Земли космонавты собрали временную схему вентиляции.

В первую очередь необходимо было наладить работу системы энергопитания: ведь буферные батареи оказались разряженными, к тому же задача осложнялась тем, что,

как выяснилось позже, неисправным оказался датчик, отключающий солнечные батареи от буферных при полном заряде последних. К счастью, оказалось, что полностью неработоспособны только две батареи из восьми. Остальные поочередно стали напрямую подключать к солнечным батареям.

Условия работы были невероятно сложными: света на станции нет, вода замерзла, температура во многих точках опустилась ниже нуля... Но В. А. Джанибеков и В. П. Савиных, проявив настоящее мужество, в очень тяжелых условиях тщательно, шаг за шагом провели все операции по восстановлению станции, полностью вернули ее к жизни. Нельзя не отметить и самоотверженную работу всех наземных служб, участвовавших в анализе сложившейся ситуации, разработке программ и методик по восстановлению работоспособности станции.

Такой сложный комплекс работ в космосе был проведен впервые. Закончив работы по «оживлению» станции, В. А. Джанибеков и В. П. Савиных начали выполнять программу научно-исследовательских работ.

Иногда спрашивают, если работа в космосе так тяжела, да еще и связана с риском для жизни космонавтов, так ли уж необходимо летать в космос человеку? Не проще ли посылать автоматические устройства? Время само разрешило спор — человек или робот? — нужно и то, и другое. Кроме того, не было еще в истории человечества примера, чтобы люди, ступив на какую-то новую дорогу, сворачивали бы с нее или останавливались на половине пути, — такова диалектика жизни.

Что же касается практического использования результатов космических исследований, в том числе с участием космонавтов, то сейчас специалисты оценивают экономический эффект в десятки и даже сотни миллионов рублей в год. Много ли это? Нет, хотя и не так уж мало. Но может и должно быть существенно больше. Как и во многих областях нашей хозяйственной деятельности,

многое здесь зависит от скорейшего внедрения результатов космических исследований в практику.

Один из энтузиастов космического земледелия, профессор Б. В. Виноградов, писал о том, что еще 15 лет назад в нашей стране было создано новое научное направление — космическое земледелие. Оно изучает природную среду из космоса и выполняет задачи экологического контроля. Главной его целью является слежение за развитием и распространением так называемых «горячих точек» в биосфере, то есть таких мест, где природа подвергается серьезным воздействиям.

Первая и, пожалуй, главная из них — это устойчивая тенденция сокращения площади пашни на душу населения. В СССР впервые в мировой практике в 1978 году на «Салюте-6» В. Коваленком и А. Иванченковым был проведен специальный эксперимент по экологическому контролю динамики и прогнозу сокращения земельных угодий. При сравнении сделанных ими фотографий со снимками тех же мест, полученными ранее, в 1970 году, на «Союзе-9» А. Николаевым и В. Севастьяновым, стало видно, что эрозия, засоление почв и отчуждение земель под строительство могут привести к тому, что начнется сокращение площадей пашни.

Конечно, информация такого рода позволила заблаговременно планировать мероприятия по интенсификации земледелия для сохранения и даже увеличения продукции сельскохозяйственного производства.

Вторая «горячая точка» связана с эрозией почв и с тем, что в почве уменьшается содержание ее основного плодородного вещества — гумуса. Экологический контроль из космоса за падением плодородия почв осуществляется путем одновременной космической съемки заповедников или других целинных участков с распаханными полями. Такое сравнение на больших площадях показало, что повсеместно в степной и лесостепной зонах

на полях за земледельческий период утрачивается около 25 процентов гумуса. Местами снижение достигает даже 50 процентов.

Третья «горячая точка» — состояние естественных пастбищ. Известно, что многие пастбища расстроены перевыпасом, а также работой транспорта, ведением строительства. Примером такого неразумного ведения хозяйства является опустынивание пастбищ в Калмыцкой АССР. Тысячи лет так называемые Черные земли были там зимними пастбищами (зимой они мало покрываются снегом). Еще в 1954 году, судя по аэрофотоснимкам, пески занимали на них менее 5 процентов площади. Однако с освоением целинных и залежных земель их стали использовать как летние пастбища с сильной перегрузкой, выпасая там в 1,2—2 раза больше скота, чем позволяют естественные возможности пастбищ. В результате к концу 70-х годов — и это видно на космических снимках — площадь подвижных песков увеличилась до 25 процентов. И сейчас их рост неуклонно продолжается. Снимки говорят: если сейчас не будут приняты срочные меры, то все Черные земли — а это несколько миллионов гектаров — могут превратиться в песчаную пустыню.

Главное преимущество космического контроля — это оперативность и скорость. За одну, две, три недели в Средней Азии проводятся съемки урожайности пастбищ, на которые обычными методами потребовалось бы несколько лет.

Экологический контроль из космоса резко сокращает возможность приписок, вскрывает факты бесхозяйственности, дает оценку качества и эффективности проводимых сельскохозяйственных, гидромелиоративных, лесохозяйственных работ. Учет сельскохозяйственных ресурсов у нас поставлен неудовлетворительно. Снимки обнаружили и то, что не исполнялись севообороты. На картах показывались ячмень, многолетние травы и другие культуры, а сеялась одна пшеница. То же наблюдалось во время

подспутниковых экспериментов на пустынных пастбищах Чимкентской области. Там скота содержалось на пастбищах больше, чем было показано в официальной статистике, а данные об урожайности пастбищ занижались в отдельные годы в 1,5—2 раза. Проверить фактическую урожайность пастбищ, которая колеблется год от года, в таких условиях на больших площадях можно только аэрокосмическими методами.

Приведенные примеры достаточно красноречиво говорят о возможностях космической техники. Но, повторим, эти возможности могут быть эффективно использованы только при активном их внедрении в повседневную практику. Пока же с этим обстоит далеко не все благополучно, практическое применение материалов космических съемок и наблюдений сдерживается недостатком необходимых теоретических и методических разработок.

Советская пилотируемая космическая техника развивалась по своим закономерностям, технически и психологически подготавливая условия для полноценной творческой работы при выведении на орбиту, в длительном полете в состоянии невесомости, при выходе в открытый космос и возвращении на Землю. Планомерно увеличивались продолжительность экспедиций, объем и сложность выполняемых задач. От узких функций контроля за автоматикой космонавты перешли к сотрудничеству с наземными службами, самостоятельному формированию программ и алгоритмов экспериментов. От индивидуальных полетов к коллективной работе на многоместных долговременных станциях.

Большим достижением космонавтики стала стабильность запусков, жизнеспособность конструкций за счет их ремонтпригодности, кажущаяся обыденность современных программ полетов. В полной мере реализуется ведущая идея исследований, сформулированная академиком С. П. Королевым: «Космос для науки, только

для мирных целей, на благо человека, неутомимо разгадывающего сокровенные тайны природы,— вот тот путь, по которому развиваются и осуществляются советские космические исследования».

Накоплен огромный научно-технический потенциал, позволяющий перейти к следующему этапу интенсивного развития космонавтики.

История советской космонавтики убедительно подтверждает ту истину, что актуальные направления в науке и технике рождаются и интенсивно развиваются в соответствии с насущными земными потребностями человечества.

Если на первом этапе в основном изучались уникальные условия космоса, физиологические и психологические возможности человека, то перспективные программы предполагают на базе установленных закономерностей переход к широким конструкторским исследованиям, натурным экспериментам, направленным на создание больших народнохозяйственных систем нового поколения. Научившись противодействовать факторам космической среды, естественно перейти к их широкому полезному использованию.

Выделяя приоритетные народнохозяйственные программы, следует указать на перспективность космической энергетики, создания объединенной глобальной информационно-диагностической службы с целью разработки надежной модели Земли, прогнозирования и управления атмосферными и другими природными процессами. Представляется актуальной постановка задачи создания параллельно с общегосударственной и международной системой космической связи мощных многоцелевых информационных систем, а затем анализирующих и управляющих космических систем социально-экономического плана, обслуживающих большие регионы и отрасли народного хозяйства, объединяющие их. Предполагается дальнейшая специализация труда космонавта. Если сейчас мы го-

товим космонавтов-универсалов (на данном этапе это вполне оправдано), то в дальнейшем рядом с пилотами, исследователями широкого профиля будут работать физики, теоретики и экспериментаторы, энергетики и радиоинженеры, геологи и океанологи, специалисты по сельскому хозяйству и защите окружающей среды.

Космонавтика активно включается в решение очередных задач, поставленных Коммунистической партией, — задач повышения производительности труда и энерговооруженности производства, реализации Продовольственной программы, создания новых технологий, совершенствования принципов научного управления народным хозяйством.

Осуществление программ такого масштаба требует дальнейшего совершенствования автоматических и пилотируемых космических систем, средств доставки на орбиту. Развитие автоматических систем, вероятно, пойдет по пути создания взаимодействующих комплексов двух типов — многоцелевых долгоживущих базовых аппаратов, координирующих и управляющих центров и малых, систематически обновляемых зондов — источников глобальной информации. Тяжелые базовые аппараты будут рассчитаны на периодическое обслуживание пилотируемыми кораблями. В области пилотируемых комплексов будущее космонавтики связано с долговременными орбитальными станциями и лабораториями различного назначения. Кроме станций и транспортных аппаратов, очевидно, будут создаваться и серии малых высокоманевренных аппаратов для монтажных работ, перелетов «орбита — орбита» и индивидуального спуска космонавтов на Землю.

Уже в обозримом будущем грузопоток «Земля — орбита» может намного возрасти: необходимо будет не только обеспечивать эксплуатацию постоянно действующих орбитальных станций, но и создавать непосредственно

в космосе крупногабаритные конструкции и аппараты.

Срок эксплуатации орбитальной станции находится в прямой зависимости от ее снабжения. На ее борт необходимо периодически доставлять продукты питания, топливо для двигательных установок, блоки регенерации атмосферы (пока не будет создана экологически замкнутая система обеспечения жизнедеятельности). Уже имеющийся опыт показывает, что программа исследований может меняться в ходе самого полета, а значит, на станцию понадобится доставлять новые приборы, пополнять запасы фото- и киноплёнки.

Создание высокопроизводительного транспортного моста «Земля — орбита — Земля» — объективная необходимость. И над этой проблемой активно работают ученые и конструкторы разных стран. Со временем проблема возвращения грузов на Землю, а не только их доставки на орбиту будет становиться все более острой. Сейчас возвращаются прежде всего материалы научных исследований и экспериментов. В. Ляхов и В. Рюмин на беспилотном «Союзе-32» вернули даже часть оборудования и приборов станции «Салют-6», выработавших ресурс, чем очень обрадовали разработчиков. Еще больше удалось вернуть на возвращаемом аппарате спутника «Космос-1443» с «Салюта-7».

В будущем к возвращаемым материалам прибавится продукция космических цехов и заводов, опыт создания которой, пусть пока и в небольших количествах, уже приобретен на советских орбитальных станциях.

Создание арсенала космических транспортных средств — задача огромной важности. Ее решение связано с совершенствованием силовых установок, получением новых видов топлива, конструкционных материалов, прогрессом в области систем управления. Пути решения этой задачи различны, но во всех случаях разрабатываемые транспортные системы должны обеспечить существенное снижение стоимости доставки.

Существующая у нас и развиваемая транспортная система, состоящая из транспортных кораблей «Союз Т», грузовых автоматических кораблей «Прогресс» и однотипных одноразовых ракет-носителей, предназначенных для их выведения в космос, успешно обеспечивает эксплуатацию долговременных орбитальных станций. Она будет достаточно экономична, эффективна и тогда, когда на станциях станут работать и более многочисленные экипажи. Однако для дальнейшего обеспечения деятельности человека в космосе понадобятся принципиально иные средства. В мире немало проектов такого рода. Однако все они, по замыслу конструкторов, должны «уметь» летать в атмосфере, выходить на околоземную орбиту, находиться на ней достаточно долгое время, а затем совершать посадку на свой аэродром. И, что не менее важно, — сохранять как можно больше элементов системы для повторного использования.

Чтобы отвечать этим требованиям, новый космический корабль должен существенно отличаться от нынешних кораблей.

Осуществление всех этих грандиозных проектов возможно лишь при одном обязательном условии — космос должен быть мирным, чистым от всякого вида оружия, способного наносить вред космическим аппаратам. Нельзя жить и работать в космосе под угрозой гибели. Космос, достижения космонавтики должны служить исключительно мирным целям, экономическому и социальному прогрессу всех народов.

С самого начала освоения космоса Советский Союз активно выступает за его мирное использование.

В августе 1985 года наша страна выступила с новой инициативой: на рассмотрение Генеральной Ассамблеи ООН представлен документ «Основные направления и принципы международного сотрудничества в мирном освоении космического пространства в условиях его немилитаризации (предложения СССР)».

Выдвигая эти предложения, Советский Союз исходит из того, что человечество стоит сейчас перед выбором: либо космос будет приносить все более ощутимые плоды для улучшения условий жизни обитателей нашей планеты, либо он превратится для них в источник новой смертельной опасности. Единственный разумный выбор, достойный космической эры землян, может и должен быть сделан в пользу недопущения милитаризации космоса, сохранения его для мирной деятельности.

СОДЕРЖАНИЕ

А. Ю. Ишлинский. ПЕРВЫЕ	1
М. И. Герасимова. ВОПЛОЩЕНИЕ МЕЧТЫ	6
О. Г. Ивановский. НА ПУТИ К «ВОСТОКУ»	49
В. А. Суворов. ТОЧКА ОТСЧЕТА	85
«ПОЕХАЛИ!»	120
СВИДЕТЕЛЬСТВУЕТ ЧЕЛОВЕЧЕСТВО	130
А. Т. Гагарина. ДЕТСТВО СЫНА	138
СТРАНИЦЫ ИЗ БИОГРАФИИ	182
В. И. Гагарина. ОН НЕ ПРОСТО МЕЧТАЛ	188
Г. С. Шонин. «БОЛЬШОЕ ВИДИТСЯ НА РАССТОЯНЬЕ»	242
Г. С. Титов. СЛОВО О ДРУГЕ	281
В. П. Мишин. И ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОЛЕТ	305

ЗВЕЗДНЫЙ ПУТЬ

Заведующий редакцией *В. Я. Грибенко*

Редактор *А. А. Агафонов*

Младшие редакторы *И. М. Жилина, Л. В. Масленникова*

Художник *А. И. Анно*

Фото *А. С. Моклецова*

Художественный редактор *И. В. Меркулов*

Технический редактор *Н. К. Капустина*

ИБ № 5424

Сдано в набор 04.12.85. Подписано в печать 28.03.86. А 00059. Формат 70×108¹/₃₂. Бумага офсетная. Гарнитура «Литературная». Печать офсетная. Усл. печ. л. 16,28. Усл. кр.-отт. 20,83. Уч.-изд. л. 16,39. Тираж 200 тыс. экз. Заказ 1332. Цена 80 коп.

Политиздат. 125811, ГСП,
Москва, А-47, Миусская пл., 7.

Ордена Ленина типография
«Красный пролетарий».
103473, Москва, И-473,
Краснопролетарская, 16.

80 коп.

ЗВЕЗДНЫЙ ПУТЬ

Облетев Землю в корабле-
спутнике, я увидел,
как прекрасна наша
планета. Люди, будем
хранить и приумножать
эту красоту,
а не разрушать ее!
ЮРИЙ ГАГАРИН

Издательство
политической
литературы